

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ научной конференции

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ 120-ЛЕТИЮ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Томск 1999 Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции, посвящённой 120-летию Томского государственного университета. Том. III / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 237 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции, состоявшейся в г. Томске 27-28 мая 1998 г. Доклады и сообщения публикуются в авторских вариантах. Во третий том вошли материалы секций: Актуальные проблемы современной отечественной истории, Наука и образование Сибири.

Для специалистов — историков, аспирантов, всех интересующихся проблемами исторической науки.

Редакционная коллегия:

Ю.В. Куперт, д.и.н., С.А. Красильников, д.и.н., С.Ф. Фоминых, д.и.н., Э.И. Черняк, к.и.н. (отв. ред.)

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-01-00073) и фонда «Велущие научные школы России» (проект № 98-15-98585)

ISBN 5-7511-1109-5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В 1920-1930-Е ГГ.

СИБИРЬ В ПЛАНАХ И ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕПРЕССИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

С.А. Красильников

В рамках реализации программы изучения взаимоотношений «Центр — провинция» обращение к проблематике места и значения Сибири в планах и практике государственных репрессии первой половины XX в. представляется бесспорным. В свете вышесказанного актуальность приобретает исследование как сходства и различий в функционировании карательных институтов в дореволюционное и советское время применительно к сибирскому региону, которых оказывается немало, так и изучение конкретного механизма реализации государственной карательной политики на региональном уровне.

Представляется возможным классифицировать реакцию региональных властей на планы Центра по превращению Сибири в плацдарм для отработки технологии государственных репрессий по следующим основаниям: действия делились на три типа - инициативные, исполнительские и протестные. Суть инициативных мероприятий состояла в том, что региональные власти периодически стремились предугадать и использовать в своих прагматических интересах те или иные повороты и тенденции в карательной политике Центра, которые еще только намечались и их реализация могла укрепить позиции «регионалов». Что касается исполнительских действий, то они являлись нормальной бюрократической реакцией нижестоящих органов на указания вышестоящих. Несколько обособленное место занимают так называемые протестные шаги региональной власти на действия Центра: они были достаточно редкими и малоэффективными и никогда не выходили за границы нормативных бюрократических отношений. Особняком стоят и ходатайства региональных властей в адрес Центра с просьбами о корректировке осуществляемых мероприятий на территории Сибири. В одних случаях они близки к инициативным, в других — к протестным шагам.

Воспользуемся имеющимися эмпирическими данными для характеристики наиболее типичных действий региональных властей. Истоки протестных шагов сибирского руководства в период проведения широкомасштабных депортаций в Сибирь в начале 1930-х гг. лежали в конфликте интересов их собственных с интересами Центра и других региональных политических элит.

Так, весной 1930 г. руководство основных зернопроизводящих районов страны, отнесенных к так называемой первой очереди коллективизации, стремилось к максимально ускоренной высылке за пределы своих регионов экспроприированных и разоренных крестьянских семей, сознательно переложив организационные, финансовые и кадровые тяготы и проблемы на власти Центра и тех регионов, куда поток депортированных направлялся.

В свою очередь, сибирский крайком ставил себе целью в первую очередь провести собственное так называемое внутрикраевое расселение семей, которые были отнесены к кулакам второй категории и подлежали переселению из южных районов Сибири на Север. В ответ на предложение ОГПУ принять и разместить в Сибири около 18 тыс. семей из западных пограничных районов, главным образом Украины, Р.И. Эйхе в марте 1930 г. направил резкий ответ Центру, где доказывал невозможность принимать почти 100-тысячную массу переселенцев из-за Урала одновременно с необходимостью размещения примерно такой же массы собственных депортированных внутри региона крестьянских семей. На это последовала жесткая телеграмма, подписанная 17 марта 1930 г. Рыковым: «Высылаемых вам ГПУ кулаков вы обязаны принять. К вам выезжают сначала одиночки – 18 тыс. Семейства к ним прибудут весной. Считаем целесообразным расселение их по северным районам Енисея и Оби»¹.

Как видим, в результате столкновения интересов региональных элит, Центр нашел относительно приемлемое для сторон решение: в Сибири в мае 1930 г. было расселено примерно 100 тыс. чел., при этом 80 тыс. составили сибирские крестьяне и только 20 тыс. — из Украины, среди которых действительно преобладали мужчины-одиночки, направленные главным образом для обеспечения строительства промышленных предприятий и шахт Кузбасса. В этой комбинации, однако, не были

учтены жизненные интересы третьей стороны — самих репрессированных крестьян, в первую очередь украинских. Оторванные от глав семейств на длительный срок, женщины, старики и дети ставились на грань выживания, и часть из них так и не дожила до воссоединения семей.

Весной 1931 г., в условиях уже раздельного существования некогда единого Сибкрая, руководство Западной Сибири предприняло накануне новой депортационной волны уже бюрократически правильное решение. На этот раз местное ГПУ заранее согласовало со своим центральным ведомством масштабы и сроки осуществления очередной внутрикраевой депортации 40 тыс. крестьянских семей и добилось утверждения этой цифры комиссией Политбюро под руководством Андреева. И только после того, как эта нормативная цифра к началу июля 1931 г. была воплощена в реальность, Ягода дал команду из Центра начать депортацию в Сибирь 10 тыс. семей из-за Урала: по 5 тыс. семей из Башкирии и Московской области, соответственно. Их направили в Кузбасс².

Таким образом, в своих планах интенсивного освоения восточных районов силами репрессированного крестьянства власти в начале 1930-х гг. придерживались следующего сценария: местное, сибирское крестьянство играло роль основного фактора земледельческой и промысловой колонизации преимущественно северных территорий, тогда как несибирское крестьянство направлялось главным образом в так называемые промышленные по своей специализации комендатуры. Этот, казалось бы, оптимальный вариант действия репрессивной машины, до определенной степени примирявший интересы сибирской и центральной номенклатур, уже в 1932 г. начал давать сбои. Так, сибирское руководство придерживалось в общем-то нехитрой идеи: при проведении массовых репрессий оставлять максимум сибиряков внутри региона, проявляя при этом предусмотрительность в определении масштабов поступления спецпереселенцев из-за Урала. Но уже третья депортационная волна 1932 г. внесла важные коррективы в сложившуюся было практику. Так, сибирская краевая номенклатура намечала для очередного внутрикраевого расселения осуществить депортацию 7 тыс. местных крестьянских хозяйств³. Однако Центр к тому времени сам серьезно скорректировал свои карательные планы: по ним Кузбасс лишился почти 4 тыс. трудоспособных спецпереселенцев.

спешно переброшенных на строительство Беломоро-Балтийского канала. Далее тот же Центр резко уменьшил цифры по высылке сибирских крестьян — с 7 тыс. семей до 1 тыс., да и тех надлежало перебросить на Дальний Восток⁴. Таким образом, 1932-й год стал крайне нетипичным для динамики крестьянских депортаций на территории Сибири: отток спецперсселенцев из Сибири оказался масштабнее поступлений в регион.

Ситуация должна была вернуться в свое русло уже в следующем, 1933-м году. Однако он был отмечен в истории государственных репрессий на территории Сибири весьма драматическими событиями. Речь идет о совершенно фантастических планах карательных органов провести в краткие сроки депортацию в восточные районы страны (Западную Сибирь и Казахстан) нескольких миллионов человек, главным образом из городов и приграничных районов. Одним из эпизодов этого стала печально известная «назинская трагедия».

Напомним, что в этот период совпали сроки проведения сразу как минимум четырех массовых операций: высылка крестьян за срыв и саботаж хлебозаготовок; выселение в ходе очистки западных государственных границ; ссылка городского деклассированного элемента, выявленного в ходе проведения паспортизации и подлежавшего выдворению из крупных городов в первую очередь; и, наконец, отправка на поселение уголовного элемента из тюрем в ходе их так называемой разгрузки. Как видим, контингент подлежавших высылке был весьма пестрым, но во всех указанных случаях на органы ГПУ и милиции возлагались задачи проведения этих операций в сжатые сроки. Тогда и возникла суммарная цифра высылаемого контингента — три миллиона человек, а районами депортации определялись Западная Сибирь и Северный Казахстан. Предполагалось на основе уже имевшейся в этих районах системы спецпоселений создать новые. При этом, однако, не был учтен такой фактор: уже существовавшая сеть комендатур создавалась громадными усилиями на протяжении трех предыдущих лет и могла вместить не более полумиллиона человек. Было абсурдом предполагать, что удастся в краткие сроки обеспечить переброску, расселение и адаптацию к суровым условиям Сибири и Казахстана таких специфических и собранных вместе групп, как деклассированные элементы городов, беспризорные, цыгане, рецидивисты, не имевших ни навыков, ни установок на хозяйственное устройство.

Когда «назинская трагедия» (смерть от голода и болезней от полутора до двух тысяч человек из числа вновь прибывшего в Александровский район в мае 1933 г. контингента) стала предметом служебного расследования, то выяснилась следующая картина. Из слов впоследствии снятого с должности начальника Сиблага Горшкова вырисовывается картина того, как принимались и корректировались решения, затрагивавшие судьбы и жизни миллионов людей в сталинскую эпоху: «В феврале месяце я был в командировке в Москве и там получил распоряжение соответствующих органов о переселении 3 000 000 человек... Затем, через пару дней стало известно, что будут идти 2 млн. чел. — 1 млн. в Казахстан и 1 — в Западную Сибирь. Директивными органами было дано указание, чтобы проработать финансовые вопросы... Причем было указано, чтобы сделать это по возможности дешевле. Было проработано несколько вариантов, затем была создана комиссия ЦК, затем вопрос разбирался в Госплане, и там все минимальные требования, которые предъявило ОГПУ, как я знаю, были еще значительно срезаны... Когда я приехал сюда (в Новосибирск. — С.К.), то цифра поселенцев изменилась... 500 тыс. в Казахстан и 500 тыс. чел. к нам. в Западную Сибирь»5.

Горшков не раскрывает здесь подлинного механизма, вызвавшего столь значительную корректировку абсолютно нереального колонизационного плана ОГПУ, который вызвал не только резкое противодействие в силу своей абсолютной нереальности со стороны других мощных государственных структур, призванных балансировать и примирять различные ведомственные интересы — ЦК, СНК, Госплан, но и со стороны сибирской номенклатуры. Эйхе, что было для него характерно, послал 10 февраля 1933 г. протестную шифротелеграмму Сталину, в которой говорилось: «Получили предложение ОГПУ принять до конца навигации 1933 г. для расселения в северных районах Западной Сибири 1 млн. спецпереселенцев, из них 100 тыс. чел. для завоза до открытия навигации. Это предложение совершенно нереально, объяснимо только тем, что товарищи, составлявшие наметки плана, не знакомы с условиями Севера. Какие бы материальные ресурсы в помощь краю Центр ни выделил, это количество людей завезти, расселить, создать минимальные условия для зимовки за лето 1933 г. не можем. Также невыполнимо предложение о завозе санным путем в северные районы 100 тыс. чел. Для завоза такого количества людей, также минимально необходимого им для начала навигации продовольствия потребовалось бы мобилизовать 30-35 тыс. лошадей, что превышает все конское поголовье северных районов. Такая массовая мобилизация, не говоря о полном срыве лесозаготовок, привелет к неизбежной гибели лошадей, срыву посевной кампании северных, а также прилегающих к ним районов... Летний завоз спецпереселенцев считаем возможным 250-270 тыс. чел... Принимая это решение, мы изыскиваем все возможности в максимальной степени увеличить контингент приема, но считаем, что с нашей стороны было бы тяжким преступлением обещать выполнить совершенно нереальное предложение ОГПУ. При решении этого вопроса прошу вызвать меня в Москву. ЭЙХЕ»6.

Протест регионального лидера возымел определенное действие. Отвечая на запрос Сталина по поводу выявившихся опасений руководства Западной Сибири, Ягода продолжал отстаивать необходимость реализации плана ОГПУ, подчеркивая, что делается это в интересах страны и региона, однако сделал прагматическую уступку, предложив установить цифру для Западной Сибири вдвое меньше ранее намеченной (вместо миллиона — 500 тыс. чел.). Но в течение апреля-июня 1933 г. было произведено, не без активного участия регионалов, еще около 10 корректировок. В конечном же итоге реально в течение 1933 г. в Западную Сибирь поступило и было размещено около 132 тыс. новых спецпереселенцев преимущественно в районах не севера, как ранее намечалось, а юга Западной Сибири⁷. «Назинская трагедия» в этом контексте оказалась кровавым, но весомым аргументом в арсенале возражений региональной номенклатуры против столь массовой депортации маргинальных групп в Сибирь. В конце мая 1933 г. в ответ на панические телеграммы из Сиблага о ходе депортации, начальник ГУЛАГа Берман ответил: «Дальнейшее направление Вам деклассированного элемента не предполагается... В отношении деклассированного соцвредного элемента необходимо в ближайшее время установить лагерный режим^к.»

Емкую, хотя и сделанную под углом зрения карательных органов характеристику происшедшим в 1933 г. событиям дал через несколько лет Иван Долгих, возглавлявший в то время Отдел спецпоселений Сиблага и ставший на излете своей профессиональной карьеры в 50-е гг. последним начальником ста-

линского ГУЛАГа: «В тот период расселения основная масса контингента состояла из деклассированного элемента, высланного из центральных городов, цыган, а также высланных из Закавказья. Этот элемент, не имевший трудовых навыков и плохо приспособленный к северным условиям, не являлся скольконибудь ценным для дела освоения Севера и в дальнейшем создал много трудностей при их трудоустройстве» Так бесславно для карательных органов и драматично для его участников завершился поставленный на просторах Сибири и Казахстана эксперимент по «трудовому перевоспитанию» так называемых социально вредных элементов.

Опыт нашей работы над указанной темой позволяет расширить или уточнить, скорректировать ряд имеющихся уже в литературе выводов.

Вывод первый относится к соотношению преемственности и новании в осуществлении государственных репрессий на территории Сибири в до- и послереволюционный периоды. Для 1920-х гг. следует констатировать доминанту преемственности и воспроизводства природы и технологии государственных ренрессий. В пользу этого свидетельствует как сохранение прежних пропорций в соотношении уголовной и политической частей ссылки, так и воспроизводство прежних мест дислокации ссыльных, равно как и воспроизводство спектра отношений внутри треугольника «власть — есыльные — местное население». По сути сохранилось отношение и по линии «провинция-Центр», и в планах последнего приоритетным считалось сохранение за Сибирью роли социального «отстойника» для маргинальных групп и слоев, то есть района изоляции нежелательных для режима и общества в целом элементов. Колонизация Сибири силами репрессированных в тот период всерьез не рассматривалась ни Центром, ни региональными властями.

События конца 20-х — начала 30-х гг. ознаменовали собой коренное изменение ситуации в отмеченной сфере государственных репрессий. В сравнительно короткое время Сибирь покрылась сетью комендатур, колоний и лагерей. О возросших масштабах репрессий говорит только один факт: по самым приближенным данным, через Сибирь в 30-е гг. прошло не менее миллиона репрессированных, то есть число, сопоставимое с царскими репрессиями на протяжении всего XIX в. Появилась масса

новаций и новообразований в практике государственных репрессий. Однако и здесь можно почти во всех случаях найти корни более ранних проектов и начинаний центральной власти. Так, в новых условиях была реанимирована и воплощена в жизнь, хотя и в невероятно деформированном и кровавом виде, идея принудительной, штрафной колонизации Сибири силами репрессированных. Во многих отношениях ее невозможно признать успешной, но также справедливости ради следует считать ее состоявшейся. Следует признать решающую роль принудительных миграций сталинской эпохи в деле освоения отдельных громадных территорий севера и востока Сибири. Историческая цена подобной колонизации — особая тема для анализа.

Второй вывод нашего исследования состоит в том, что ни на одном из этапов осуществления государственных репрессий в 20-30-е гг. действия местных, региональных властей не вступали в серьезные противоречия с планами Центра. Протестные шаги были непоследовательны и никогда не ставили под сомнение правомерность действии Центра, а лишь вносили коррективы в карательные планы. Следует иметь в виду очень важный аспект поведения региональных лидеров, на который мало обращается внимание историков. Региональная элита 30-х гг. в лице Эйхе, Грядинского и других была субъективно заинтересована в концентрации так называемого спецконтингента на территории Сибири, что позволяло не только решать, пусть и столь примитивным путем, экономические проблемы региона, но и давало дополнительную возможность выхода «наверх», путём участия в выработке и обсуждении планов колонизации и развития силами «спецконтингентов».

На протяжении 30-х гг. Сибирь стала полем воплощения двух широкомасштабных вариантов принудительной колонизации: в первом случае речь шла о репрессированном крестьянстве, во втором — о люмпенизированных, деклассированных элементах. На практике были реализованы оба варианта, причем драматическая неудача второго варианта в 1934 г. вовсе не перечеркнула практики его воспроизводства в дальнейшем. хотя и не в столь «чистом» виде. Можно сказать, что в ходе этнических депортаций он был вновь повторен, хотя и в смягченном варианте, поскольку маргинальный элемент в этнических группах не достигал критической концентрации.

- ³ Цит. по: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994. С. 212.
- ² Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 начало 1933 гг.: Сб-к доктов. Новосибирск. 1993. С. 47-48, 314.
- ³Там жс. С. 139.
- 4Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 30. Д. 196. Л. 11, 70.
- ⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-7. Оп. 1. Д. 626. Л. 96-97.
- ⁶АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 196. Л. 117.
- ⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 1938 гг.: Сб-к док-тов. Новосибирск. 1994. С. 118-119.
- ⁸ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 628. Л. 184.
- ⁹Спецперессленцы в Западной Сибири. 1933 1938. С. 222.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА И ЛИЧНОСТИ АКАДЕМИКА М.Н. ПОКРОВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.А. Говорков

29 августа 1998 г. исполнилось 130 лет со дня рождения Михаила Николаевича Покровского, крупнейшего историкамарксиста, представителя старой большевистской гвардии, посмертно репрессированного тоталитарным режимом Сталина.

На протяжении всего XX столетия вокруг его имени, его личностных качеств, его вклада в понятие русского исторического процесса, проблем методологии науки о прошлом не утихают споры, дискуссии, даются диаметрально противоположные оценки. И мне кажется, что колоссальный интерес к Покровскому вполне объясним. В 20-е гг. считали, что историк как никто другой олицетворял, воплощал процесс марксистского изучения российской истории. Объяснялся этот интерес и сложностью самой личности Михаила Николаевича, оригинальностью его ума и колоссальной трудоспособностью. Исследователи творчества ученого еще недостаточно обратили внимание на статью Н.И. Бухарина «Профессор с пикой»¹. В ней отмечалось: «Товарищ Покровский («Домов») одна из самых ярких и оригинальных

фигур нашей партии. Крупнейший ученый и большой партиец. Профессор и какой-то страстный любитель повстанческого дела. Большой эрудит и блестящий публицист. Научный работник и администратор, пропадающий... на бесчисленных заседаниях бесчисленных комиссий. Кропотливый труженик и в то же время человек, пригоршнями бросающий сверкающие парадоксы самых смелых обобщений. Как его ни складывай, ни перегибай, ни мни — ни в какой футляр его не запрячешь, штампа из него не сделаешь, под номер не подведень. И от того-то среди циркулярно-бумажного хлама фигура нашего ученого историка излучает волны прекрасной умственной святости и непрерывного революционного брожения... Умелое использование материала, острая наблюдательность, образность языка, легкость характеристик, живость рисунка, узоры которого всегда покоятся на широком фоне самых смелых исторических обобщений - делают из произведений Михаила Николаевича шедевры исторического изложения. Было бы смешно отрицать наличие ошибок в иногда рискованных построениях Покровского, но и самые его шибки бывают так оригинальны и поучительны, что поневоле вспомнишь поговорку: «не ошибается тот, кто пичего не делает». И вот эту индивидуальность личности М.Н. Покровского мы часто не учитываем, а подводим его под штами («струвнанец», «бюхернанец», «вульгарный материалист», «сталинист»...).

За последние десятилетия фонд литературы о Покровском значительно пополнился. Обзор этой литературы дан в докторской диссертации А.Н. Артизова «Школа М.Н. Покровского и современная историческая наука (конец 1920-х — 1930-е гг.)», защищенной 29 апреля 1998 года². Наконец-то была опубликована первая биография Покровского (см.: Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского». М., 1992. 235 с. и «Библиография произведений академика М.Н. Покровского...». М., 1993. 96 с.). Появились новые публикации документов из РЦХЦИДНИ, ряд статей, в том числе и на английском языке.

Историки пытаются с новых позиций определить место и роль Покровского в отечественной историографии первой трети XX столетия, вникнуть в мотивы, психологию, нравственные устои и принципы, влиявшие на его научную и политическую деятельность. Современная обстановка в России позволяет расширить доступ к документам 20-30-х гг. и ввести их в науч-

ный оборот, использовать новые приемы при анализе истории советской историографии тех лет, привлечь к решению историографических задач зарубежные исследования и эмигрантскую литературу.

Но сще существует ряд ограничений, мешающих ученым дать полноценную картину истории советской исторической науки. Если брать биографию М.Н. Покровского, слабее всего изучена его политическая деятельность. Один пример. В годы Гражданской войны и интервенции заместитель наркома просвещения, а им был Покровский, участвовал в 296 заседаниях СНК РСФСР и ста из 916 заседаний этих органов в 1917-1922 гг. Фактически он был занят целый рабочий год в высших органах государственной власти. И надо полагать, что во время заседаний он не был пассивным зрителем³. Хорошо известно, что рабочая неделя Михаила Николаевича была расписана по часам⁴. На научную работу оставался или один день в неделю, или вечера, свободные от заседаний.

Особое место отводится в современных исследованиях таким проблемам, как взаимоотношения Покровского с представителями академической и университетской науки, Сталин и Покровский, борьба ученого и его сторонников с группой Ярославского в конце 20-х — начале 30-х гг. В наше время требуется специальное исследование с привлечением новых источников по теме «М.Н. Покровский и представители академической исторнографии». Несомненно, между ними существовала классовая вражда, пеприязнь, но не исключавная и взаимное сотрудничество. Историк-марксист помогал старым ученым, признававшим научность исторического материализма и новое государственное устройство в стране или по крайней мере лояльно к нему относившимся.

Приведу несколько источников (из многих), подтверждающих вышевысказанное. В записной книжке (дневнике) Покровского за 1923-1924 гг. многие историки относились им к разным категориям. К первой категории относились историки-маркеисты (С.А. Пионтковский и Н.М. Никольский). Во вторую включались сочувствующие и близкие (Н.Н. Фирсов и Н.А. Рожков). К выдающимся ученым относились А.Н. Заозерский, С.Ф. Платонов («крупнейший из буржуазных ученых»), А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев и П.Г. Любомиров. В

категорию «все прочие» включалось 13 историков. Была выделена и категория «богословов»⁵.

Сохранилась и стенограмма доклада Покровского в агитиропе при ЦК ВКП(б) 8 марта 1928 г. А.Н. Артизов опибочно предполагает, что она была уничтожена в конце июня 1941 г. Этот источник требует тщательного специального изучения. У меня есть подробнейший его конспект. Открывал совещание Стэн. «Товарища, начинал Михаил Николаевич, — я понял свою задачу, как доклад о тех реакционных течениях, которые имеются в русской исторической литературе (западноевропейскую литературу не беру - не специалист)». Покровский отмечал определенные успехи марксистской идеологии среди историков, особенно историков России. У западных историков марксистская идеология слабее, чем среди историков России. «Немарксисты, по большей части люди старого поколения, которые ничего нового дать не могут, как Платонов, Богословский и т.д. Бывают случаи, когда историки-немарксисты пишут вещи, вполне для нас приемлемые (Чернов С.Н., например). К таким исследованиям относится и статья Грекова Б.Я. «Народное хозяйство России перед 1925 годом». Высоко оценивается в докладе Пресняков («я считаю его авторитетнейшим после Платонова в старом поколении, и в то же время он внимательно изучал Маркса и Ленина»).

Историографические течения разграничиваются примерно так. Первые - сознательная реакция и, наряду с этим, сознательная фальсификация истории. Эта буржуазная часть историков отличается несомненной талантливостью. Поэтому их работы нередко считаются марксистскими. «Вторая категория это то, что можно назвать стихийной реакцией». Такие историки отрицательно относятся к Октябрьской революции. Они находятся под сильным влиянием западноевропейской литературы. «Третья категория авторов - наивный человек, наш по настроениям... несомненно, считает себя революционером, по иногда говорит такие вещи, что даже авторы первых двух категорий оказываются по сравнению с ним гораздо приемлемее для нас». Исходя из такой классификации историков, докладчик заключал: «...бороться нужно с первой категорией сознательных реакционеров, бороться нужно беспощадными разоблачениями. Второй категории нужно, прежде всего, разъяснять фон, на котором выросли их теперешние воззрения Я скажу прямо. Нужно бороться не с Петрушевским, а с Добшем, потому, что Петрушевский просто ученик Добша... Третий пример, Тан-Богораз. В его книге «Распространение культуры на земле» есть такие вещи, антимарксизм которых вполне бессознательный, вполне и абсолютно нетерпим». В докладе разбираются взгляды отдельных историков, определяется методика критического подхода к ним. Но нигде Покровский не призывает к политическим репрессиям в отношении буржуазных историков.

Отмечу, что А.Н. Артизов убедительно опровергает версию о громадной роли Покровского в так называемом «Академическом деле» («инициатор дела»)⁷.

Можно сослаться на целый ряд источников, опровергающих и клеветнические утверждения в адрес Покровского со стороны С.Ю. Шмидта, В.А. Дунаевского. По мнению Шмидта, Покровский был доносчиком на Платонова, «безправственная личность с острым политическим чутьем». «Вернополланным сталинистом» называл ученого Артизов. «Покровский, — заключал Энтип, — внес свой вклад в создание идеологии сталинизма... и содействовал сталинской мифологии»⁸. Но подобные характеристики не бесспорны. Еще в 1965 г. А.И. Гуковский сделал доклад на заседании научного совета по истории исторической науки АН СССР. Доклад назывался «Общество историков-марксистов и его роль в развитии советской исторической науки». Он отмечал, что Покровский «тяжело переживал первые признаки той тяжелой полосы, в которую вступили наша страна и наши идеологические кадры в начале тридцатых годов... Поэтому есть основания говорить о Покровском с особым пистетом, как о человеке большой принципиальности и большого гражданского мужества», который, «не сводил ни с кем личных счетов» (цитирую стенограмму заседания). Аргументы в пользу таких утверждений можно найти в фондах Архива АН РАН (ф. 377, оп. 2, д. 217; оп. 1, д. 261; ф. 1759, оп. 2, д. 12, 22 и др.).

При изучении советской историографии 1920-1930-х гг. американский историк профессор Энтин исходил из следующих принципов: «марксизм представляет вырождение европейской культуры», что Маркс наделил «рабочий класс мифологическим сознанием», что теория Маркса о классовой борьбе «невыносимо тяжеловесная». С антимарксистских позиций американский либеральный историк и подошел к обработке материала и его положений в названной выше статье.

Историограф может найти много полезного по вопросу Сталин и Покровский по ситуации, сложившейся в исторической

науке в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в фундаментальном труде английского исследователя А. Буллока «Гитлер и Сталин. Жизнь и гласть...» в 2 томах (Смоленск, 1994). В менталитет диктатора входили неприязнь к тем, кто был лучше его образован, жил за границей, знал иностранные языки, недоверие «к старым большевикам», умение использовать своих подчиненных с целью достижения своих замыслов. При этом надо учитывать, что до убийства С.М. Кирова Сталин вынужден был уступать своим соратникам в целом ряде дел (он выступал в 1932 году за казнь Рютина, но не встретил поддержки в Политбюро).

И, наконец, заставляет задуматься над отношениями Сталина и Покровского пьеса Юлиана Семенова «Процесс — 38». В ней Ягода говорит: «Я проклинаю тот день, когда подарил ему (Сталину. — А.Г.) том записанных разговоров о нем, Сталине, между Каменевым, Вавиловым, Зиновьевым, Мандельштамом, Бухариным, Бела Куном, Рыковым, Покровским, Плетневым... Зачем я это сделал? После того, как Сталин прочитал этот том, в него вселился том торопливости» (См.: «Детектив и политика». М., 1989. Вып. 3. С. 143-144). Что это художественный вымысел или за словами Ягоды кроются какие-то реальные источники?

Жизнь и деятельность М.Н. Покровского в 1928-1932 гг. требует изучения с учетом различных мнений и привлечением новых источников.

¹ Правда. 1928. 25 октября.

² См.: Автореф. дис... М., 1998. С. 3, 4, 6, 7, 8, 47, 48.

³ Генкина Э.Б. Советское правительство в 1917-1922 годы (Опыт анализа состава Совнаркома) // Исторические записки. М.: Наука, 1990. С. 51, 60.

⁴ См. нашу статью «Личная переписка М.Н. Покровского как источник для изучения послеоктябрьского периода его жизни и деятельности». Томск, 1983. 61 с. Статья депонирована в ИНИОН.

⁵ Архив музея революции. Фонд М.Н. Покровского, 31642/86, Л. 30-32. Рукопись.

⁶ Архив РАН. Ф. 1759, Оп. 2, Д. 33, Л. 1-32.

⁷ Артижов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х = 1930-е годы). Автореф. докт. ист. наук дисс... М., 1998. С. 19; Интересные сведения по этому сюжету см. также: Отечественная история. 1998. № 3. С. 134-145.

⁸ Энтиы Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 149-155.

БОЛЬШЕВИКИ И ФИНАНСЫ В 20-Е ГОДЫ: В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

Н.А. Грик

Современное состояние экономики России и ход реформ вновь и вновь заставляют обращаться к прошлому, и прежде всего советскому, из которого во многом и вышла сегодиянняя хозяйственная ситуация. Особенно остра извечная экономическая проблема соотношения и взаимосвязи финансов и производства. Многое из того, с чем приходится сталкиваться в конце 90-х гг., так или иначе решалось в 20-е гг.

С переходом к нэпу началось воссоздание финансовой системы, которое проходило не только под знаком восстановления традиционных институтов рынка, но и поиска новых форм, преимущественно выраженных в широком государственном вмешательстве и направленных на изживание стихийности и "безжалостности" товарно-денежных отношений. Важно подчеркнуть, что подобные тенденции были характерны не только для Советской России, но и для Германии, Франции и других стран. Однако были и существенные различия. За время военного коммунизма большевики выработали достаточно беззаботное отношение к обесцениванию денег и терпимое отношение к постоянному использованию эмиссии!

После отмены продразверстки, большевикам очень скоро пришлось пойти и на допущение некоторой свободы торговли, с которой они безжалостно боролись в условиях военного коммунизма. Более того, вскоре В.И. Ленин стал убеждать партию в том, что торговля является тем звеном, "за которое нало всеми силами ухватиться"2. Это, в свою очередь, в повестку дня поставило вопрос о восстановлении нормального денежного обращения. По признанию же самого Ленина, коммунисты не имели знаний и опыта ни в торговле, ни в финансах. Поэтому в восстановлении финансовой системы в начале изпа ведущую роль играли исключительно беспартийные экономисты с дореволюционным профессиональным опытом: Л.Н. Юровский, А.А. Соколов, Н.Н. Кутлер, З.С. Каценеленбаум, В.В. Тарновский и многие другие. Не удивительно, что к середине 20-х гг. советская кредитно-финансовая система в общем была весьма похожа на системы капиталистических стран. Но в восстановлении торгового, денежного обращения заметное место принадлежит и X1 съезду партии, где в первый и в последний раз в советской истории самостоятельно обсуждалась финансовая политика.

Основной доклад и резолюция съезда принадлежат Г.Я. Сокольникову, одному из немногих большевистских руководителей, имевших экономическое образование, полученное за границей. В докладе и решениях съезда были зафиксированы принципиальные положения, обеспечившие успешность проведения денежной реформы. Правда, некоторые из них даже в условиях нэпа партийное руководство игнорировало. Обратим внимание на эти нереализованные положения: покончить с системой бесплатности, финансирование промышленности проводить только через банк и только в меру имеющихся средств, не РКИ, а рынок настоящий экзаменатор для трестов³. Основным же вопросом на съезде была проблема сокращения эмиссии. Почти все выступавшие в прениях по тезисам Г.Я. Сокольникова оказались противниками уменьшения эмиссии, а основным обоснованием подобной позиции была "забота" о развитии промышленности, росте зарилаты. Известные события 20 — 30-х гг. свидетельствуют о том, что большевистское руководство так до конца и не уяснило опасности денежной эмиссии для здорового и устойчивого состояния народного хозяйства. Предложение Георгия Сокольникова повесить возле ВСНХ табличку: "Эмиссия — опиум для народного хозяйства" — оставалось актуальным на всем протяжении советской истории.

Основополагающими вехами становления финансов надо безусловно признать разрешение обращения золота, инвалюты (апрель 1922 г.), постановление о создании фондовой биржи (октябрь 1922 г.) и закон о валютных операциях (февраль 1923 г.). Эти решения позволили создать систему валютного регулирования, которая достаточно быстро обеспечила высокую степень доверия к червонцу и во многом обеспечила успех денежной реформы. Однако парадоке заключался в том, что партийное руководство оказалось не в состоянии оценить такой хозяйственный эффект. Оно оказалось совершенно чуждым самой сущности проведенных мероприятий. Так, в ноябре 1923 г.Ф. Дзержинский предложил, а Политбюро дало согласие на административную высылку из Москвы и других городов злостных спекулянтов. Только после вмешательства Григория Сокольникова в начале марта 1924 г. ОГПУ прекратило репрессии против

биржевиков⁴. Но в апреле 1926 г. была разгромлена особая часть (ОЧ) валютного управления НКФ. ОЧ сотрудничала с опытными биржевиками и способствовала успешному проведению валютных интервенций, поддерживала паритет червонца. Возглавлял ОЧ Л. Волин, высококвалифицированный экономист и умелый практик, тонко чувствовавший природу биржевых операций. В нарушение существующих законов он был арестован и в мае расстрелян. Как полагает Ю. Голанд, вдохновителем этой операции был Иосиф Сталин, который рассчитывал скомпрометировать Сокольникова, но Лев Волин, по всей видимости, отказался оговаривать людей⁵. В целом же применительно к весне 1926 г. можно говорить уже о полном отказе от валютного регулирования, сложившегося в первой половине 20-х гг.

Известный знаток российской экономики С. Прокопович, подводя в начале 1926 г. некоторые итоги, указывал, что именно в денежном обращении Советской России были достигнуты самые значительные успехи благодаря строгой экономии. Однако он же подчеркивал, что хозяйственному процессу восстановления приходится преодолевать сопротивление враждебных сил⁶. Мы уже указывали на предстазителя этих сил в лице рвущегося к власти Иосифа Сталина. Однако было бы очевидным упрощением все сводить к нему и его окружению. Мы считаем, что все большевистское руководство — от левых до правых, ог Алексея Рыкова до Георгия Пятакова — являлось этой враждебной силой. Доказательством подобного предположения является их поведение в экономической ситуации 1925/26 хозяйственного года, явившейся во многом ключевой и определяющей во второй половине 20-х гг.

Нам уже приходилось указывать на односторонность в оценках эмиссии у большинства делегатов XI съезда РКП(б). Проблема эмиссии вновь обострилась с осени 1925 г. Дело в том, что руководство страны с весны 1925 г. предприняло первые серьезные шаги по развитию производства средств производства. Промышленность в течение этого года действительно добилась заметных успехов, но не только за счет повышения производительности труда, но и во многом благодаря кредитной экспансии, которая, в свою очередь, обострила товарный голод, привела к росту розничных цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Первым забил тревогу Госбанк в апреле 1925 г., когда практически исчезло положительное сальдо во

внешней торговле, угрожавшее прочности червонца. Совсем подругому на эту же ситуацию реагировал хозяин всесильного партаппарата Иосиф Сталин, который в начале мая едва ли не захлебывался от восторга: "У нас пошла полоса хозяйственного строительства... соки хозяйственной жизни нашей страны прут вверх с неудержимой силой, опрокидывают все и всякие научные планы наших финансовых специалистов"7. Обращает на себя выражение "с неудержимой силой", которое в данном случае является ключевым. Но что же это за сила? Нельзя же всерьез принимать сталинское определение силы, данное им на XV съезде ВКП(б), что это национализированная промышленность, опирающаяся на гегемонию пролетариата⁸. Безусловно, перед нами явный психологический феномен. Постоянная ставка большевиков на рационализацию хозяйственной системы, на расширение пресловутых плановых начал — неизбежно провоцировала оживление энергетики бессознательного, не поддающегося логическому объяснению. Но К.Г. Юнг на основании эмпирических наблюдений пришел к выводу, что если бессознательные содержания не осознаются, то они могут брать верх над сознанием. Не здесь ли коренится разгадка необъяснимой иррациональности сторонников построения полностью рациона-. лизированной плановой хозяйственной системы вместо рыночной с ее таинственной непредсказуемостью?

Если же обратиться к оценке хозяйственной ситуации известными экономистами, работавшими в НКФ или с ним связанных, то обнаруживается совершенно ясное понимание (несмотря на разность подходов и методов), что эмиссия была чрезмерной и привела к заметным инфляционным тенденциям в экономике⁹. Однако руководители ВСНХ и Госплана занимали принципиально иную позицию. Так, Г. Пятакову принадлежало высказывание, под которым могли подписаться большинство большевистских руководителей: "Инфляция не угроза, а факт, объясняемый недостатком развития промышленности". Анализируя подобные заявления сторонников нереальных планов, Ю. Голанд обнаружил характерную для них веру в будущую благодать при игнорировании непроходимых препятствий на пути к ней™. Действительно, на рубеже 1925 и 1926 гг. сторонники наращивания капитального строительства упорно игнорировали ближайшие последствия нарастания инфляции не только для молодой и неокрепшей советской валюты, но и для

промышленности и всего народного хозяйства. Налицо осязаемое преобладание эмоций над трезвым расчетом, т.е., презираемые и подавляемые законы денежного обращения как бы опускались на уровень коллективного бессознательного и возвращались в виде огромной не принимаемой психической силы, которая и вызывала иллюзорные оценки¹¹. Причем этой силой были захвачены многие известные экономисты с дореволюционным опытом работы (В. Громан, С. Струмилин).

Трагический финал финансов и будущего товарно-денежных отношений в советской хозяйственной системе предрешался и давлением существовавшего кредитного плана. Он был неотъемлемым элементом воссоздаваемой финансовой системы 20-х гг. Дело в том, что ссудный учетный процент для государственных предприятий и учреждений был заведомо ниже существовавшего спроса на кредит, и поэтому Госбанк вырабатывал ориентировочный кредитный план, который увязывался с наличием резервной валюты и золота, внешнего паритета червонца и т.п. Однако в 1925 и 1926 гг. со стороны госпромышленности усилилось давление на кредитный план с целью его подчинения потребностям индустрии, которое все меньше считалось с отсутствием свободных капиталов в стране.

Ключевым событием, предопределившим дальнейшее разрушение рынка и политику чрезвычайных мер1928-1929 гг., кредитно-финансовую реформу 1930 г., явился, безусловно, апрельский 1926 г. пленум ЦК ВКП(б). С основным докладом выступал председатель СНК и СТО А.И. Рыков. Пленум принял резолюцию по хозяйственному положению страны, выработанную комиссией А.И. Рыкова. На пленуме активно выступали Лев Троцкий и его единомышленники. По инициативе Ф. Дзержинского на пленуме обсуждался вопрос о границах индустриализации (известный его вопрос Л. Троцкому: "Что выгоднее, отставать или забегать?"). Лев Троцкий, ссылаясь на свои письма к Феликсу Дзержинскому от 12 и 24 июня 1925 г. - говорил о наличии финансово-кредитного кризиса и предупреждал о том, что некоторые отрасли промышленности развиваются не по средствам12. На первый взгляд принятая пленумом резолюция выступает и за устойчивость денежного обращения, и за соответствие массы денег товарной массе, и за повышение покупательной способности рубля. Однако поражают присутствующие в ней утверждения, которые напрочь отринают вы-

шеназванные: о наличии длительного периода несоответствия промышленной продукции спросу на нее, о необходимости дальнейшего наращивания развития промышленности¹³. Налицо попытка соединить несоединимое. Конечно, политика основанная на подобных подходах, не могла вывести народное хозяйство из кризисной ситуации, а наоборот ее усугубляла, что и подтвердил дальнейший ход событий. Между тем в работах многих экономистов этого времени содержались трезвые предложения, реализация которых могла бы не только сохранить рынок, но и возможность более эффективного накопления средств и их использования. Так, Н. Кондратьев соглашался, что промышленность может развиваться быстрее сельского хозяйства, по критерием ее темпов мы должны считать устойчивость развития всего народного хозяйства. Ему вторил Л. Юровский, призывающий понять переживаемый момент и то, что на существуюшей хозяйственной базе нельзя развернуть промышленное строительство так, как предполагалось еделать14. Таким образом, большевистское руководство оказалось в плену коллективного бессознательного, которое, в свою очередь, придавало их экономической политике характер метафизики.

¹ Об этом вынужден был напоминать делегатам X1 съезда РКП (б) нарком финансов Г.Я. Сокольников./(Одинналнатый съезд РКП(б). Стенографический. отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 297).

²Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225.

³Одиниадцатый съезд РКП(б)... С. 303-313.

⁴ Голанд Ю. Валютное регулирование в период иэпа. М., 1993. С. 12.

^{&#}x27;Там жс. С. 75, 91.

Нэп. Взгляд со стороны: Сборник. М.: Московский рабочий, 1991. С. 37, 38.

² Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 129.

⁸Там же. Т. 10. С. 302.

⁹ Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной коньюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства// Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. У1; Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2; Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926 и др.

¹⁰ Голанл Ю. Указ. соч. С. 36, 50.

¹¹ Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла-Густава Юнга. М.: Ювента, 1996. С. 79-80.

УЧАСТИЕ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ СИБИРИ В ТОВАРООБМЕННОЙ КАМПАНИИ 1921 Г.

Н.В. Воробьев

Переход к изпу был ознаменован очередной переменой в отношении Советской власти к кооперации — ей отводилась значительная роль в переустройстве народного хозяйства.

Уже первый из серии кооперативных декретов изповского периода — «О потребительской кооперации», принятый СНК 7 апреля 1921 г., предоставил ей право обменивать и скупать излишки сельскохозяйственного производства, а также кустарные и ремесленные изделия с целью их сбыта. Потребительская кооперация освобождалась от подчинения Наркомпроду, но руководство и контроль госорганов за ее деятельностью сохранялись, ограничиваясь областью выполнения кооперацией директивных государственных заданий. Сохранялось и обязательное членство всего населения в потребкооперации, а также возможность существования в одном населенном пункте только одного кооператива. Вместе с тем допускалось образование в пределах единого потребительского общества (ЕПО) добровольных потребительских обществ (ДПО — рабочих кооперативов). В них восстанавливались вступительные членские и паевые взносы; им было предоставлено право приобретать через ЕПО различные товары на средства своих участников¹.

Важную роль в развитии рабочего кооперативного движения сыграл декрет СНК от 7 апреля 1921г «О натуральном премировании», согласно которому ведущие промышленные предприятия получили право путем отчисления определенной доли от своего производства образовывать фонды натурпремирования рабочих. Они передавались местным кооперативным объединениям (ДПО-рабкоопам) и использовались исключительно для удовлетворения потребительских нужд рабочих данных

¹² Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. Из архива Льва Троцкого. В 4 т. Т.1. Вермонт, 1988. С. 208, 209.

¹³ КПСС в резолющиях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 3. С. 312-313, 316, 320.

¹⁴ Кондратьев Н. Указ. соч. С. 65; Юровский Л. Указ соч. С. 115.

предприятий. Размер отчислений зависел от уровня производства, стоимости выпускаемой продукции и не мог превышать 5% валовой выработки, при условии выполнения предприятием не менее 60% установленной производственной программы. Все остальные фабрики и заводы могли образовывать натуральные фонды путем выделения отдельных станков и цехов для выработки во внеурочное время предметов широкого потребления, при условии выполнения производственной программы².

Однако средств самих предприятий для создания товарообменного фонда в условиях хозяйственной разрухи было недостаточно. Поэтому в соответствии с декретом СНК от 13 мая 1921 г. государство образовало авансовый обменный фонд, который состоял из товаров на сумму 4 млрд. рублей в денежных знаках выпусков прежних лет. Для реализации этого фонда создавались центральный, региональные и губернские рабочие кооперативные комитеты (Церабкооп, Сибрабкооп и губрабкоопы)³. Но собственного хозяйственного аппарата они не имели, поэтому обменные операции осуществлялись ДПО.

Это привело к бурному росту рабкоопов, чему способствовали не только наличность обменных фондов, которые можно было реализовывать только через ДПО, но и стремление рабочих после многих лет голода наладить собственными силами обслуживание своих потребительских нужд. Представители этих самодеятельных кооперативов получили право обменивать в деревне «натурализованную» заработную плату на сельскохозяйственные продукты. Уже в сентябре 1921 г. в Сибири было официально зарегистрировано 189 ДПО-рабкоопов⁴, на деле же их имелось гораздо больше.

Для преодоления стихийности в осуществлении товарообмена ДПО и рабкоопы были поставлены под жесткий контроль органов общегражданской потребительской кооперации. Право непосредственного товарообмена им было предоставлено только в пределах действия ЕПО, да и то с условием доведения до сведения правления последнего подробной информации о заключенных сделках. Все остальные операции ДПО и рабкоопы должны были проводить через ЕПО. Только в случае отказа ЕПО, ДПО с его разрешения могли осуществлять самостоятельные заготовки в районе деятельности ЕПО. Городским и фабричнозаводским ЕПО было предоставлено право проведения заготовок в пределах всей губернии. Уездные рабкоопы должны были действовать через райотделения губсоюзов. Вне пределов губер-

нии все операции ДПО и рабкоопов могли осуществляться только через губрабкоопы, которые принимали на учет все фонды отдельных кооперативов, затем передавали их губсоюзам, райотделениям и ЕПО⁵. Тем самым с момента поступления на склады губсоюзов товарные фонды рабочей кооперации обезличивались и переходили в общий товарный фонд губсоюзов. Взамен губрабкоопы получали продукты сельского хозяйства.

Столь сложная система заготовок, замедленность операций органов общегражданской потребительской кооперации, быстрая смена рыночных цен побуждали рабочие кооперативы проводить товарообмен самостоятельно. Особенно сильным был сепаратизм рабкоопов в Иркутской губернии. Стремление к самостоятельному проведению заготовок привело здесь даже к созданию 6 рабкоопами своих комиссионных контор и товарообменных лавок. И только вмешательство губрабкоопа привело к их ликвидации⁶.

Одновременно с местными заготовителями в Сибири действовало множество представителей заводов, профсоюзов, совнархозов, рабочих кооперативов из европейской части страны.

Наиболее масштабной по своим результатам стала деятельность представительства Церабкоопа в Сибири, которое занималось концентрацией обменных фондов, поступавших от рабкоопов центральной части России, Поволжья, Урала, Москвы и Петрограда.

Представители рабочих организаций, как правило, стремились вести заготовки либо самостоятельно, либо через частных лиц, игнорируя местные губсоюзы. Они выменивали хлеб и другие сельскохозяйственные продукты на промтовары, не считаясь с местными ценами. Наплыв большого числа таких заготовителей приводил к увеличению конкуренции и срыву плановых товарообменных заготовок. Более того, имелись случаи, когда под видом уполномоченных различных предприятий и учреждений скрывались мошенники.

Поэтому советское руководство решило ужесточить монополию потребительской кооперации на внеплановые заготовки. В декрете СНК от 21 июля 1921 г. «О порядке заготовок продуктов кооперативными объединениями рабочих и служащих» указывалось, что все рабкоопы и потребительские общества вне территории своего функционирования должны вести товарообмен на сельскохозяйственные продукты только через местные потребительские органы. И лишь в исключительных случаях губсоюзы могли разрешить представителям крупных промышленных предприятий самостоятельные заготовки в районах, отведенных Центросоюзом, и по ценам, установленным губернскими эквивалентными комиссиями⁷.

Попытки ввести товарообмен в более организованное русло были поддержаны ВЦСПС, который в июле 1921 г. принял постановление о том, что вся деятельность рабкоопов в области обмена фондов, натуроплаты и кооперативных заготовок должна быть сосредоточена в Церабкоопе и губрабкоопах⁸. Вместе с тем II пленум Церабкоопа (6-8 октября 1921 г.) констатировал большое недовольство рабкоопов своим подчиненным положением по отношению к общей системе потребительской кооперации и разрешил им обходить невыгодные инстанции кооперативного аппарата, дал им право иметь свой адрес и норму транспорта и т.д. Одновременно было сделано строгое предупреждение тем рабкоопам, которые игнорировали решения вышестоящих кооперативных и профсоюзных органов, вплоть до исключения нарушителей из регистрационных списков, что влекло за собой прекращение «всяких товарообменных операций9. Однако эти меры не могли спасти кампанию в целом.

Проведение товарообмена отчетливо обозначило хозяйственную слабость рабкоопов, их зависимость от государственных органов, недостаток (а иногда и полное отсутствие) у них финансовых средств, острый дефицит квалифицированных кадров. По этим причинам губрабкоопы не могли авансировать предприятия в счет натуротчислений для осуществления заготовок. Кроме того, товарообменными операциями, кроме рабкоопов, занимались профсоюзы, совнархозы, отдельные предприятия. Вследствие острой конкуренции между ними товарообмен проводился по низким эквивалентам. Все это снижало и без того скромные возможности рабкоопов по обеспечению населения товарами первой необходимости.

Жестко регламентированная в своей торгово-закупочной деятельности потребительская кооперация оказалась неконкурентоспособной. Товарообмен, как и монополия потребительской кооперации на заготовительную деятельность, показал свою несостоятельность.

В связи с провалом товарообмена СНК в своем наказе «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» от

9 августа 1921 г. разрешил, «где это возможно и выгодно, переходить к денежной форме обмена»¹⁰. А декрет СНК от 4 октября 1921 г. разрешил всем государственным учреждениям и кооперативам вести самостоятельные заготовки на вольном рынке или обращаться к другим контрагентам, в том числе и к частникам¹¹. Таким образом, перейти к коммунистическому распределению через товарообмен, минуя стадию торговли, не удалось. Главная причина состояла в том, что экономическая связь между городом и деревней, предприятиями и отдельными производителями возможна только на основе товарно-денежных отношений. Советское государство было вынуждено пойти на более широкую легализацию частного торгового капитала. Для борьбы с ним на рынке формировался социалистический сектор в виде кооперативной и государственной торговли. Это обусловило расширение хозяйственной самостоятельности кооперации, ведение ею торговых операций с целью максимального удовлетворения интересов объединяемого населения.

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1 С. 230-231.

² Там же. С. 233-234.

³ Собрание Узаконений правительства РСФСР. 1921, № 47. Ст. 228 (Далее - СУ).

⁴ГАНО. Ф. 738. On. 1. Д. 2. Л. 35.

⁵ГАРФ. **Ф**. **5451**. Оп. 5. Д. 497. Л. 63.

⁶ Власть труда. 1922, 25 марта.

⁷СУ, 1921. № 58. Ст. 77.

⁸ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 498. Л. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Директивы... С. 258.

¹¹ СУ,1921. № 68. Ст. 527.

ОПЫТ ПСИХОАНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ)

П.В. Кладова

Проблема исследования социально-психологических аспектов исторического процесса, прежде всего, связана с поиском источников, дающих возможность реконструкции различных структур массовой психики. Работа с материалами дел репрессированных убедила нас в том, что этот источник таит в себе огромные потенциальные возможности при условии освоения его не вполне традиционными для исторической науки методами, в частности методом психоанализа.

С целью изучения действия механизма коллективного бессознательного нами был предпринят анализ следственных дел периода коллективизации, хранящихся в отделе спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (200 дел из общего количества 35 тыс.). Методологической основой анализа материалов допросов обвиняемых и свидетелей послужила концепция К.Г. Юнга об «архетипах коллективного бессознательного». Согласно этой концепции, в человеческой психике можно выделить три основных слоя: сознание, индивидуальное подсознание и коллективное бессознательное. В противоположность индивидуальному коллективное бессознательное универсально: в нём содержатся элементы, более-менее присущие всем людям. Содержание коллективного бессознательного К. Юнг называет архетипами. Архетипы являются матрицами инстинктивного поведения, оказывают большое влияние на сознание человека, вызывая состояние необъяснимого эмоционального подъёма, напряжения, страха, беспокойства, тревоги.

Среди множества архетипов К. Юнг особо выделяет архетип «тень». Тень — это скрытая сторона человеческой психики, то, чем человек не хотел бы быть, что человек не хотел бы знать о себе. Своя тень неосознанно проецируется, «отбрасывается» на другого. Происходит своего рода материализация тени. Человек, осуществляющий такую проекцию, находит в других людях ряд своих собственных отрицательных свойств, часть своих собственных, скрытых от него самого психических характеристик. Результатом таких проекций является замена реальных от-

ношений с людьми иллюзорными. Человеку приписывается совершение поступков, которые он в действительности не совершал, но, по мнению проецирующего свою «тень», мог бы совершить, ибо все эти поступки составляют содержание его собственной «тени», провоцирующей его на необъяснимое подозрение, недоверие, ненависть. Не касаясь вопроса о психофизиологических основах формирования этого архетипа, обратим внимание на то, что архетип «тень», всплывая из глубин бессознательного, и порождает образ врага.

В процессе коллективизации карательные органы собирают материал, свидетельствующий о недовольстве деревни мероприятиями, проводимыми властями. Этот материал широко представлен в следственных делах в виде многочисленных донесений секретных сотрудников и добровольных помощников. Власть рассматривает сопротивление коллективизации как естественный результат действий врага. Оставалось только нарисовать образ этого врага. Прежде всего под подозрение попадают люди с небезупречным прошлым: бывшие торговцы, священнослужители, бывшие «белые» и т.п., невзирая на то, что все эти люди, как правило, были реабилитированы в начале 20-х гг., что убедительно подтверждается анализируемым документальным массивом. Власть не допускает, что человек мог уже давно приспособиться к новым условиям, не стремиться к конфронтации, не «качать» утерянные права, ибо родовой признак любой власти — боязнь собственной тени. В данном контексте это выражение имеет самый что ни на есть прямой смысл, если иметь в виду юнговский архетип «тень».

Именно этим, как нам представляется, можно объяснить поразительную стандартность обвинений, поразительную однотипность показаний свидетелей. Следователь и прокурор просто обречены услышать в обычных сетованиях на житейские трудности компромат, а потом навязать ход своих мыслей свидетелям. Оставим пока в стороне нравственный аспект проблемы. Обратим лишь внимание на то, что обвиняемый никак не может понять, почему его считают врагом соседи, друзья, а часто и кто-нибудь из родственников, привлекаемые в качестве свидетелей.

Дело в том, что антикулацкая кампания периода сплошной коллективизации являет собой ярчайший образец проявления фанатического поведения, как следствия одержимостью архетипом «тень».

Фанатическое поведение обладает свойством быстро передаваться большим группам людей, приводя к непрогнозируемым, нередко деструктивным действиям. Люди с фанатическим поведением имеют как бы расшепленное сознание, два «я» в одном человеке: одно иррациональное, охваченное коллективным безумием, другое нормальное, функционирующее в границах здравого смысла. К числу общих закономерностей, характерных для фанатического поведения, относится механизм возникновения подобных явлений. Проявления фанатического поведения связаны с прорывом подсознания, иногда самопроизвольным, но чаще — спровоцированным демагогией лиц, обладающих способностью стимулировать и выпускать на свободу глубоко скрытые бессознательные механизмы.

Охваченный архетипом образа врага человек приобретает черты невротической личности. Образ врага приобретает в его сознании различные формы и имеет разное конкретное содержание: религиозное, национальное, профессиональное, социальное. Специально нагнетаемое средствами массовой информации чувство страха перед врагами активизирует подсознание, оживляет архетипы и их проекции, приводит к непрогнозируемым вспышкам фанатического поведения.

Фанатик игнорирует многообразие реального мира, который для него делится на «чужих» и «своих». При этом образ врага для него более конкретен, чем образ друга, из-за мощного воздействия архетипа «тень».

«Кулак» — это именно тот конфронтационный стереотип, который внедряется в массовое сознание: кулак — не обязательно зажиточный, но обязательно сопротивляющийся мероприятиям власти либо могущий оказать это сопротивление в силу социального происхождения, рода занятий и т.д. Все потенциально ущемленные властью — её вечные враги, потому что никогда не примирятся с ущемлением. Именно таково своеобразное проявление архетипа «тень».

Согласно психофизиологической модели исторического процесса, инвариантом от фактической истории является необходимое наличие в любом социуме структуры диктата, эволюционирующей по форме, но неизменной по сути: принуждение индивида или группы к вполне определённому образу жизни, к конформизму мысли и поведения.

Наличие диктата в обществе предопределено сущностью психофизиологического генотипа, а конформистские мотивы

поведения людей и определяют суть фактической истории. В самом общем виде диктатную структуру можно представить состоящей из верховных иерархов, проводников диктата и производителей. При этом под производителями понимаются не только занятые непосредственно в производстве, а вообще подавляемые, но не ощущающие при этом особого дискомфорта в силу низкой пассионарности, что при необходимости можно было бы описать как комплекс вполне определённых психофизиологических характеристик.

Сравнительно небольшая группа верховных иерархов опирается на мощные слои социума, готовые к подавлению в силу имманентно присущих им особенностей психогенотипа, которые условно можно определить как воля к жизни. Именно этот слой и осуществляет внедрение конфронтационных стереотипов в массовое сознание. Под влиянием действия конфронтационных стереотипов в подавляемых запускается механизм фанатического поведения. В эту общую схему укладывается анализируемый нами фактический материал.

Таким образом, мы приходим к выводу, что материалы дел репрессированных могут быть весьма репрезентативным источником для развития такого направления в исторической науке, как психоистория.

В заключение, предупреждая неизбежные критические замечания по поводу использования психоанализа в качестве методологической основы в источниковедении, хотелось бы заметить следующее. Действительно, психоаналитическая интерпретация фрагментарна, поскольку она пользуется методом аналогий. Она похожа на археологические изыскания, где по одной детали восстанавливается облик монумента в целом. Но как раз систематизированность психоаналитической точки зрения позволяет увидеть во множестве фрагментов некое целое и даёт належду на всеобъемлющую интерпретацию исторического события.

¹Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

² Кайтуков В. М. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии диктата. М., б. г.

³ Кладова Н.В. Операция «Охотники» как пример проявления фанатического поведения. По материалам одного архивноследственного дела // Образование и социальное развитие региона. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. № 3-4. С. 149-159. Кроме того, см.: ЦХАФ АК. Ф. Р-2. Управление федеральной службы безопасности по Алтайскому краю. Например, д. 6448, д. 19294-19356, д. 19606, д. 19773-19775, д. 19838-19848, д. 20149, д. 2135, д. 21226 и др.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ КОМЕНДАТУР ОГПУ В НАРЫМЕ (1930 Г.)

В.А. Демешкин

В традиционной советской историографии вопрос о судьбе высланных, этапированных крестьянских семей, как правило, ставился и обсуждался в русле тезиса "трудового перевоспитания эксплуататорского класса и приобщения его к общественному укладу жизни". В публикациях невозможно было найти ответ на вопрос о реальной судьбе многих тысяч раскулаченных и депортированных. Лишь с появлением документальных сборников стало возможным изучить одну из наиболее трагичных страниц истории российского крестьянства в годы, предшествующие коллективизации и во время коллективизации, осознать в полной мере трагическую судьбу так называемых "раскулаченных"?

К сожалению, советское общество было подготовлено морально и психологически политикой "чрезвычайщины" к очередному этапу эскалации репрессивной политики, с новой силой была продолжена война правящей партии против своего народа. Именно в 1930 г. открылась гулаговская страница истории российского, а вместе с ним и сибирского крестьянства, когда после "раскулачивания" была проведена его депортация в глухие, необжитые районы, под надзор спецкомендатур ОГПУ.

Уже 2 февраля 1930 г. зам. пред. ОГПУ Г. Ягода в приказе № 44/21 определил механизм репрессивных мер к раскулачиваемым, место и задачи органов в новых условиях. Требовалось "исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий"³. Предполагалось провести немедленную ликвидацию контрреволюционного кулацкого актива, отнесенного к первой категории. Арестованные концентрировались в окружных и областных отделах ОГПУ. Для рассмотрения дел этой категории создавались в ПП ОГПУ тройки, с представителями от крайкома и прокуратуры. Характерно, что состав троек должен был утверждаться Коллегией ОГПУ. На основе материалов оперативного учета по первой категории в Сибири для изъятия намечалось 5-6 000 человек, дела на них рассматривались в спешном внесудебном порядке. Основная масса была отправлена в кон-

шлагеря, остальные были расстреляны. Этот приказ наполнял конкретным содержанием секретную инструкцию ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. "О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества". С 7.02. 1930 г. оперативные сводки ОГПУ стали рассылаться членам Политбюро и секретарям ЦК ВКП(б). Уже 1.02.1930 г. в Сибири было арестовано 3 691 человек. Это свидетельство того, что ОГПУ начало аресты кулаков по категории еще до подписания приказа № 44/21 от 2 февраля 1930 г. С первых чисел февраля вал репрессий нарастает и становится перманентным. Так, если в сводке №1 от 6.02.1930 г. приведены данные об аресте по СССР на 15 985 человек, то уже в сводке № 4 от 17.02.1930 г. — на 52 712 арестованных⁴. И это был, конечно, не предел.

Важно отметить то обстоятельство, что законодательные акты центральных, да и местных, органов, регламентирующих практику депортации, запаздывали и не отражали в полной мере условия и характер расселения. Планы, в которых предусматривались детально и всесторонне все "необходимые политические и экономические моменты", были сорваны⁵. Утечка информации о грядущем раскулачивании подталкивала наиболее экстремистски настроенные круги батрацко-бедняцкого актива к проведению почти повсеместно по краю стихийного раскулачивания, которое зачастую выливалось в грабеж и прямое насилие по отношению к крестьянству. Партийно-советские органы занимали позицию нейтралитета, а в ряде случаев сами активно лействовали.

Нарымский край стал тем местом, куда были направлены значительные потоки спецпереселенцев. Начиная с февраля 1930 г. масса крестьянских семей была отправлена на так называемую "колонизацию" необжитых территорий. В Нарыме усилиями ОГПУ были созданы Шерстобитовская, Парабельская, Средне-Васюганская, Ново-Васюганская, Кулайская, Кето-Чулымская, Молчановская, Новокусковская, Тегульдетская, Чаинская, Галкинская комендатуры. Эти комендатуры в 1930 г. пополнялись прежде всего за счет внутрикраевых принудительных миграций крестьянства, которое перемещалось из Омского, Барабинского, Бийского, Славгородского, Барнаульского, Рубцовского, Томского и др. округов. Из округов Сибирского края была расселена 16061 семья (80305 человек) раскулаченных по второй категории. В Сибирь прибыло 1135 семей (20176 человек) из Украины и при-

мерно 14,5 тыс. одиночек "особого назначения". Таким образом, доля спецпереселенцев из зауральских регионов в 1930 г. была незначительной. В последующие годы миграционные потоки из европейской части страны станут преобладающими.

В конце апреля 1930 г. в спецкомендатурах Нарыма находилось не менее 9525 выселенных семей. А уже в сентябре их численность составила только 6974 семей. Уменьшение количества спецконтингента комендатур Нарыма объясняется рядом факторов: широкое распространение получило бегство с мест расселения и, конечно, смерть от болезней и лишений. В августе 1930 г. на 9 сборных пунктах находилось 5100 крестьян, бежавших из мест принудительного вселения. Побеги стали единственной формой сопротивления режиму комендатур и одновременно возможностью спасения жизни в случае удачи для многих крестьян.

Лишь после того, как тысячи крестьянских семей были доставлены в снега и тайгу Нарыма, партийно-советские органы, столкнувшись с фактами возникновения эпидемий и гибели людей от голода, начали медленно осмысливать происходящее. Так, только лишь 2 июня 1930 г. (то есть через шесть месяцев) в Крайисполкоме было проведено совещание по вопросу о хозяйственном устройстве переселенных кулаков. В ходе обсуждения проблем выяснилось, что практически никто не контролировал ситуацию. Председатель Томского окрисполкома Рещиков заявил о том, что ему не известно, "что делается в тех районах, куда выселены кулаки". Только представитель ПП ОГПУ проинформировал руководство Томского окружкома о том, что в северные районы вселено около 10 тыс. семейств9.

А там, в бассейнах рек Чузика, Парабели, Васюгана, Ваха и др. тысячи людей боролись за жизнь. В глухой тайге, в мороз они должны были создать минимальные условия существования. Ведь не было ни жилья, ни дорог, да и поля для посева надо было сначала раскорчевать. В воспоминаниях Т.Р. Дороховой, попавшей с семьей в Шерстобитовскую комендатуру пятнадцатилетней девочкой, рассказывается о первых днях жизни семьи на новом месте. Прежде всего мужчины валили лес и жгли костры для того, чтобы хоть немного оттаять землю и выкопать яму для строительства большого барака, в котором на первых порах можно было всем укрыться от стужи. А ранней весной начиналась тяжелейшая работа по раскорчевке тайги,

которая продолжалась до первых морозов. А еще строительство дорог, выполнение плана лесозаготовок и многое другое 10. А если учесть то обстоятельство, что не было в достаточном количестве инструмента, необходимых запасов продовольствия, то судьба тысяч людей была трагичной. Но даже в этих условиях в Нарымском крае уже осенью 1930 г. было посеяно 1573 га озимых, а весной 1931 г. - 6604 га яровых культур. За первые два года освоения края и его северной части было раскорчевано 22 673 га. 11.

Многие спецпереселенческие семьи, особенно заброшенные поздней осенью 1930 г. на реки Васюган, Кеть, Чулым и др., к началу зимы оказались в шалашах и землянках, без теплой одежды и продовольствия. Сухо и бесстрастно описывалось состояние поселков спецпереселенцев в справке прокурора Верховного Суда СССР П.А. Красикова. Он отмечал, что почти все поселки, стоящие на большом расстоянии от водных путей, к концу навигации продовольствием обеспечены не были. Высока смертность стариков и детей, особенно последних. Так, по Парабельской комендатуре в течение лета умерло 1375 человек, из них 1106 детей. По Средне-Васюганской комендатуре с момента расселения по 1 сентября умерло 2158 чел., или 10,13% 12. Такие были страшные итоги первого года жизни крестьян во многих спецпоселках комендатур Нарыма.

Можно с уверенностью утверждать, что в 1930 г. организацией производительного труда спецпереселенцев и созданием условий для жизни комендатуры занимались в минимальной степени. Репрессированное крестьянство выжило во многом вопреки комендантским установкам. Оно использовала традиционные формы и методы организации: общинные, коллективистские начала, сотрудничество и взаимопомощь соселей и родственников. Именно эти элементы крестьянской ментальности помогали выжить. Экстремальность жизненных условий диктовала и подсказывала людям возможность самосохранения на основах гуманизма.

С 1931 г. увеличивается сеть спецкомендатур округа, которые и организуют труд спецпереселенцев. В январе 1950 г. начальником Отдела спецпоселений по Томской области была подписана справка "О льготах для выселенцев-спецпоселенцев, расселенных на территории Томской области", в ней утверждалось, что "кулаки в течение пяти лет с момента выселения были освобождены от всех налогов, им предоставлялись земельные участки с

находившимся на них лесными массивами, право бесплатного пользования лесом для строительства домов и других хозяйственных построек "3. В конце справки отмечалось, что никаких документов о льготах для выселенцев-спецпоселениев в ОСП УМВД не имелось. Она была составлена со слов старых работников по спецпоселению. Красноречивый документ, свидетельствующий о том, что единственной льготой был принудительный труд, благодаря которому, комендатуры поддерживали режим насилия и собственного благополучия. Этот режим стимулировал массовые побеги и желание вырваться из рядов спецпоселенцев.

К концу 1930 г. спецпереселенцы прошли настоящий естественный отбор. Выжившие должны были осваивать Нарым. Изначально порочные методы внеэкономического решения проблем заложили широкий круг конфликтных ситуаций, которые еще предстоит разрешать потомкам.

¹Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1974. С. 451.

²Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и ходе коллективизации 1927-1932 гг. М.: 1989, Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 г. Новосибирск: Наука, 1992. 286 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 - начало 1933 г. Новосибирск: Экор, 1993. 341 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938. Новосибирск: Экор, 1994. 310 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945. Новосибирск: Экор, 1996. 303 с.; Из истории земли томской. 1917-1921. Народ и власть. Сборник документов и материалов. Томск, 1997; и др.

³ Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 4. Томек. 1994, С. 64-65.

Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. С. 106.

⁵ Спецпереселенны в Запалной Сибири. 1930 - весна 1931 г. С. 91.

⁶ Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 215.

⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 г. С. 103, 265.

⁸Там же. С. 244.

⁹ Там жс. С. 175.

¹⁰ Личный архив Демешкина В.А.

¹¹ Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 236.

¹² Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М.: Изд-во МГУ. 1989. С. 81-82.

¹³ ТОЦ ДНИ. Ф. 607. On. 1. Д. 1151. Л. 215.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-Е ГОДЫ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Ж.А. Рожнёва

Новые информационные технологии постепенно проникают и в исторические исследования. Создание баз данных является наиболее распространенным примером их использования в работе историков.

В общем виде база данных (БД) — это определенным образом организованная совокупность данных, предназначенных для получения ответов на информационные запросы¹. Особенностью исторических баз данных является прежде всего то, что в них находит отражение не сама предметная область, а исторический источник, который несет в себе некоторое опосредованное представление об исторической реальности.

Выделяются два подхода в создании баз данных для целей исторического исследования: проблемно-ориентированный и источнико-ориентированный. В рамках первого создаются БД, отвечающие в первую очередь целям и задачам конкретного исследования. Такие БД не представляют собой машиночитаемой версии источника, а являются, скорее, его приблизительной информационной моделью. Особенно это касается баз данных, содержащих формализованные сведения из нарративных источников, в которых нужная исследователю информация представлена в свободной словесной форме.

Второй подход предполагает «точное моделирование источника с целью максимально возможного сохранения его информации в машиночитаемом виде»². Такие БД вполне могут использоваться другими историками, преследующими свои собственные научные цели. Однако подобное преимущество не всегда оправдывает сложность и трудоемкость создания и повторного использования источнико-ориентированных баз данных. Кроме того, существует целый ряд источников, например статистических, которые имеют четкую внутреннюю структуру и легко представляются в виде машиночитаемых данных в соответствии с требованиями стандартных программных продуктов.

На сегодняшний день широкую популярность среди историков и других пользователей персональных компьютеров завоевали так называемые реляционные БД, которые отличаются простой и понятной моделью данных. Для них характерно представление всей совокупности имеющихся данных в виде таблиц, являющихся двумерными массивами типа «объекты — признаки». Реляционная база данных может состоять как из одной, так и из нескольких таблиц, связанных между собой.

Прежде чем приступить к построению БД, исследователь должен четко представить себе цель ее создания. В соответствии с ней необходимо проанализировать базовые источники и определить, насколько полно вся заложенная в них информация будет использована при решении поставленной задачи. То есть необходимо осуществить выбор между проблемно-ориентированным и источнико-ориентированным подходом или, иначе говоря, между созданием информационной модели проблемы и информационной модели источника.

Проблемно-ориентированная БД в рамках популярной реляционной модели может быть построена в одной из многочисленных коммерческих систем управления базами данных (СУБД). Современные прикладные СУБД отличаются относительной простотой и доступны для освоения даже пользователю, не имеющему специального образования. Эти системы оптимальны для создания баз данных на основе хорошо структурированных источников. Чтобы построить в них БД с использованием неструктурированных нарративных источников следует предварительно формализовать имеющуюся в них информацию.

Для создания источнико-ориентированных баз данных необходимо специальное программное обеспечение. В настоящее время уже имеется успешный опыт создания особых программ для историков, которые направлены на работу с полным текстом оригинала и позволяют использовать источники для широкого спектра задач³.

Таким образом, технология баз данных, как один из инструментов исторического исследования, служит для решения разного рода задач на основе привлечения разнообразных источников. Возможно ее использование и для изучения истории политических репрессий в период сталинизма.

В 1930-е гг. репрессивная машина советского государства представляла собой мощный механизм по подавлению всякого

инакомыслия, в большинстве случаев лишь мнимого. Одним из ее элементов были политические сулебные процессы, прохолившие как в центре, так и на местах. Их исследование предполагает привлечение широкого круга источников. Это документальные свидетельства о деятельности партийных, советских и карательных органов разных уровней, судов и прокуратуры, периодическая печать, а также непосредственно следственные дела репрессированных. Все они в совокупности позволяют охарактеризовать механизм организации политических судилищ, их размах и динамику.

Наиболее полная информация о процессах, их участниках, обвинениях и приговорах содержится, конечно, в следственных делах осужденных по ст. 58 УК РСФСР, хранящихся в архивных отделах региональных управлений ФСБ. Однако до сих порэти материалы остаются малодоступными для широкого исследования, что связано прежде всего со спецификой деятельности органов безопасности, а также с несовершенством справочного аппарата их архивов. Поэтому наиболее доступным, хотя и далеко не полным, источником для сбора данных о политических судебных процессах остается периодическая печать⁴.

Газетные публикации о процессах представляют собой редакционные или авторские репортажи. Их полнота зависит от масштабности рассматривавшихся на них дел. Порой это краткие информационные сообщения, иногда — развернутые описания не только содержания, но и хода процессов, опубликованные в нескольких номерах.

Для репортажей о процессах характерна свободная форма изложения, нередко с привлечением цитат из показаний обвиняемых и свидетелей, обвинительного заключения. Однако существовал и определенный набор данных, который присутствовал почти в каждом из них. Это фамилии подсудимых, их место работы непосредственно перед арестом, характер обвинения, судебный орган, слушавший дело, и приговор. Не всегда имсется информация об именах и отчествах участников процессов, их возрасте, образовании, социальном происхождении, статьях Уголовного колекса, на основании которых вынесен приговор, конкретном месте и времени проведения процессов. Однако материалы периодической печати все же пригодны для построения на их основе проблемно-ориентированной БД, целью создания которой является накопление справочных сведений о

процессах и их участниках, с перспективой последующей статистической обработки собранного материала. В базе данных, таким образом, должна накапливаться вся сохранившаяся информация, касающаяся содержания и хода политических судебных процессов, их отражения в печати, социально-биографических характеристик подсудимых.

Необходимой предпосылкой для формирования физической базы данных явились структурирование и формализация сведений источника. Вся совокупная информация была разделена на лва взаимосвязанных блока: процессы и полсудимые. Первые описывались исходя из следующей структуры: год, месяц и место проведения, судебный орган, рассматривавший дело, характер обвинения. Кроме названия местности, в описание вводилось ее закодированное административно-территорчальное обозначение, чтобы выявить распространение политических процессов в городских центрах и глубинке. Подсудимые характеризовались по следующим признакам: фамилия, инициалы (если известно - полное имя и отчество), пол, местожительство, место работы, должность, статья обвинения и приговор. На основе данных о месте работы обвиняемых определялся и добавлялся в описание также их социально-профессиональный статус. Были выделены рядовые колхозники, представители колхозной администрации (председатели, бухгалтеры, конторщики и т.д.), сельская интеллигенция (ветеринарные врачи, фельдшера, учителя и т.д.), освобожденные партийные, советские работники, рабочие, представители администрации промышленных предприятий (директора, инженеры, мастера и т.д.), городская интеллигенция. В конечном итоге все эти данные о подсудимых позволяют составить их условный коллективный портрет.

Основная информация в обязательном порядке дополнялась ссылками на источники. Фиксировалось любое упоминание о процессе, а именно, название газеты, дата выхода номера, автор, название публикации. Сопоставление этих данных по каждому из процессов в отдельности и в целом позволяет в известной степени раскрыть особенности их публичного освещения. В частности, о процессах, проходивших в краевом центре, обычно сообщали и краевая, и другие горолские газеты.

Собранные материалы легли в основу спроектированной в рамках реляционной модели БД «Процессы». Пока идет накопление данных, можно говорить лишь о предварительных резуль-

татах опыта использования технологии баз данных в исследовании проблемы судебных политических процессов в Западной Сибири в 1930-е гг. Во-первых, создание подобного электронного «архива» позволяет сконцентрировать разбросанную на страницах периодической печати информацию в одном месте, что уже немаловажно. Во-вторых, технология баз данных предоставляет широкие возможности для количественной обработки собранного материала, позволяя, например, выявить периоды наибольшей активности в проведении политических процессов, рассмотреть их географию, определить удельный вес различных социально-профессиональных групп обвиняемых.

Удалось, в частности, выяснить, что пики проведения политических судов совпадают с усилением политики репрессий вообще. Это лишний раз доказывает планомерный и целенаправленный характер репрессивных акций советского государства в 1930-е гг. Анализ состава подсудимых по социально-профессиональным категориям дает основание говорить о некотором преобладании среди них сельского населения, причем почти в равных долях рядовых колхозников и представителей колхозной администрации. Исследование мест проведения показывает, что суды по политическим делам проходили не только в городах, но и районных центрах, и селах. Иначе говоря, политика репрессий активно охватывала и центр, и периферию края.

Безусловно, на основе только лишь материалов периолической печати невозможно создать полную картину организации, проведения и последствий политических судилищ. В перспективе представляется обязательной модификация и дополнение созданной базы данных сведениями из других более информативных источников.

В заключении необходимо отметить, что использование новых компьютерных технологий не должно подменить аналитическую работу историка. Их применение — не самоцель, а гармоничное дополнение традиционных методов исторического исследования.

¹ Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1994. С. 49.

² Бородкин Л.И., Лазарев В.В. История и компьютер: к новому modus vivendi // Компьютер и историческое знание. Международный сборник научных трудов.

⁻ Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. С. 14.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

А.С. Шевляков

Известно, что чрезвычайные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири, как и всей страны, создавались два раза.

В январе 1933 г. по инициативе И.В. Сталина объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение об организации в МТС и совхозах политотделов. В СССР было создано 3368 политотделов в МТС и 2021 — в совхозах. Партия направила в них 25-тысячный отряд коммунистов. В Западной Сибири к концу 1933 года политотделы работали в 147 МТС и в 123 совхозах. В машинно-тракторных станциях эти чрезвычайные органы действовали до ноября 1934 г., а в совхозах сохранялись до марта 1940 г.

Второй раз политотделы МТС и совхозов были созланы по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1941 г. Тогда в стране возникло 7200 политотделов, в том числе 4490 — в МТС. В них трудилось около 20 тысяч коммунистов и комсомольцев. В МТС Западной Сибири работал 541 политотдел, а в совхозах — 264. В мае 1943 г. они были упразднены.

Чрезвычайные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири привлекали внимание исследователей. Накоплен значительный фактический материал, сделаны серьезные подсчеты и обобщения¹. Вместе с тем многие аспекты деятельности политотделов требуют, на наш взгляд, дальнейшей разработки. Рамки настоящей статьи позволяют только обозначить перспективные направления изучения данной научной темы.

Теоретически вопрос о создании чрезвычайных органов управления и применении «комбедовских» методов в работе перед руководством ВКП(б) не стоял, он был уже решен практи-

³ Гарскова И.М. Базы и банки данных... С. 114.

¹ Сведения о политических судебных процессах содержатся в большинстве газет, издававшихся в 1930-е гг. в Западной Сибири («Советская Сибирь», «Красное знамя», «Кузбасс», «Красный Алтай» и др.).

кой большевизма. В резолющии X съезда РКП(б) по вопросам партийного строительства подчеркивалось: «Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»². Простор дли создания любых органов управления и применения самых различных методов работы был принципиально открыт.

Интерес представляют конкретно-исторические причины, побудившие руководство партии и лично И.В. Сталина к организации политотделов. Исследователи, как правило, отмечают, что главная причина создания чрезвычайных органов заключалась в необходимости организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозного строя. Действительно, насильственно и наспех созданные колхозы не могли и не умели работать, нуждались в укреплении. Однако, как представляется, организация политотделов имела еще одну политическую цель через эти особые органы, выведенные за рамки компетенции райкомов партии, подавить скрытое сопротивление части коммунистов, недовольных вопиющим произволом сталинской клики в деревне. На эту причину указал Л.М. Каганович на XII съезде ВКП(б): «Когда в ЦК были получены сведения о том, что некоторые райкомы обнаруживают некоторую косность и сопротивляются новым методам работы, мы в этом усмотрели попытку затормозить проведение решений ЦК по выполнению новых задач... По этим настроениям ударили». И далее: «...если бы мы подчинили политотделы райкомам, уверяю вас, политотделы не справились бы так с задачей, как они справились с ней сейчас»³. Следовательно, организуя политотделы, ЦК ВКП(б) сознательно шел на создание определенного «двоевластия» и «двоецентрия» в деревне. Чрезвычайные органы должны были во что бы то ни стало проводить политику ЦК ВКП(б), даже минуя райкомы партии. Взаимоотношения политотделов МТС и совхозов с районными комитетами партии были сложными и противоречивыми на протяжении всего периода существования особых органов и нуждаются во внимательном изучении.

В исторической литературе обычно подчеркивается, что политотделы — это чрезвычайные органы партии. Начальники поли-

тотделов назначались и смещались ЦК ВКП(б). Для руководетва политотделами была образована стройная система органов: при Наркомземе и Наркомсовхозов - политуправления, а при областных (краевых) земельных управлениях - политсекторы. Начальники политотделов осуществляли руководство партийными и комсомольскими организациями совхозов, МТС и обслуживаемых ими колхозов и, не подменяя директоров, несли ответственность за выполнение производственных и заготовительных планов трудовых коллективов. В состав политотдела 30-х гг. входил заместитель начальника по линии ОГПУ. Таким образом, политотделы сосредоточивали в себс не только партийные, но и административные, хозяйственные и следственные функции. Политотделы - это многоцелевые чрезвычайные органы, классический пример сранцивания государственных и партийных структур при ведущей роли последних. Вопрос о месте и роли политотделов в общей системе государственного управления изучен недостаточно.

Особое внимание исследователям нужно обратить, по нашему мнению, на раскрытие карательной деятельности политотделов МТС и совхозов 30-х гг. В советской историографии об этой стороне работы чрезвычайных органов говорилось очень скупо. Не принято было демонстрировать прямую связь партии с массовыми репрессиями в отношении крестьянства. Между тем в постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) о создании нолитотделов подчеркивалось, что они «должны обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства»⁴.

Как уже отмечалось, в политотлелах первого призыва работали представители ОГПУ. Архивные материалы по Западной Сибири свидетельствуют о том, что заместители начальников политотделов по спецработе подбирались и утверждались в первую очередь. К началу июля 1933 года в 121 МТС зернового направления было утверждено 96 начальников политотделов (79,3%), в то время как заместителей по линии ОГПУ — 120 (99,2%)⁵.

В связи с созданием политотделов МТС и совхозов Наркомат юстиции РСФСР издал специальную директиву № 94 от 26

мая 1933 года. В ней предлагалось территориально увязать судебные и следственные органы с политотделами: всюду, где есть два судьи, два прокурора и т.д., одного из них прикрепить к политотделу для ведения дел, связанных с организационно-хозяйственным и политическим укреплением совхозов и колхозов, и незамедлительно рассматривать уголовные дела, возбуждаемые политотделами.

В прениях на XVII съезде ВКП(б) в качестве достижения в работе политотделов отмечалось, что в Западной Сибири только по 66 МТС из 11924 человек (в их число входили заведующие производственными участками, бригадиры, механики, бухгалтеры) «вычищено 1622 чуждых, кулацких элемента, которые пролезли в колхозы и расшатывали, подрывали колхозное производство»⁷. В 1933 г. из колуозов Западно-Сибирского края было исключено около 1 тыс. кулаков⁸. Нередко все трудности и недостатки колхозного строительства, связанные о организационно-хозяйственной слабостью колхозов, с ошибками в руководстве сводились к проискам классового врага. Сплошь и рядом шли массовые исключения из колхозов, огульное администрирование, нарушалась законность (даже советской), царил произвол. Репрессивная деятельность политотделов, их взаимодействие с органами ОГПУ и юстиции, механизм карательной политики в деревне нуждаются в дополнительном изучении.

Чрезвычайные органы управления в период строительства социализма создавались не только в сельском хозяйстве, но и на водном и железнодорожном (дважды) транспорте, в гражданской авиации. Представляется, что сегодня назрела потребность в научном осмыслении деятельности чрезвычайных органов управления в целом. Интерес вызывают предпосылки и причины создания политорганов, общие и специфические черты в их работе, место и роль в системе управления народным хозяйством, результаты. Изучение деятельности политотделов на протяжении 30-50-х гг. позволит глубже понять основной вектор развития экономики, общества и государства в этой сложный и противоречивый период нашей истории.

¹См.: Демешкин В.А. Создание я деятельность политических отделов МТС Западной Сибири (1933-1934 гг.) // Партийное руководство массово-политической и хозяйственной работой в Западной Сибири (1917-1970 гг.). Томск: Издво Том. ун-та, 1978. С. 44-65; Он же. Чрезвычайные органы в чрезвычайное

время: политотделы МТС Западной Сибири в 1933-1934 гг. // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. — Томск: Издво Том. ун-та, 1991. С. 137-143; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926-1937 гг.). Томск: Изд-во Том. унта, 1982. 413 с.; Шевляков А.С. Деятельность политотделов МТС и совхозов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 22 с. и др.

- ² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М. Политиздат, 1983. Т. 2. С. 323.
- ³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 560.
- 4 КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 25.
- 5 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).Ф. 3. Оп. 2. Д. 450. Л. 282.
- 6 Советская юстиция: Орган НКЮ РСФСР. 1933. № 17. С. 4.
- ⁷XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (6). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 571.
- ^в История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 4. С. 376.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ В ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В СИБИРИ 1928 Г. В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕПТОВ

Л.С. Андреева

Ко времени составления первого пятилетнего плана обнаружилось, что уже в своем зародыше плановая советская экономика не сочетается со свободными рыночными отношениями. Вместо экономического соревнования социалистического сектора с «нэповской» экономикой советский режим переходил к административному давлению на мелкотоварное частное предпринимательство. Прежде всего, это коснулось самой многочисленной армии мелких производителей — крестьянства. Не справившись с заготовкой хлеба урожая 1927 г., советская власть вернулась к опыту военного коммунизма и вновь прибегла к насильственному изъятию зерна у крестьян. Для этого применялись чрезвычайные меры в виде повышенного и многократного обложения крестьян и административные меры за неупла-

ту налога (конфискация имущества, частичная распродажа в счет «погашения» пеуплаченной суммы налогов, наказание в виде лагерей и тюрем, «раскулачивание» и ссылка).

Официальным документом о введении «чрезвычайщины» явилась директива ЦК ВКП(б) местным нарторганизациям о хлебозаготовках от 06 января 1928 г¹. ЦК партии требовал принять срочные меры по выполнению плана хлебозаготовок и сбора налогов. Предписывалось в кратчайшее время собрать задолженность по налогам и провести кампанию по распространению займа: «Принять к исполнению все прежние указания ЦК в отношении изъятия денежных накоплений из деревни; установить максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства по налогам, страхованию, семссудам;...добиваться досрочных взносов всех платежей, одновременно развернув кампанию по распространению крестьянского займа и сборов кооперативных паев; срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении.

При взыскании недоимок по всякого рода платежам применять немедленно жесткие кары, в первую очередь в отношении кулачества, особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих сельскохозяйственные цены»². ЦК ВКП(б) возлагал ответственность за проведение кампании на местные партийные и советские органы. Язык документов больше напоминает приказ: «Мобилизовать немедля все лучшие силы партии,...на предмет всемерного усиления хлебозаготовок и оставить их на месте заготовок до решительного перелома.

Установить личную ответственность руководителей партийных, советских и кооперативных организаций за выполнение возложенных на них заданий по заготовкам, немедленно отстраняя тех, которые не проявят способности и умения добиться успеха хлебозаготовок»³.

Вслед за директивой ПК последовала телеграмма Сталина на Украину, Урал, в Новосибирск и другие центры. Сталин требовал «нажать» зверски на парторганизации для поднятия хлебозаготовок». Сталин обязывал «сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулаков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен»⁴.

Сущность «чрезвычайщины» получила отражение в документах о поездке Сталина в Сибирь в январе 1928 г⁵.

В протоколе совместного заседания бюро Сибкрайкома, представителей заготорганизаций с участием Сталина 18 января 1928 г. отмечено, что Западная Сибирь должна заготовить 60 млн. пудов. Намечены меры по реализации этого плана. Установлены задания на отгрузку зерна на каждую пятидневку. И уже повторялось требование Сталина: «...чтобы ряд кулаков был обязательно подвергнут репрессивным мерам взыскания за несвоевременную сдачу сельхозналога (арест, судебные процессы и прочее).

Более того, предписывалось провести показательные судебные процессы в каждом районе над кулаками, задерживающими хлеб в целях спекуляции, «и в особо срочном порядке». Соблюдения формальных оснований для этого не требовалось. В постановлении так и записано: «Не связывать эти процессы с формальностями»⁷.

Для большего устрашения предписывалось публиковать материалы судебных процессов в местной печати.

Уже перед приездом Сталина Сибкрайком создал чрезвычайную тройку по проведению хлебозаготовок⁸.

Выступая на закрытом бюро Сибкрайкома, Сталин «разъяснил», что партия не против нэпа, допускает свободу товарооборота, «но мы должны все регулировать, в известной мере и при известных условиях, при контроле с нашей стороны мы допускаем эту свободу товарооборота»⁹.

«Чрезвычайщина», с ее судами, насильственными изъятием зерна у крестьян именовалась «регулированием».

«Может быть, часть крестьян, в том числе середняки, будут обижены этим регулированием, но отступать от этой линии партия не будет, останавливаться перед этим нельзя, мы идем вперед, ведем за собой середняков. Они поймут, что регулирующая роль принадлежит государству. Но при этом необходимы и административные мероприятия»¹⁰.

В другом выступлении Сталин снова заявил, что «мало нажимали» при проведении хлебозаготовок и сборе сельхозналога.

Требования «нажать», применять репрессии неоднократно повторялись в выступлениях Сталина. В телеграмме ЦК ВКП(б) уже 29 января он сообщал о первых достижениях: «Меры репрессии по линии отгрузок, принятые на днях, возымели действие. 26 января отгружено на Запад 367 вагонов, 27-го - 423, 28-го - 433»¹¹.

Перед возвращением в Москву Сталин направил в Москву телеграмму из Красноярского края, где снова повторил, что чрезвычайные меры дали свои результаты: «За шестую пятидневку января заготовлено вместо обычной нормы 1 миллион 200 тысяч пудов 2 миллиона 900 тысяч пудов»¹². А Сибкрайком отметил в сводке о настроении крестьянства, что в апреле состоялось 12 массовых выступлений крестьян. С января по апрель обнаружено 76 листовок, содержащих призыв к свержению Советской власти¹³.

Публикация документов о поездке Сталина в Сибирь уже стала достоянием историографии.

Документы архивов раскрывают механизм осуществления «чрезвычайщины» в хлебозаготовительной кампании и налогообложении накануне насильственной коллективизации.

В Государственном архиве Омской области сохранился фонд Омского окрисполкома, имеются дела и за 1928 г. В частности, интерес представляют циркуляры, протоколы, распоряжения Омского окружного исполкома, определяющие меры по успешному проведению, т.е. выполнению намеченного плана хлебозаготовок и налогообложения. Для ликвидации задолженности уполномоченным окрисполкома предписывалось: «...описывать имущество должников и приступать к его изъятию, преимущественно хлебных излишков, которые сразу продавать в кооперацию... Следует добиваться, чтобы каждый плательщик выполнил в ближайшее время не менее 55% платежей, тогда как во всем округе в среднем платежи выполнены на этот процент»¹⁴.

В телеграмме в райкомы партии и райисполкомы предложено обязать всех коммунистов и членов Советов внести 100% налога¹⁵

В циркуляре Омского окрисполкома от 27 января 1928 г. отмечено, что только выполнение всех госзаданий может обеспечить и выполнение хлебозаготовок, исходя из чего требовалось взыскивать задолженности по различным платежам с применением «исключительной жестокости» к мощным единоличным хозяйствам⁶.

Предписание председателя Омокрсуда народным судьям от 21 января 1928 г. ставило основной задачей «выкачку у крестьян излишков хлеба и сосредоточение его в руках государства», ввиду чего предписывалось определять наказания за различные правонарушения преимущественно по линии материальной от-

ветственности, «устранять формализм и дело разрешать только под углом зрения пользы для хлебозаготовок и взыскания недоимок»¹⁷.

Усиление чрезвычайных репрессивных мер в отношении крестьянства присутствует и в директиве Окрисполкома председателям РИКов от 6 февраля 1928 г.: «...немедленно... в отношении 3-5 на район злостных недоимщиков—кулаков произвести внезапную опись и продажу хлеба в количестве, большем, чем причитается к платежу, при этом принять меры, чтобы означенные недоимщики до продажи не смогли бы поставить РИК перед фактом внесения причитающихся платежей» 18.

В телеграмме от 10 февраля 1928 г. председателя СНК в округ отмечено применение в округе продразверстки по хлебозаготовкам, т.е. направление в деревни заградотрядов, запрет на продажу хлеба, нормирование остатков, запугивание держателей хлеба возможным применением административных мер воздействия и т.д. ¹⁹

С 1 января по 1 апреля 1928 г. в Омском округе по ст. 107 УК было осуждено 175 человек, из них 170 — с конфискацией имущества²⁰. Так реализовывались требования Сталина по чрезвычайным мерам.

Февраль 1928 г. был определен им как решающий месяц в хлебозаготовительной кампании года. Весной-летом 1928 г. планы заготовок были значительно снижены — чрезвычайные меры дали свои результаты.

Однако применение подобных мер вызвало противодействие крестьян. В материалах заседания бюро Сибкрайкома РКП(б) декабря 1928 г. приведены сведения о фактах антисоветских выступлений крестьян, всего 999 случаев за год, из которых 331 прямо связаны с хлебозаготовками. Из них 88 произошло с января по март, 116 — с апреля по июнь, 90 — с июня по июль. В статистике за 1926-1928 гг. по антисоветским выступлениям крестьян в результате чрезвычайных мер за 1926 г. отмечено 256 случаев, за 1927 г. — 226, за 9 месяцев 1928 г. — 331 выступление, причем среди последних доминируют формы, отнесенные к разделу «другие» (кроме убийств, ранений, поджогов).

В то же время среди общего числа выступлений 1926 г. преобладали ранения (142 случая из 256), в 1927 г. — ранения и «другие» выступления практически сравнялись по количеству (98 и 80 соответственно)»²¹.

Возможно, из этого следует, что активные формы противодействия крестьян уступают место другим формам — например, антисоветским высказываниям, экономическим мерам, таким как распродажи, разделы, сокращение хозяйства.

Приведенная оценка «настроения крестьян в 1928 г.» подтверждает это: за январь зарегистрировано 18, за апрель-июнь — 88, июльсентябрь — 10 случаев, из которых массовых выступлений соответственно 1,12,1; других: листовок, анонимных писем — 16, 60 и 82.

В письме члена Сибкрайкома А.М. Певзнера от 20 марта 1928 г. о результатах поездки по районам Сибири отмечено, что «кулак враждебен, но не идет на открытые антисоветские выступления из-за наличия твердого режима..., середняки в наиболее мощной своей части разделяют настроения кулачества..., общее же политическое состояние районов округа устойчиво, крупных выступлений нет»²³.

Таким образом, можно заключить, что общее число выступлений крестьян с началом применения чрезвычайных мер по хлебозаготовкам существенно возросло, однако, они носили пассивный характер.

Наряду с противодействием крестьян в документах отмечено и противодействие руководства советских и партийных органов Сибири давлению центра.

В телеграмме Сталина из Новосибирска в ЦК ВКП(б) от 19 января 1928 г. отмечено, что Сибирское руководство выступает за снижение плана хлебозаготовок, в то же время, «в Сибири очень распространена вера во всемогущество промтоваров в поднятии хлебозаготовок»²⁴.

Это нашло подтверждение в документах Сибкрайисполкома, где действительно, большое внимание уделялось снабжению края промышленными товарами, а их распределение находилось в прямой зависимости со сданным по хлебозаготовкам зерном²⁵. Сибирская администрация все еще надеялась на рыночный товарообмен с крестьянством.

При обсуждении плана хлебозаготовок на март 1928 г. Сибкрайисполком постановил признать его нереальным и невозможным, опротестовать и настоять перед центром на пересмотре; кроме того, опротестовать задание Союзнаркомторга на вывоз хлеба в количестве 16 тыс. вагонов и т.д²⁶.

Это было робкой попыткой остановить дальнейшее развитие чрезвычайщины. Однако, если учесть почти военную лис-

циплину в рядах партии и советских работников, такие попытки противодействия не могли изменить и не изменили сталипский курс на насильственные меры в отношении крестьянства, следующим шагом в котором станет коллективизация.

В очередной раз в истории России произопило столкновение социальной политики правящего режима с интересами производителя. Режим чрезвычайных мер и репрессий превратился в норму жизни тоталитарного общества.

^{&#}x27;Известия ЦК КПСС, 1991 г. № 5. С. 193.

² Там же. С. 195

³Там же. С. 194-195.

⁴ Tam жc. C. 195.

⁵Известия ЦК КПСС, 1991 г. № 5-7.

[&]quot;Известия ЦК КПСС, 1991, № 5, С. 197.

⁷ Там же. № 6. С. 208; ГАОО, Ф. 28. Оп. 1. Д. № 380. Д. 68.

⁸ГАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. № 380. Л. 3.

⁹ Известия ЦК КПСС, 1991 г., № 6. С. 208.

¹⁰ Там же.

^п Там же. С. 215.

¹² Tam жe. № 7. C. 179.

¹³ Там же. С. 192.

ЧГАОО, Ф. 28. Оп. 1. Д. № 380. Д. 21.

¹⁵ Там жс. Л. 26, 29.

[™]Там же. Л. 41-45.

[□]Там же. Л. 68.

¹⁸ Там же. Л. 121.

¹⁹ Там же. Л. 140-146.

[™]Там жс. Л. 206.

²¹ Известий ЦК КПСС, 1991 г. С. 191, 192.

²² Там же. С. 192.

²³Там же. С. 182-183.

²⁴ Там же. № 5. С. 201-202.

з ГАОО. Ф. 28. Д. № 379. Л. 1, 4, 10, 22, 25, 56, 58.

²⁶ Там же. Л. 58.

ЭВОЛЮЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ

А.В. Азаров

Период коллективизации оставил глубокий след в массовом сознании крестьянства. На протяжении истории крестьяне неоднократно испытывали на себе последствия всевозможных преобразований и реформ. Но во время коллективизации и раскулачивания 30-х гг. произошли, возможно, наиболее глубокие изменения в общественном сознании земледельца, в его взглядах, идеях и социальных чувствах.

В последнее время отдельные стороны социально-психологических процессов в крестьянской среде явились предметом исследования ряда авторов. Среди них можно назвать Э.А. Касперовича, С.А. Никольского и Н.А. Ивницкого¹.

С конца 1929 г. коллективизация стала принимать широкий размах. Статья И.В. Сталина «Год великого перелома» и решения ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) послужили поворотной точкой в истории коллективизации. Ее темпы искусственно ускоряются, масштабы растут, среди методов работы руководства увеличивается доля административного нажима и насилия.

Затем последует выступление И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов о ликвидации кулачества как класса — составной части коллективизации. В январе 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в феврале 1930 г. постановления ЦИК и СНК СССР, приказы ОГПУ. В этих документах определялся порядок раскулачивания и ссылки, устанавливались «категории» выселяемых и места их водворения. Осуществлялись эти мероприятия советской и нартийной администрацией совместно с органами ОГПУ и Красной Армией.

Согласно данным постановлениям кулаки и их семьи выселялись в отдаленные районы страны, их имущество конфисковывалось и передавалось в распоряжение создававшихся колхозов. Сами же спецпереселенцы по прибытии на место попадали под контроль спецкомендатур и должны были выполнять различные работы, преимущественно государственные промышленные и сельскохозяйственные задания.

Одной из особенностей раскулачивания, отразившейся в массовом сознании сибирского крестьянства, стала политика партии по расколу деревни на противостоящие группировки. Мысль о намеренном создании глубокого социального конфликта как движущей силы коллективизации уже рассматривается исследователями3. Руководство страны в ходе хлебозаготовок и формирования колхозной системы опиралось на неимущие слои деревенского населения. Сельская беднота получила необычайно широкие права: «Собрания бедноты выносили постановления о выселении, требуя поддержки, иногда бедняцко-середняцкие собрания постановляют передать такого-то ОГПУ для немедленного расстрела»¹. Бедняцко-батрацким собраниям предоставлялось право на составление списков крестьян, подлежащих выселению. Это определялось постановлением ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 г.4 Сельские активисты получили также возможность обогащения за счет присвоения имущества сосланных крестьян.

В результате раскулачивание на местах зачастую напоминало грабеж и погромы. Эти факты были широко распространены и признавались самим партийным руководством. В закрытом письме ЦК ВКПб от 2 апреля 1930 г. говорилось: «Политика ликвидации кулачества как класса нередко на практике проводилась е целью грабежа имущества»⁵.

В подобных условиях психология крестьян испытывала глубокие изменения. Царящая несправедливость способствовала культивированию таких особенностей общественного поведения, как эгоизм, жестокость, безразличие к бедам односельчан. Вековые традиции коллективизма русской крестьянской общины разрушались и заменялись подозрительностью, скрытностью и завистью к достатку и благополучию.

Показателен эпизол, приведенный в мемуарах Э.А. Касперовича, где он сообщает о мотивах ссылки своего односельчанина следующее: «Василий Иванович Кацере никого не нанимал и не эксплуатировал, почему выслали? Вероятно, из-за зависти: мастер на все руки, дед напопридумывал себе много разной вспомогательной «техники» — облегчавшей крестьянский труд. Почему было и не завладеть ею?»6.

Несмотря на требования партийного руководства ссылать исключительно кулаков, имевшие хотя бы частичное оправдание в глазах крестьян, под раскулачивание попадали представители всех социальных групп. Сведения об этом часто сообщаются в крестьянских письмах: «Раскулачивали без всякого разбору — кто попадается под руку, на кого зуб имел кто-нибудь из активистов. В холодную дождливую ночь выгоняли в степь с больными и детьми, обливали водой на морозе, водили по селу с гиканьем, криками, свистом»⁷. О подобных фактах упоминается и в мемуарах самих спецпереселенцев⁸.

В Сибири были нередки выселения бывших красноармейнев, середняков, бывших красных партизан и даже бедняков, а также выселялись инвалиды, старики и дети⁹. Все эти «особенности» коллективизации рождали в крестьянстве недоверие к руководству, страх и возмушение действиями власти.

Исследователи отмечают многочисленные факты сопротивления сибирского крестьянства насильственному раскулачиванию. Масштабы, разнообразие форм сопротивления и участие в нем практически всех социальных слоев деревни позволяют утверждать, что отдельные слои крестьянства в начале 30-х гг. изменили свое отношение к Советской власти. Лишь ценой большого напряжения сил, благодаря использованию всевозможных силовых структур Советскому государству удалось поставить под контроль сельское население. Подобная политика явилась причиной роста настороженного отношения к руководству, увеличению социальной дистанции между трудовым крестьянством и аппаратом власти. Коммунистическая партия постепенно утрачивает доверие, полученное ею в результате введения новой экономической политики. Информационная переписка партийных организаций 1930 г. свидетельствует о росте «раздражения, недоумения и недоверия в крестьянской среде»¹¹.

Еще одной особенностью коллективизации, формировавшей социальную психологию крестьянина, была его юридическая незащищенность. Такая ситуация создавалась намеренно. В ходе известной поездки И.В. Сталина в Сибирь были проведены многочисленные чистки и кадровые перестановки во всех этажах власти, целью которых было назначение на ведущие посты людей, не считавшихся в своей работе с буквой закона, но всенело преданных линии партии. На заседании в Барпауле, отчитывая уполномоченных за «недостаточную» активность, Сталин гово-

рил, что «есть такая категория отдельных работников, которые свою защитную политику по отношению к кулакам оправдывают соблюдением революционной законности, а кулак, пользуясь этой гнилой политикой, саботирует сдачу хлеба государству»¹². Социальная практика, порожденная подобной установкой И.В. Сталина, не может быть охарактеризована иначе, как беззаконие. Председатель одного из окружных судов заявлял: «Теряет всякое значение ряд действующих законов... несомненно, что в ближайшее время ряд действующих законов будет отменен и последует издание новых законодательных актов. И было бы преступным бюрократизмом ожидать этих новых законов... основной закон для каждого из нас — политика нашей партии»¹³.

Массовое сознание фиксировало эту практику, порождая совершенно определенные формы общественного поведения — конфликтность в крестьянской среде, насилие и произвол властей. Можно согласиться с В. Астафьевым, который отмечает «особенность нашего любимого крещеного народа: получив хоть на время хоть какую-то, пусть самую ничтожную власть, остервенело глумиться над своим же братом, истязать его — достигла широкого размаха во время коллективизации, переселения и преследования крестьян»¹⁴.

Одно из наиболее негативных изменений массового сознания крестьянства связано с реформированием экономического уклада деревни, курсом на создание колхозов. Новая система взаимоотношений государства с крестьянством не оставляла места хозяйственной и, следовательно, политической самостоятельности сельского населения. Власти были намерены закрепить положение, когда массовым сознанием крестьянства можно было манипулировать. Для этого необходимо было изолировать максимальное число самостоятельно мыслящих людей, хозяев, оставив в деревне людей с иждивенческой, люмпенской психологией. Современники коллективизации в Сибири неоднократно отмечали эту причину среди мотивов раскулачивания: «Способные, ценные люди зачастую не по нутру вышестоящим организациям, которые чувствуют, что сами не умны и в работе слабы, а чтобы диктовать так, как хочется им, они подыскивают человека поглупей, а потому и поподатливей, а чтобы изжить человека, имеются десятки способов, вплоть до кулачества и т.д.»¹⁵.

Местные партийные и советские органы усматривали выгоду в обезглавливании деревни, устранении из нее людей, спо-

собных открыто критиковать мероприятия правительства. Типичен для тех лет следующий случай, рассказанный в мемуарах современника раскулачивания: «отец наш также в ссылке отбывал три года за то, что на собрании сказал: «Вы одной рукой хлеб выгребаете, а другой рукой винтовку наставляете» 16.

Распространение в начале 30-х гг. получили случаи, когда сельская беднота захватывала имущество сосланных, практически жила за их счет. Свидетели приводят такой эпизод: «в дом раскулаченного вселились три или четыре семьи бедняков из окрестных деревень, завладели всем имуществом, скотом и землей... за год совместной «работы» скот порезали и поели, урожая тоже не получили, потому что работать они не хотели и не умели... оказавшись в безвыходном положении, пришли к решению: если уж завладеть имуществом и скотом других кулаков, то тогда уж они заживут»¹⁷.

Так разрушались традиционные нравственные ценности русского крестьянства — уважение к труженику и результату его работы, дух взаимопомощи и почтения к земле. Потомственные клеборобы подвергались унижению, вынуждены были приспосабливаться к совершенно невой ситуации, когда труд на земле перестает быть потребностью и не дает удовлетворения, более того, может послужить причиной раскулачивания и ссылки, формировались чуждые традиционным моделям поведения социальные черты крестьянства «меньше работай на себя, больше на государство, не проявляй инициативы, будь как все» 18.

Угрожающие тенденции были замечены самими крестьянами: «... особенно подкосила колхозную жизнь «кулацкая политика партии»... под маркой кулаков с полей ушли специалисты земледелия, люди, умеющие править хозяйством»¹⁹. Экономические последствия социальной политики начала 30-х гг. тоже нетрудно было предсказать: «... подбираются до хозяев-колхозников... если их выселят, с оставшейся беднотой реветь будем, они ни арбы, ни ярма сделать не могут»²⁰.

Заслуживает внимания мнение спецпереселенца Э.А. Касперовича, который подводит следующий итог эволюции массового сознания крестьян: «Продолжалось раскрестьянивание душ... собственно к чему она, земля, если хлеб могут поднести тебе как на блюдечке за заработанные рубли. Это, конечно, серьезнее, чем простое отлучение человека от земли. Отстраненный на время, он может все-таки к ней вернуться, может детям сво-

им завещать эту вековую тягу. Но если у человека раскрестьянилась душа, в деревенское прошлое свое он уже не окунется»²¹. Насильственная коллективизация с раскулачиванием и массовой ссылкой самой деятельной части деревни явилась окончательным раскрестьяниванием.

Следствием социальных преобразований периода коллективизации становится переворот в социальной психологии сельского населения. Среди его проявлений можно отметить люмпенизацию массового сознания крестьянства, социальную инертность, идеологическую пассивность и другие негативные особенности. Все они способствовали многочисленным мероприятиям государства по манипуляции массовым сознанием и общественным мнением, позволили советскому режиму полностью подчинить экономическую и социальную деятельность крестьян.

¹ Касперович Э.А. Спецпереселенцы. Минск, 1991; Никольский С.А. Власть и земля. М., 1990; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1996.

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 года. Новосибирск, 1993. С. 9.

³ Правда о раскулаченных // Кентавр. 1992. Март-апрель. С. 47.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 года. Новосибирск, 1992. С. 22.

⁵ Никольский С.А. Власть и земля. М., 1990. С. 216.

⁶ Касперович Э.А. Спецпереселенцы. Минск, 1991. С. 35.

⁷ Проклятия крестьян падут на вашу голову. Обзор крестьянских писем // Новый мир. 1993. № 4. С. 82.

⁸ Касперович Э.А. Спецпереселенцы. Минск, 1991. С. 10; Анненков Ю.В. Кулацкие дети // Москва, 1990. № 10. С. 160; Волков 0.В. Горетка праха // Юность, 1989. № 3. С. 36.

⁹ Из истории деревни начала 30-х годов // Советские архивы, 1991. № 6. С 51; Загороднюк Н.И. О ходе раскулачивания в Тобольском округе в 1921-1931 гг. По материалам Тобольского и Свердловского государственных архивов // Родиноведение, вып. 1. Тобольск, 1992. С. 90.

¹⁰ Гущин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926-1933 гг.) Новосибирск, 1972. С. 203; Новиков И.Н. Коллективизация сельского хозяйства Омской области (1928-1932 гг.) Омск, 1956. С. 52; Самосудов В. Муромцевское восстание 1930 г. // Омская старина. 1994-1995 гг. № 3. С. 142.

¹¹ Нечиперович А. Ради чего шла борьба с крестьянами // Урал, 1990. № 4. С. 159.

- 12 1928 год: поездка Сталина в Сибирь. Документы и материалы // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 196.
- 13 Советские архивы. 1991. № 6. С. 47.
- 14 Астафьев В. Прокляты и убиты // Роман-газета. 1994. № 3. С. 21.
- 15 Проклятия крестьян падут на вашу голову. Обзор крестьянских писем // Новый мир, 1993. № 4. С. 175.
- 16 Пузанов Т.А. Дневники // Молодая гвардия. 1991. № 5. С. 200.
- ¹⁷ Никольский С.А. Власть и земля. М., 1990. С. 215.
- ¹⁸ Касперович Э.А. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁹ Пузанов Т.А. Указ. соч. С. 209.
- 20 Там жс. С. 205.
- ²¹ Касперович Э.А. Указ. соч. С. 63.

«ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ И ФАБРИК» В КОНТЕКСТАХ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ

В.Ю. Соколов

В современных условиях при разработке новых подходов к различным историческим явлениям все большее значение приобретает не столько появление новых фактов по изучаемому сюжету, сколько перемещение данного сюжета из одного контекста прочтения в другой. Процесс рождения «нового» выступает прежде всего как работа со «второй» реальностью — с набором накопленных представлений о явлениях прошлого. Подобная переориентация связана с переходом современной науки от сциентистской парадигмы, с ее верой в возможность однозначных трактовок объективной исторической реальности, к гуманизации познавательного процесса, к поискам истины на пересечении различных суждений.

Особенно заметны в этом смысле возможности изменения подходов к явлениям, родившимся в условиях безграничного господства того или иного научного направления. Ярким примером тому может служить написание «Истории заводов и фабрик». Начатое в начале 30-х гг. по инициативе А.М. Горького и растянувшееся почти на полвека, это издание стало уникальным историческим и историографическим явлением. Уникальность его заключается не только в масштабности работы, но прежде всего в беспрецедентном срастании научных и практи-

ческих задач издания, во многом определивших последующее разнообразие его трактовок.

Уже в своем напутствии будущим авторам «Истории заводов и фабрик» в 1931 г. А.М. Горький подчеркивал практическую направленность предстоящей работы. Писатель указывал историкам на необходимость выяснить «роль каждого наиболее типичного завода, каждой области производства, — завода как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода как воепитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны»¹.

Рассматривая «Историю заводов» как своеобразную школу трудового и идейного воспитания трудящихся, Горький предлагал отойти от традиционной пропагандистской дидактики и предоставить возможность самим рабочим формировать свое мировоззрение путем написания истории своих предприятий. «Работа по «Истории заводов», — писал он, — должна быть прежде всего работой рабочих и это особенно твердо надобно усвоить всем, кто привлечен к этой работе в качестве сотрудников»².

В довоенный период наказ писателя реализовывался в полной мере. Рабочие заводов и фабрик активно участвовали в написании воспоминаний о своей жизни, консультировали пишущих авторов, некоторые из них становились историками-самоучками. Работали они с большим энтузназмом, приобретая вместе с навыками научной работы азы общей культуры. На протяжении 30-х гг. совместным коллективом рабочих, литераторов, историков было выпущено свыше 60 брошюр и монографий.

Работа по написанию «Истории заводов» протекала на фоне интенсивных исследований историков-профессионалов, занимающихся разработкой проблем прошлого российского пролетариата. С 1930 по 1935 г. им удалось выпустить двадцать два сборника «Истории пролетариата СССР». Авторы сборников уделили много внимания быту рабочих, условиям их труда, организации производства, трудовым и революционным традициям крупнейших заводов и фабрик России — Гужона, Путиловского, Семянникова, Трехгорной мануфактуры и т.д.

В целом тесное сотрудничество профессиональных и самодеятельных авторских коллективов по истории заводов и продетариата России, опиравшееся на широкую поддержку самих рабочих, способствовало созданию довольно гибкой модели формирования исторического мировоззрения участников данной работы. Такая модель могла послужить удачной формой для развития научной и политической активности широких слоев населения, существенно разнообразить формы их привлечения к краеведческой работе, к живому участию в развитии национального самосознания и патриотизма.

Однако реализации данной задачи существенно препятствовала постоянно нараставшая идеологическая опека издания «Истории заводов и фабрик». Параллельно с созданием Главной редакции издания, которая занималась вопросами координации деятельности широкой сети авторских коллективов, разработкой научных оснований работы и т.д., была образована политическая редакция во главе с Л.М. Кагановичем. В задачу последней входил контроль за идеологическим содержанием выходящих публикаций. Активный сотрудник политической редакции, один из бывших вождей РАППа Л.Л. Авербах в качестве приоритетных целей издания выделил «создание образа положительного героя» и достоверное «отражение пролетарского коллектива»³.

Очень скоро создание положительного образа российского пролетария, обоснование воспитательных функций социалистического производства в «Истории заводов» стало тесно смыкаться с пропагандой эффективности исправительных функций пенитенциарных учреждений. В постановлении Главной редакции об издании сборника по истории Беломорстроя говорилось, что его целью является «разъяснение смысла и результатов великой перековки людей, которой отличается строительство Беломорского канала, основ и методов советской исправительно-трудовой политики, ее развития и практического проведения работниками ОГПУ»⁴. Таким способом, «История заводов и фабрик» органично встраивалась в реализацию идеи создания общества нового образца, которое, являясь коллективным субъектом истории, само себя воспитывало, само себя карало, само себя воспевало. В конечном счете, работа над историей заводов и особенно ее преподнесение в печати превращались в эффективное средство формирования положительного образа тоталитарного общества.

С последним обстоятельством во многом было связано ослабление идеологической направленности издания «Истории заволов и фабрик», которое наблюдалось в 60-е гг. В критичес-

ких работах этого периода анализ предпествующих изданий и прогноз будущей работы все чаще принимали академический оттенок. Их авторы обращали особое внимание на качество и достоверность источников, широту охвата материала, объективность в оценке места человеческого фактора в производственной сфере⁵. Указывали они и на необходимость более широкого участия профессионалов из самых разных сфер науки и производства в работе над историей предприятий.

Поворот в сторону академизации и профессионализации работы над историей заводов и фабрик в 60-е гг. привел к тому, что уникальная работа самодеятельных коллективов, далеко выходящая за пределы стандартов научной деятельности, стала постепенно обретать черты малозначительного и во многом пропагандиетского труда.

Эта тенденция заметно усилилась в 70-е гг., когда руководством страны был взят курс на усиление идеологической направленности научно-исследовательской работы. В исторической периодике тех лет указывалось, что «книги по истории предприятий и историко-революционные музеи заводов служат одной из важных форм обобщения и пропаганды революционного опыта, воспитания морально-политических качеств советского рабочего класса, конкретно, зримо показывают преемственную связь поколений» Была расширена практика работы издательств с непрофессиональными, самодеятельными исследователями, устраивались масштабные кампании по массовому обсуждению публикаций по истории предприятий.

Заорганизованность и формализм работы над написанием истории заводов и фабрик, чрезмерно усилившиеся в 70-е — начале 80-х гг., не способствовали реализации идеологических нелей. Вместе с моральной дискредитацией в широких кругах населения образа рабочего класса как передового отряда советского общества стал иссякать энтузиазм самодеятельных участников работы над историей заводов. Заметно унал и интерес исторнографов к первым публикациям «Истории заводов и фабрик» 30-х гг.

Новая страница в изучении «Истории заводов и фабрик» и развитии заложенных ею идей была открыта в конце 80-х — начале 90-х г. Освобождение отечественных историков от жестких идеологических ограничений, широкие возможности использования опыта зарубежных исследователей привели к со-

зданию условий для самых разнообразных трактовок данного явления. Характерным показателем обновления подходов к «Истории заводов» стало помещение ее в контекст исследований по «истории повседневности»⁸. Научное направление, популярное в 80-е гг. в западной, особенно западногерманской историографии, подобно советским исследователям 30-х гг., обратило внимание на широкие возможности, которые открываются перед непрофессиональными исследователями, воссоздающими собственное прошлое своими руками.

Сопоставление принципов работы авторов «Истории заводов» и историков «повседневности» вполне уместно. Первые немало усилий приложили к восстановлению повседневного быта рабочих, их трудовой и жизненной психологии, привычек, культуры, менталитета. Характерным можно считать суждение одного из сотрудников издания «Истории заводов» В. Перцова, занимавшегося редактированием рукописей начинающих историков и руководившего их исследованиями. «В центре внимания историка завода, - писал он, - естественно становятся событие и поступок, и обуславливающие их причины, с которыми мотивы поступка не всегда совпадают». При этом он подчеркивал, что «невозможно изобразить ход истории завода, если не показать, как конкретные обстоятельства, преломляясь в сознании масс и отдельных личностей, вызывают определенные воздействия на внешний мир, т.е. поступки вызывают определенные отношения»9.

Однако сопоставление оснований работы историков 30-х и 80-х гг. помогает выявить не только общее для них стремление показать жизнь простого человека его собственными руками, оно позволяет выделить и принципиальные отличия в их работе. В противовес «истории повседневности», с ее скрупулезным воспроизведением всех подробностей жизни конкретного человека, историки заводов стремились рассмотреть историю каждого рабочего сквозь призму идеального образа пролетария. Зачастую этот образ входил в противоречие с реальной картиной жизни того или иного персонажа, и тогда историк невольно становился лакировщиком попавшей в его руки биографии.

Показательно повествование автора монографии «Люди СТЗ» В. Федоровича о том, как ему приходилось «исправлять» автобиографии своих героев. «После черновой работы, — рассказывал он, — стенограммы нужно было сличать, выбраковывать

слова и положения, добиваться, чтобы факты правильно окрашивали большевичку Соловьеву, рост ее как политического борца с первого шага из деревни на фабрику до напряженных лет гражданской войны. Такая же работа была проделана с автобиографисй нового мастера Георгия Андреева, за исключением немногих черт личной жизни, поданная как собирательный тип нового мастера, воспитанного комсомолом, который борется за мысль в цехе, за рассекречивание засекреченного старой мастеровщиной производства»¹⁰.

Расхождения историков «повседневности» и историков заводов свидетельствуют о различиях не только в их методологических установках, но и в понимании исследователями проблем своей эпохи. Если «спокойные» 80-е гг. предоставляли возможность западным историкам «повседневности», избегая явных пристрастий, описывать будничную жизнь человека, то перед советскими обществоведами после бурного «разлива» инициатив трудящихся в 20-е гг. главной задачей становилась жесткая организация общества, которая достигалась средствами идеологических схем. В этих условиях повседневность для советских историков выступала в качестве враждебной среды, рождающей хаос, обывательскую психологию, «разнузданные» потребительские инстинкты. Для исследователя того времени предметом анализа должны были стать рационально организованные, целенаправленные формы жизни, и описание становления идеального пролетария было задумано как средство реализации данной задачи.

В нынешних условиях опыт работы над «Историей заводов и фабрик» представляет интерес прежде всего с точки зрения использования модели широкого вовлечения различных слоев населения в процесс восстановления прошлого нашей страны. Причем к восстановлению предназначен прежде всего пласт эмоционально-психологических переживаний эпохи трех-четырех последних десятилетий, который академической наукой почти не освоен.

Кроме того, рассматривая развитие научной мысли XX в., можно сказать, что работа над «Историей заводов» в определенной степени предвосхитила развитие гуманитарной мысли 70-80-х гг. Несмотря на существенные идеологические искажения, эта работа показала неограниченные возможности включения в русло академической науки непрофессиональных исследователь-

ских сил, превращения народных масс — традиционного для XIX в. объекта изучения — в субъекта исторического познания.

Вместе с тем работа над «Историей заводов» существенно расширила границы исторических исследований, обратив внимание на необходимость использования в научных разработках знаний, считавшихся ранее до — и вненаучными. Такой подход не только способствовал расширению предмета исторической науки, но и максимально приблизил ее к человеку, раскрыл ему возможности превращения этой науки в средство осмысления собственной жизни.

Анализ данного явления в контекстах равных периодов дает возможность на конкретных примерах проследить процесс совершенствования исторического самосознания, определить его закономерности, выявить трудности, с которыми сталкивалась и может в дальнейшем столкнуться наука на этом пути.

¹ Горький М. История заводов и фабрик // Правда, 1931. 7 сент.

² А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. М., 1952. С. 47.

³ Авербах Л. Практические выводы. К итогам обсуждения политической редакции «Истории фабрик и заводов» // История заводов. 1933. Вып. 7. С. 17.

⁴Об издании сборника по истории Беломорстроя // Там же. С.5.

⁵ См.: Рогачевская Л.С. История фабрик и заводов: итоги и проблемы исследования // Вопросы истории. 1867. № 8; Шебалин Б.И. Научные проблемы изучения истории фабрик и заводов // Рабочий класс СССР на современном этапе. Л., 1968 и др..

⁶ Панфилова А.М. Состояние и задачи изучения истории фабрик, заводов // История СССР, 1973. № 2. С. 3.

⁷ См.: Захарова Г.В. Обсуждаются книги по истории фабрик и заводов // История СССР, 1971. № 4.

Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии
 ФРГ // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 186.

⁹ Перцов В. О показе людей (По рукописям «Истории заводов») // История заводов. 1933. Вып. 7. С. 61. 50.

¹⁰ Федорович В. Поиски метода // История заводов. 1934. Вып. 8. С. 175.

«ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»: ТЕОРИЯ А.А. БОГДАНОВА И РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Луценко

В 1998 году исполнилось 125 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти Александра Александровича Богданова, чья судьба была нетипичной даже по меркам того непростого времени, в которое он жил.

Прежде всего, Богданов начал с того, чем обычно завершали свою карьеру маститые ученые: в возрасте 25 лет мало кому известный ссыльный студент-народоволец стал автором лучшего в России конца XIX в. учебника экономики для рабочих. Книга только в царское время переиздавалась 9 раз, и даже такой требовательный критик, как Ленин, не удержался от похвал, отметив толковый и доходчивый стиль изложения, глубокое знание предмета и последовательно марксистскую позицию автора — руководителя небольшой тульской социал-демократической организации.

Отчётливое понимание происходящего в России и умение корректно и в доступной форме объяснить ситуацию своим товаришам предопределили быстрое вхождение Богданова в группу признанных лидеров российской социал-демократии. В 1904 г. он уже был вторым после Ленина человеком в большевистской фракции РСДРП, возглавлял Бюро комитетов большинства, руководил подготовкой III съезда партии, на котором был избран в ЦК, и на новом посту проявил себя подлинным мастером согласования: во многом благодаря его работе находящийся в эмиграции ЦК сохранял устойчивую связь с Россией, а действия местных комитетов РСДРП в период революции 1905-1907 гг. отличались четкой координацией. В дальнейшем Богданов приложил немалые усилия к тому, чтобы преодолеть раскол в российском социал-демократическом движении. Он был одним из инициаторов IV съезда РСДРП, восстановившего формальное единство партии. Помимо этого, Богданов, вновь избранный в ЦК, энергично привлекал талантливых публицистов для работы в легальных и нелегальных большевистских изданиях. Всё это привело к росту численности РСДРП, усилению влияния социал-демократии на внутриполитическую ситуацию в России и укреплению позиций сторонников Ленина в партии, что и было отмечено в решениях V съезда по вопросам о тактике и стратегии РСДРП в условиях спада революции. Таким образом, вследствие тяжелой повседневной работы таких организаторов на местах, как Богданов, за неполные 10 лет из множества разрозненных кружков, объединённых лишь марксистской идеей, сложилась одна из самых массовых и влиятельных партий Российской империи.

Но в руководстве этой партии уже не оставалось места для Богданова: организаторов сменили бойцы, прошедшие суровую школу первой русской революции. Основной задачей партии стала практическая борьба против господствующих классов, и теоретические изыскания Богданова, стремившегося разработать систему эффективной передачи научного, культурного и организационного опыта, чтобы «выбить из рук правящих классов самое сильное оружие в борьбе против пролетариата — точное знание», — эти изыскания воспринимались как дело далёкого будущего, неактуальное в условиях наступления реакции, и поэтому не были поддержаны ни большинством партии, ни её руководством. Стремление Богданова отстоять свою позицию послужило причиной философских споров с Лениным, вызвавших расхождение между двумя влиятельными лидерами и завершившихся в 1909 г. исключением Богданова из партии.

20 лет спустя это обстоятельство было использовано Сталиным для посмертных репрессий против Богданова, философские взгляды которого были осуждены как «идеалистические», «механистические», «контрреволюционные» и «вульгарно-социологические»¹. В дальнейшем имя Богданова лишь изредка упоминалось в официальной партийной историографии (преимущественно в негативном аспекте), работы лежали в спецхранах. В возникший «заговор умолчания» волей-неволей оказались вовлеченными и зарубежные историки, использовавшие информацию не только из советских, но и из эмигрантеких источников. При всех своих различиях эти источники сходились в отрицательном отношении к Богданову: для белой эмиграции он продолжал оставаться большевиком, для наследников Сталина — противником ленинизма, т.е. в любом случае фигурой, недостойной внимания.

Период забвения завершился в конце 80-х гг., и ныне научное наследие Богданова стало снова доступным для изучения. И хотя богдановедение, говоря образно, остается книгой, в ко-

торой написаны только первые страницы, тем не менее в каждой цивилизованной стране наблюдается рост заинтересованности в освоении трудов Богданова, хотя специалистов, изучающих это наследие, пока очень немного: это зарубежные исследователи Джон Биггарт, Юта Шерер, Даниэла Стейла, Габриэла Горцка, Зеновия Сочор, Линн Мэлли, Абрахам Яссур и отечественные — Г.Д. Гловели, П.А. Плотто, О.В. Шелоков, Ю.П. Шарапов, Л.А. Коган, Н.А. Кузьминых и др. Несмотря на весьма интенсивную работу, которую ведут все эти учёные, многие аспекты деятельности Богданова до сих пор недостаточно полно освещены в современной исторической литературе.

В частности, именно так обстоит дело с богдановской теорией «восиного коммунизма».

В традиционной советской исторнографии термином «военный коммунизм» означалась система производственных отношений, сложившаяся в период Гражданской войны 1918-1921 гг. в условиях хозяйственной разрухи, когда власти были вынуждены пойти на замену рыночной торговли натуральным продуктообменом и ввести уравнительное распределение продуктов первой необходимости по карточкам. Авторство понятия «военный коммунизм» безоговорочно приписывалось Ленину, употребившему его в своей брошюре «О продовольственном налоге» 1921)². Но при знакомстве с этой работой складывается впечатление, что понятие «военный коммунизм», используемое Лениным, уже хорошо известно и автору, и читателям 1921 г.

И на самом деле термин «военный коммунизм» впервые в научный лексикон ввёл А.А. Богданов в 1914 г. в статье «Общественное сознание в Мировой войне», опубликованной в качестве приложения к его книге «Наука об общественном сознании» — своеобразном культурологическом пособии для рабочих. В этой статье Богданов утверждал: в условиях примерного равенства сил враждующих коалиций бессмысленно рассчитывать на скорую победу одной из сторон, — и он первым из всех исследователей пришёл к выводу, что начинающаяся мировая война, в отличие от войн предшествующих эпох, будет характеризоваться прежде всего невиданными темпами деградации производительных сил не столько из-за неизбежных разрушений средств производства и роста военных расходов, сколько вследствие разрыва международных экономических связей, мобилизации десятков миллионов работников на фронт и не-

избежно вызываемого этим упадка всех отраслей производства, не связанных напрямую с обслуживанием армии. Падение производства ниже некоторого минимально допустимого уровня оборачивается неуклонным вымиранием населения воюющих стран (в тылу от голода и болезней, на фронте — ещё и от неприятельского оружия), что чревато революционным потрясениями и социальными катастрофами. Предотвратить этот трагический финал, по мысли Богданова, буржуазия могла лишь одним способом: распространять армейские методы снабжения и потребления на участников тылового производства и установить механизмы авторитарного государственно-бюрократического регулирования там, где прежде действовали стихийные колебания рыночной конъюнктуры. Эта система отношений, предназначенная для сохранения жизнеспособности общества в экстремальных условиях, была оцределена Богдановым как «военный потребительный коммунизм» или — более коротко — «военный коммунизм».

К сожалению, статья Богданова «Общественное сознание в Мировой войне» осталась незамеченной большинством исследователей-богдановедов, которые относят появление понятия «военный коммунизм» к рубежу 1917 и 1918 гг., когда в свет вышла другая работа — «Вопросы социализма», — гле уже постфактум рассматривалась эволюция общества под влиянием войны, логически предвиденная и терминологически обозначенная Богдановым ещё в 1914 г. В «Вопросах социализма» первооткрыватель нового явления в организации общества лишь внёс некоторые коррективы в свою теорию. «Военный коммунизм» был определен как форма организации потребления, всегда существовавшая в армии и под влиянием вызванного войной социально-экономического кризиса распространённая на большинство населения воюющих стран. Форма организации производства, соответствующая «военно-коммунистическому» потреблению, получила название «государственного капитализма», характерной особенностью которого Богданов считал устойчивую тепленцию к замене частного капиталиста чиновничьей корпорацией, слиянию отдельных предприятий в отраслевые тресты и — в конце концов — к установлению тотальной госу-дарственной монополии на производство и распределение всех ресурсов — от минерального сырья до рабочей спилы.

В «Вопросах социализма» Богданов отмечал, что «военный

коммунизм» является системой приспособлений новейшего ка-

питализма к упадку производства и объективно предназначен не для того, чтобы жизнь общества стала лучше, а для того, чтобы она, по возможности, не стала хуже. Эта особенность позволяет «военному коммунизму» обеспечивать выживание общества в период кризиса и тем самым некоторое время играть положительную роль в истории, но это никак не делает его методом преодоления порождённого войной кризиса. Богданов предостерегал, что при повторении кризисных ситуаций «военный коммунизм» может быть реанимирован правящими кругами стран-участниц Первой мировой войны, наиболее типичными из которых учёный называл Германию и Россию, поскольку там для дальнейшего развития новой организации продолжали существовать и развиваться те условия и движущие силы, которыми «военный коммунизм» был порождён.

Последующие события подтвердили этот вывод. И Россия, и Германия потерпели поражение в Первой мировой войне: и та, и другая в ходе войны утратили свои позиции на мировом рынке: внутренний и внешний долг обсих стран достиг огромных размеров: правительства России и Германии вынуждены были длительное время сохранять систему «военного коммунизма» в условиях затяжного перехода к мирному функционированию экономики: и в том, и в другом случае стратегия выхода из кризиса была радикально пересмотрена в пользу ускоренной индустриализации за счёт экспроприации трудящихся (в СССР тяжелая и военная промышленность была построена за счёт бесплатного труда крестьян в колхозах, в Германии - за счет бесплатного труда молодёжи в «Трудовом фронте» доктора Лея): и в России, и в Германии в итоге была достигнута 100 % занятость работоспособного населения за счёт внеэкономического принуждения к труду: и в той, и в другой стране «военный коммунизм» обрёл второе дыхание.

Предпосылкой его реанимации в Германии явился мировой экономический кризис 1929 г., в России — внутренний кризис сбыта 1923 г., финансовый кризис 1925 г. и кризис хлебозаготовок в 1928 г. Эти экономические потрясения пришлись на время перехода к мирной организации произволства, который был определён Богдановым как «заключительная... чрезвычайно тяжелая фаза военного кризиса» Автор «вопросов социализма» указывал, что «в этой фазе количество продуктов, доставляемых системою производства, временно ещё уменьшится, её упалок

еще обострится, а следовательно, государственный капитализм... должен ещё усилиться. Но если человечество окажется вообще способно преодолеть этот кризис, настанет момент, когда производство начнет успешно поддерживать себя и покрывать потребление, затем понемногу расширяться»⁵. Ни в Германии накануне прихода нацистов к власти, ни в изповской России этот момент так и не настал: экономический упадок, снижение производства и сбыта, рост безработицы склонили правящие круги к использованию проверенных «военно-коммунистических» методов ради предотвращения возможной социальной катастрофы, чреватой большими потрясениями и даже переменой власти. Таким образом, сама жизнь совпала с теорией Богданова: широкомасштабный экономический кризис возродил и укрепил систему «военного коммунизма» в таких политически и идеологически несхожих государствах, как гитлеровский III Рейх и сталинский СССР. Следует особо заметить, что речь идёт об одинаковых методах организации общества в кризисной ситуации. Принципиальное же отличие между СССР и Германией заключалось в том, что проводником «военного коммунизма» в III Рейхе являлась не партийно-хозяйственная бюрократия, а реваншистски ориентированная группировка крупных промышленников и финансистов в союзе с верхушкой государственной бюрократии и военного руководства, выразительницей интересов которых и была партия Гитлера.

Именно поэтому трудно согласиться с утверждениями московского исследователя доктора философских наук Л.А. Когана о том, что в России «важную роль в торможении перехода от старой («военно-коммунистической». — А.Л.) политики к новой играли сила привычки, инерция патерналистски-иждивенческих настроений, героический ореол гражданской войны, иллюзии примитивного равенства» и что главный урок «военного коммунизма» «состоит в том, что бессмысленно и безнадёжно пытаться обойти, обмануть историю, действуя вопреки её естественному ритму, органике, объективной логике» 7.

Прежде всего, «военный коммунизм», вопреки утверждению Л.А. Когана, не был попыткой обойти и обмануть историю — он явился закономерным следствием войн и экономических кризисов, вызвавших катастрофическое сокращение производства и поставивших целые нации лицом к лицу с проблемой выживания. Далее, сам Богданов отмечал, что «военный коммунизм» внеилеологичен — он есть «особая форма общественного

потребления — авторитарно регулируемая организация массового паразитизма и истребления», впоследствии это было подтверждено в социально-экономической практике коммунистического Советского Союза и антикоммунистической нацистской Германии. И наконец, со времён К. Маркса считается исторически доказанным, что в основе любой идеологии лежит определённая форма общественно-экономических отношений. и это одинаково справедливо для всех стран, в том числе и для России. Таким образом, инерция мышления, о которой упоминает доктор философских наук Л.А. Коган, является производной от экономической ситуации перехода к мирному ведению хозяйства в условиях сокращения области действия «военного коммунизма» и неизбежного увеличения структурных диспропорций в производственной системе изповской России, а первичными являются структурные кризисы советской экономики при сохранении «военно-коммунистических» методов управления ключевыми отраслями промышленности. Именно благодаря последнему обстоятельству Сталин смог в полной мере восстановить и укрепить систему «военного коммунизма» на столь высоким уровне организации, о котором в годы Гражданской войны не приходилось и мечтать.

Советская система «военного коммунизма» в силу исторических обстоятельств просущест вовала значительно дольше германской и даже распространилась на другие страны — по преимуществу разорённые Второй мировой войной и слабо развигые экономически. Экспансия этой системы способствовала тому, что в массовом сознании сформировалась устойчивая связь между экономической политикой «военного коммунизма» и коммунистической идеологией. Однако до начала Второй мировой войны существовали государства, сочетающие «военный коммунизм» с другими формами идеологии: в гитлеровской Германии это был национализм в сочетании с идеей строительства социализма в одной моноэтнической стране, в Японии национализм с религиозным фундаментализмом и т.д. Единственное, что объединяет эти идеологии с коммунистической,это то, что все они призывают к формированию некоторой замкнутой общности людей - неважно, социально-классовой, национальной или религиозной — на основе всеобщего равенства и аскетизма ради достижения великой цели, обеспечивающей равное счастье для всех, входящих в эту общность.

После Второй мировой войны Западная Германия в соответствии с планом Маршалла получила льготные кредиты, новые технологии и подготовленных специалистов, что поддержало экономику в первые, самые трудные годы выхода из порождённого войной кризиса и предотвратило повторную реанимацию «военного коммунизма» пол знаменами какой-либо иной идеологии. В дальнейшем военные расходы ФРГ были жёстко ограничены, что предоставило средства для быстрого экономического роста и увеличения общественного благосостояния. Наложенные ограничения не превращали Западную Германию в марионетку победителей: с восстановлением экономики опеке союзников пришёл конец.

В итоге ФРГ уже в 1960-е гг. вошла как экономически и политически независимая страна в число наиболее развитых промышленных государств наряду с Каналой, Великобританией, Францией и США. Вскоре к ним присоединилась и Япония, котя на неё и не распространялся план Маршалла: капиталовложения в производство осуществлялись благодаря сокращению военных расходов до 1% ВНП, переориентации высокотехнологических военных производств на изготовление мирной продукции, расширению экспорта товаров, а также за счёт доходов с американских военных баз; параллельно велась активная скупка перспективных научно-технических разработок по всему миру. В итоге Япония стала экономическим флагманом Азиатско-Тихоокеанского региона и одним из лидеров на мировом рынке. К сожалению, объём статьи не позволяет рассмотреть другие, не менее убедительные примеры.

В отличие от этих стран Россия не имела и пока не имеет условий для выхода из состояния «военного коммунизма»: сокращение военных расходов маловероятно: других предпосылок «экономического чуда», подобного германскому или японскому, тоже нет — требуются интенсивные капиталовложения решительно во все отрасли производства, но внутренних источников финансирования в нынешней ситуации недостаточно, а зарубежные инвесторы весьма осторожны. Таким образом, «момент, когда производство начнёт успешно поддерживать себя и покрывать потребление, затем понемногу расшириться», эффективно реализованный Германией и Японией, для России еще не настал.

Из всего вышеизложенного следует, что «военный коммунизм» не является воплощением коммунистической идеи: он был объективным следствием упадка производства, которое утратило способность удовлетворить жизненные потребности общества. «Военный коммунизм»— это государственно-бюрократическая регламентация производства и потребления, позволяющая всем социальным классам выжить в трудный период, выжить, несмотря на неизбежные лишения. Однако выход из кризиса, порождающего «воснный коммунизм», находится не в этих оправданных тяжелой ситуацией бюрократических ограничениях, а в устранении причин экономического упадка, рациональном перераспределении всех ресурсов общества и привлечении внешних источников финансирования для развития производства, поскольку внутренние резервы общества до крайности истощены и для развития производства их недостаточно. Внешняя финансовая помощь не должна приводить к потере экономической и политической независимости страны, так как марионеточный режим несовместим с экономическим возрождением. Все эти условия обязательны и должны быть выполнены при первой возможности. В противном случае «военный коммунизм» из временной меры по сохранению общества в экстремальной ситуации превращается в постоянную политику государства, и любой новый кризис — неважно, военный или экономический — вызывает катастрофические последствия в виде массового голода, эпидемий, окончательного падения производстве и развала страны. Эти выводы уже не являются гипотетическими: сделанные Богдановым еще в 1918 г., они впоследствии были многократно подтверждены жизненной практикой ХХ в.

¹ См., напр.: Итоги философской дискуссии (Резолюция бюро ячейки ИКП от 29 декабря 1930 г.) // Под знаменем марксизма. - 1930. № 10-12. С. 15-24; Митин М К итогам философской дискуссии (обработанная стенограмма доклада, прочитанного на заседании фракции ОМВД в Комакалемии 1 января 1931 г.) // Там же. С. 25-29.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 217.

³ Подробнее см.: Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина.-М.: Современник. 1991. С. 134-136, 170-172, 216-263; Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Смоленск: Русич 1994. Т. 1. С. 311-427; Деларю Ж.

История гестапо. Смоленск: «Русич». 1993. С. 31-45.

- Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат. 1990.
 С. 338.
- ⁵ Там же. С. 338-339.
- ⁶ Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 131.
- ⁷ Там жс. С. 132.
- ⁸ Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 342.

РОЛЬ КОМИНТЕРНА В ВОПРОСЕ ФОРМАЦИОННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО КИТАЯ (1920-1931)

O.B. Kum

Дискуссии 20-30-х гг. о формационной характеристике обществ Востока сыграли большую роль в развитии советского востоковедения. Они имели два, аспекта — методологический и политический. В рамках первого происходило формирование современной теории общественных формаций, развитие методологии исторического исследования. Второй обусловлен взаимосвязью теоретического изучения Востока и деятельностью Коминтерна в регионе, в частности в Китае.

В результате теоретических поисков и практической деятельности сложилась взаимосвязь между развитием востоковедения в 20-е гг. и политикой Коминтерна в Китае. Он осуществлял руководство китайской революцией, являлся своеобразным исследовательским центром, в котором аккумулировался теоретический и практический опыт. Свою роль в изучении Китая сыграли М. Бородин, Г. Войтнский, М. Волин, С. Иолк, Л. Карахан, Л. Мадьяр, П. Миф и др. В решении вопросов внешней политики на Востоке, в дискуссиях о путях общественного развития участвовали Н.И. Бухарині, Л.Д. Троцкийі, К.Б. Радекі. Парадигма, связывающая воедино усилия политиков и ученых в изучении Китая, складывалась из двух компонент. Это концепция мировой революции (в которой особое место уделялось Востоку) и вопрос о закономерностях общественного развития, актуальный в СССР после прекращения политики военного коммунизма.

Развитие и столкновение взглядов на общество и революцию в Китае отразились на программной деятельности Коминтерна и ИККИ. Она оказала влияние на программы КПК и Гоминьдана и формировала контекст дискуссии востоковедов о докапиталистическом Востоке. Поэтому возможна следующая периодизация этой дискуссии. Она привязана к решениям Коминтерна и ИККИ по вопросам китайской революции. Они определялись положением в Китае, в СССР, в мире и тогдашними концепниями исторического развития Китая. Анализ дискуссии востоковедов не раз предпринимался в 30-е⁵, 60-е⁶, 70-е⁷ гг. Но исследователи не рассматривали ее политический аспект. Эта периодизация, не обладающая, конечно, всеобъемлющими свойствами, проведена, чтобы обозначить политический контекст научных споров, вне которого и не существовало их разрешения.

- 1. 1919-1920 период между I и II конгрессами Коминтерна. Подготовительный этап дискуссии. Становление национальной и колониальной проблемы в Коминтерне.
- 2. 1920-1926 время между II конгрессом и VIII расширенным пленумом ИККИ. Этап поиска политической и социально-экономической платформы единого национального фронта в Китае. В дискуссии это период поиска объяснений специфических условий, в которых развивалась китайская революция.
- 3. Конец 1926-1928 г. время между VIII расширенным пленумом ИККИ и VI конгрессом Коминтерна. Этап перехода к задачам пролетарской революции. Связан с расколом единого фронта. В дискуссии это период перехода борьбы между сторонниками концепции азиатского способа производства и сторонниками феодальной трактовки докапиталистического Китая.
- 4. 1928-1931 период между VI конгрессом и XII пленумом ИККИ (до японской оккупации Маньчжурии). В восточных секциях Коминтерна происходит борьба с правыми и левыми уклонами в КПК, с социал-реформизмом, с буржуазным национализмом. В Китае борьба КПК и Гоминьдана. В дискуссии окончательно утверждается феодальная трактовка.

1931 год, японская оккупация стали рубежом в рассмотрении социально-экономической проблематики в Китае для Коминтерна. В востоковедении прекращаются попытки обосновать нефеодальные способы производства в средневековой и новой истории Китая. Решение вопроса о социально-экономи-

ческом строе в Китае имело практическое значение для деятелей революции. От оценки того, был ли это феодализм, со свойственным ему крепостничеством и частным помещичым хозяйством, или это был строй, основанный на азиатском способе производства, зависела формулировка аграрного вопроса — важнейшего в китайском НОДе.

Подготовительный этап 1919-1920 гг. — время, предшествующее постановке В.И. Лениным национально-освободительного вопроса на П конгрессе. Задачи востоковедения все исследователи понимали с позиций мировой революции. «Главное, что интересуст нас в ознакомлении со странами Востока, это вопрос о том, какие социальные слои можно считать находящимися в непримиримом противоречии с империализмом»⁸. Работы К. Трояновского, М. Султан-Галиева обосновывали приближение революции с Востока⁹.

На II конгрессе задачи НОД формулировались под углом врения задач буржуазно-демократической революции. «Коммунистическая партия должна ставить во главу угла в национальном вопросе не абстрактные принципы, а точный учет исторически конкретной... экономической обстановки... отчетливое выделение интересов угнетенных классов» 10. Были поставлены задачи поиска реальных точек соприкосновения НОД и Коминтерна. Второй комплекс задач — теоретическая оценка крестьянского движения в отсталых странах и методы его направления в русло мировой революции, «против всяких проявлений и остатков феодализма»¹¹. На рассмотрение социально-экономической проблематики серьезно повлияла позиция Ленина в колониальном и национальном вопросе. Во многом благодаря ему Индия и Китай трактовались как «государства уже вполне капиталистические, имеющие рабочие партии, могущие служить авангардом пролетариата». В НОДе он считал необходимым опираться на стратегию и тактику, выработанную в России, стремился преодолеть специфику традиционного общества, выработать алгоритм перехода от буржуазно-демократического к пролетарскому этапу революции. Эти положения вошли в документы Коминтерна¹².

Была составлена классификация трех основных групп сельского населения капстран, включенных в классовую борьбу, к которым относили и Китай. Первые две — пролетариат и парнелярные крестьяне. Третья — «мелкое крестьянство,... владеющее землей на правах собственности или аренды»¹³. Авторы до-

кумента не видели разницы между собственниками и арендагорами. С этой позиции конфликт в китайской деревне — типичный антагонизм между кулаками и помещиками с сельским пролетариатом. В этом духе выполнены работы А.А. Ивина¹⁴, К.Б. Радека¹⁵, М. Волина¹⁶, П.А. Мифа¹⁷ и др.

Но в Коминтерне в 1920-1926 гг. эта позиция много раз пересматривалась. Ряд крупнейших исследователей придерживались концепции АСП, велико было влияние неменкой школы (Борхаордт, Крош, Эйдельман). Теория АСП содержалась в вызвавшей широкий резонанс работе К.А. Витфогеля. Видный исследователь Востока Варга Е.С. в 20-е гг. находился под явным влиянием Вебера¹⁸. Об ином типе связи базиса и надстройки на Востоке писал А.Я. Канторович¹⁹. В первой половине 20-х в китайской секции происходит борьба между «азиатчиками» и сторонниками феодальной трактовки. На развитие дискуссии повлияла необходимость поиска платформы, объединяющей революционно-демократические и буржуазно-националистические силы в НОД. Тем более, что работы Ходорова и Павловича показали, что в Китае нетипичные земельные отношения и специфические традиции классовой борьбы²⁰.

1926 г. — это начало перелома в отношении к теории АСП. Тактика единого фронта пришла к кризисной фазе. В документах Гоминьдана по аграрным вопросам вполне отчетливо видны «азиатские» формулировки²¹. Буржуазная социал-демократия в своих контактах с Гоминьданом выступала за реформистские преобразования с опорой на позитивный потенциал традиционных общественных институтов, особенно интеллигенции²². А на обоих расширенных пленумах 1926 г. звучали призывы к борьбе с социал-реформизмом. Против тории АСП объективно действовал фактор дискредитации Л.Д. Троцкого, который видел элементы азиатского строя не только в Китас, но и в России, и был идеологом той линии объединения КПК и ГМД, которая потерпела столь очевидный крах в 1927 г.²³

На острие внимания — аграрный вопрос в НОД. В документах Коминтерна освещается многоукладность и архаичность аграрных отношений вполне еще в духе АСП. Факты классической феодальной эксплуатации в них отсутствуют (отсутствует окончательная формулировка феодализма, его критериев в исторической науке)²⁴. Намечается поэтапное сближение революционных целей пролетариата и крестьянства.

Поводом к широкому обсуждению АСП стал доклад Джона Пенпера в Коминтерне в 1927 г.²⁵ Инициатором «азиатской» трактовки крестьянского вопроса был Л.И. Мадьяр, занимавший ответственный пост в ИККИ. На VII расширенном пленуме вопросы формационной характеристики приобретают особую остроту. Общая тенленция, нашедшая отражение в документах пленума, была такова. Признавались особые условия развития китайской революции, многоукладность экономической и соппальной структур, включая так называемый «торговый капитал». С другой стороны в резолюции вводится термин «полуфеодализм» («полуфеодальный»), который на длительное время стал рабочим термином.

Весна 1927 г. стала переломным пунктом в китайской революции и в дискуссии востоковелов. В апреле произошел переворот Чан Кайши. VIII пленум проходил в обстановке крайнего обострения аптикоммунистических настроений в капиталистических странах. По-новому зазвучали задачи Коминтерна и КПК в аграрной революции: «... Революция, включающая конфискацию и национализацию земель, — таково основное... содержание этапа» 26. Коминтерн востребовал концепцию феодализма в Китае, чтобы сделать ее идеологическим оружием в «плебейском, революционном разрешении аграрного вопроса». За научным и идейным обоснованием феодализма в докапиталистическом Китае стояли имена М. Волина, И.Л. Вейденмюллера. А. Ивина, М.И. Щукаря, П.А. Мифа, В. М. Штейна. Их выводы сводились к констатации фактов:

- 1. В Китае есть частная земельная собственность.
- 2. Китайская деревня классово расслоена на кулаков, середняков и пролетариат.
 - 3. Арендная плата это, по сути, феодальный оброк.
- 4. По крайней мере, при последней династии было помещичье землевладение. Положение о феодальном характере отношений в докапиталистическом Китае утверждалось и на 1X пленуме ИККИ в феврале 1928-го. Появилась многозначительная и устойчивая в дальнейшем формулировка «блок буржуазии с контрреволюционными феодалами»²⁷.

Решающим в становлении позиции Коминтерна по характеру китайской революции и в дискуссии востоковедов о феодализме стал VI конгресс Коминтерна в августе 1928 г. На нем были повторены формулировки о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, в ходе которой «ра-

бочие и крестьяне по-плебейски расправляются с помещиками, джентри и ту-хао»²⁸. Гоминьдановская буржуазия классифицируется как «окончательно перешедшая в лагерь контрреволюции.». Таким образом решался вопрос о столь трудно определяемом в Китае эксплуататорском классе, его экспроприации.

В тезисах «Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах» последовательно сообщается о произошедшем перевороте в докапиталистических отношениях. Как специфическое региональное явление рассматривается сохранение прежних форм кабалы и эксплуатации, иерархии арендаторов и субарендаторов между землевладельцем и государством. Итак, несмотря на отсутствие крупного частного, землевладения, социально-экономические отношения признавались феодальными. На рубеже веков — на стадии разложения, с быстрым становлением капиталистического уклада во всех сферах.

Предельно четкие формулировки феодализма в документах Коминтерна отсутствуют потому, что в 1928-1930 гг. их не было в марксистской исторической науке. Их становление — прямое следствие дискуссии, развернувшейся среди востоковедов. Они привели к утверждению в общественных науках пятичленной концепции В.В. Струве во второй половине 30-х. Дискуссии продолжались несколько лет²⁹; непосредственно АСП обсуждался до 1931 года³⁰. Представляется все-таки, что после 1928 г. сформировался основной политический контекст: утверждение феодальной концепции и дискредитация АСП.

Обстоятельства, по которым утвердилась пятичленная конценция, вытеснившая другие подходы к периодизации всемирно-исторического процесса, неоднозначны. Они не исчернываются представлениями об идеологическом давлении и сталинской цензуре. Но это и не была победа чистой науки над рядом методических и идеологических заблуждений, как говорится об этом в наиболее комплексном исследовании В.Н. Никифорова^{за}. Просто гипотеза АСП в 20-30-е гг. при всех данностях была обречена на поражение.

- 1. Насущные проблемы НОД в Китае требовали четкой классовой расстановки социальных сил, мобилизации крестьянства на борьбу с эксплуататорскими классами. Это давала только концепция феодализма.
- 2. Конценцию АСП дискредитировала идейная и моральная связь с немарксистской исторнографией, меньшевизмом (Пле-

ханов)³², троцкизмом. На представления о коренной специфике социально-экономических отношений в Китае ориентировался Гоминьдан, на ранних этапах — левое крыло КПК («лилисанщина»).

- 3. Пятичленная концепция утверждается в период противостояния коммунистической идеологии вообще империалистическому коммунизму и в особенности фашизму. Методология истории должна была соответствовать грядушему столкновению двух систем, как они тогда понимались.
- 4. С позиции науки ее утверждение было попыткой противостоять хаосу в марксистской методологии, конструктивного преодоления ее недостатков. Максимально приближенная к марксистским источникам, она была лучшей альтернативой при тогдашнем уровне понимания проблем исторического развития.
- 5. На практике издержки эталонного подхода к истории Востока в 30-е гг. не проявлялись; недостаток концепции АСП не чувствовался. Рост компартий на Востоке, обострение противоречий капиталистического развития, скатывание Японии к режиму, понимаемому как фашистская диктатура, находили объяснение в рамках истмата.
- 6. Особую роль в развитии советских общественных наук сыграл И.В. Сталин, его выступления, статьи, «Краткий курс истории ВКП(б)». Под него подстраивались, подводили научное обоснование.

Вопреки расхожему представлению, не было резкого, насильственного прекращения дискуссии об АСП, соответствующих запретительных постановлений, незамедлительных репрессии. (Они последовали только во второй половине 30-х). К отказу от этой концепции привела осознанная политическая необходимость и давление внутриполитических обстоятельств. В своих «заблуждениях» покаялись Л.И. Мадьяр, С.Е. Варга и многие другие. Материалы дискуссии публиковались полностью, обсуждались широкой научной общественностью.

Представляется, что в советском востоковедении теоретические вопросы исторического развития никогда не рассматривались в отрыве от насущных внешнеполитических обстоятельств. Говоря иначе, научные задачи обретают плоть и кровь в практических задачах, в которых они применяются. Историческая реальность объемнее и сложнее любой подобной систематизации и классификации.

- 1 Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. М., 1927.
- ² Пирани С. Троцкий и революции в Китае и Вьетнаме//Идейное наследие Л.Д. Троцкого. М., 1996.
- ³ Радек К.Б. История революционного движения в Китас. Курс лекций 1926-1927, лекции 1-17. М., 1926-1927.
- 4 Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934.
- ⁵ Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М.; Л., 1929.
- 6 Качановский Ю.А. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производетва? М.: Наука, 1971.
- 7 Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.
- ^в Коминтерн и Дальний Восток. М., 1978. С. 25.
- 9 Никифоров В.Н. Дискуссия советских историков об общественно-экономическом строе Китая (1925-1931)//Народы Азии и Африки. 1965. № 5.
- 10 Коминтерн и Дальний Восток. М., 1978. С. 126.
- 11 Там же. С. 129.
- 12 Коммунистический Интернационал и китайская революция. Док-ды и матлы: Сб. АН СССР. М.: Наука, 1986. С. 44.
- ¹³ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и постановления конгрессов Коминтерна и ИККИ 1919-1932 гг. М.: Партиздат, 1933. С.132-133.
- ¹⁴ Ивин А.А. Красные пики. М.; Л., 1927.
- 15 Радек К.Б. История революционного движения в Китае. Курс лекций 1926-1927, лекции 1-17. М.: 1926-1927.
- ¹⁶ Волин М. Основные вопросы экономики сельского хозяйства в Китае//На аграрном фронте. 1926. № 9-10.
- ¹⁷ Миф П.А. Аграрный вопрос на VI съезде компартии Китая//Коммунистический Интернационал. 1928. № 43.
- 18 Витфогель К.А. От первобытного коммунизма до пролетарской революции. 1. Первобытный коммунизм и феодализм. Харьков, 1923.
- ¹⁹ Канторович А.Я. Система общественных отношений Китая докапиталистической эпохи//Новый Восток. 1926. № 15.
- ²⁰ Никифоров В.Н. Дискуссия советских историков об общественно-экономическом строе Китая (1925-1931)//Народы Азии и Африки. 1965. № 5. С. 21.
- ²¹ Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934. С. 83.
- ²² Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и постановления конгрессов Коминтерна и ИККИ 1919-1932 гг. М.: Партиздат, 1933. С. 621.
- ²³ Пирани С. Троцкий и революции в Китае и Вьетнаме//Идейное наследие Л.Д. Троцкого. М., 1996.
- 24 Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и постанов-

- ления конгрессов Коминтерна и ИККИ 1919-1932 гг. М.: Партиздат, 1933. С. 622.
- ²⁵ Пеппер Д. Европейско-американский империализм и китайская ревоЛюция// Правда, 1 мая, 1927.
- 26 Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и постановления конгрессов Коминтерна и ИККИ 1919-1932 гг. М.: Партиздат, 1933. С. 722.
- ²⁷ Там жс. С. 748-764.
- ²⁸ Там жс. С. 778.
- ²⁹ Об азиатском способе производства. Стеногр, отчет дискуссии по доклалу т. Берина. Тифлис, 1930.
- 30 Дискуссия об азиатском способе производства. М.; Л., 1931.
- ³¹ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.
- 32 Плеханов Г.В. История общественной мысли в России//соч. Т. ХХ. М.; Л., 1925.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.Г. Томилов

В такой группе развивается пренебрежение ко всему тому, что не составляет особенной принадлежности этой группы, ко всему, что не составляет отличия её от остального общества. И, между прочим, развивается пренебрежение к обыкновенному, общечеловеческому здравому смыслу, предпочтение своего особенного мудрствования... разуму.

Николай Чернышевский

Попыток исследования феномена советской историографии предпринималось немало. Распространенной ошибкой является её отождествление со всей историографией, возникшей в СССР. В результате наука смешивается с псевдопаукой, и эта смесь объявляется либо «исторической наукой», либо «монолитом сомнительной научной ценности».

Более продуктивным представляется ограничение объема понятия «советская историография» лишь тем направлением, которое было в СССР господствующим «мудрствованием особой группы людей» или воплощением идеала партийной исторической литературы, описанного Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература»(1905). Её классикой, видимо, следует признать «Краткий курс истории ВКП(б)», «Историю Великого Октября» И. Минца, 6-томную «Историю КПСС»... Гегелево-ленинская идея «партийной литературы» была осуществлена лишь отчасти. Не укладывается в это направление, например, книга А. Лосева «Диалектика мифа» (1930). которую Каганович назвал на 16-м съезде ВКП(б) «контрреволюционной», хотя по предмету исследования она не очень и отличалась от «Краткого курса». Не укладывается и книга Б. Могильницкого «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. -

начала 900-х гг.»(1969), потому что наша либеральная революция 80-х - 90-х гг. началась с возбуждения интереса к либеральным идеям, вопрос о которых Ленин пытался закрыть. Не соответствуют ленинскому идеалу и написанные в советский период работы Е. Тарле, А. Манфреда, С. Утченко, Н. Эйдельмана, В. Асмуса, С. Григорцевича, Э. Соловьева, Ю. Замошкина, И. Кона, Ю. Давыдова, не говоря уже об А.Д. Сахарове, А. Амальрике, А. Солженицыне и других явных диссидентах. Они представляли другое направление исторнографии.

В литературе уже отмечались такие черты советской историографии, как несвобода («творят, как скажет им партия-суфлер», «не решаешь задачу, а подгоняещь «решение» под заранее данный, «подсмотренный» ответ — как школьник», «партия определяла и кадровый состав и содержание задач»), особая заинтересованность в тематике коммунистического строительства («прикажут написать роман об Октябре»), искажение действительности («боятся реализма, как огня», «целенаправленная деформация», «политическая целесообразность была критерием, бесспорно, более значимым, чем историческая правда»).

Как говорилось в одном из первых проектов коммунистического государства, «правителям потребуется у нас нередко прибетать ко лжи и обману — ради пользы тех, кто им подвластен»². Отсюда и запрешаемая логикой неевдонаука. Законы тождества, непротиворечия, достаточного основания... запрещают джесвидетельство. Для того, чтобы узаконить обман, необходимо было лишить логику статуса науки о путях достижения истины и превратить в служанку «диалектической логики», разрешившей нарушение основных догических законов. Это «сведение определений рассудка к ничто» было осуществлено Гегелем в «Науке логики» через ограничение прав последней правом на «исключительно лишь формальные правила» вывода одного суждения из других и через её превращение в «формальную логику», т.е. в евнуха и низшую ступень познания по отношению к антилогике³.

Гегелевский «поворот в развитии логики» был унаследован марксизмом. В предисловии к советскому изданию «Науки логики» говорилось, что «диалектическая логика» была применена Сталиным к новому историческому материалу. И с этим трудно не согласиться: «Краткий курс», ставший на долгое время «библией для верующих и неверующих», свидетельствует о применении. В нем не повезло даже Ленину, не говоря уже о Троц-

ком, Бухарине, Каменеве и других его соратниках. В нем ничего не сказано об отношении Ленина к Гегелю, ни слова о его «Философских тетрадях», главным героем которых стал автор «Науки логики»⁴.

Немало пострадали от «диалектической логики» и такие части исторической науки, как история религии⁵ и история философии. Освобождение от налагаемых логикой ограничений открывало возможности для лжесвидстельства и подмены силлогизмов науки софизмами ненаучной фантастики. В 1947 г. состоялась «дискуссия» по книге Г. Александрова «История занадноевропейской философии». Нельзя сказать, что автор не следовал за Гегелем и не нарушал закона тождества. Он выполнял «указание советского правительства» и старался отыскать в истории как можно больше «философских предшественников марксизма». Но он не вполне учел, что с некоторых пор главным специалистом по вопросу об отношении Маркса к Гегелю стал Сталин. В 20-е гг. на эту «должность» претендовал выпускник Бернского университета и главный редактор журнала «Под знаменем марксизма» А. Деборин. В 1923 г. он опубликовал в этом журнале статью, в которой утверждал, что Маркс и Энгельс, унаследовав от Гегеля теорию революции и государства, оказались «лучшими и более последовательными гегельянцами. чем сам Гегель»⁷. В 1931 г. вышло постановление ЦК «О журнале «Под знаменем марксизма», в котором Деборин был осужден как «меньшевиствующий идеалист». Полемика с ним была продолжена Сталиным и в «Кратком курсе», где утверждалось, что «диалектика Маркса и Энгельса» не только не тождественна «диалектике Гегеля», но и является её противоположностью^х. И хотя это было далеко не так, и Марксова «материя» была всего лишь маской и псевдонимом гегелевского «духа», его «серым плащом»⁹, но, как говорил литературный предтеча большевизма Великий инквизитор Достоевского, «в обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать».

«Мыслепреступление» Александрова состояло не в том, что он не читал «Краткого курса», а в том, что в нем жив был историк, который еще, говоря словами Великого инквизитора, не понял и вполне не оценил, «что значит раз навсегда подчиниться». Он не только привел слова Сталина о марксовской «революции в философии», но и попытался развить эту мысль, представляя Гегеля смотрящим только в прошлое консерватором,

монархистом и предтечей Гитлера, обосновывавшим «реакционные притязания на завоевание и порабощение Германией других стран и народов». «Вина» заключалась в том, что он не смог забыть маркенстеко-ленинской оценки гегелевского учения как теории революции («революционное учение») и Гегеля как «коммуниста-теоретика», оценки, положенной и в основу 3-го тома «Истории философии»(1943), редактировавшегося Александровым и осужденного в 1944 г. «Большевиком» в статье «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.». «Вина» Александрова состояла в том, что он не вполне учел сталинский «поворот на философском фронте» и в своей «Истории западноевропейской философии» лишь наполовину выполнил содержащийся в статье напоминание-приказ: «Но если Он скажет: «Солги», — солги». Ему намекнули: «Исполни долг суровый — и что не так, скажи, что так». А он продолжал называть Гегеля «философским предшественником марксизма», писал о том, что «диалектический метод, созданный Гегелем, играл прогрессивную роль в развитии науки» и что марксизм возник как «прямое и непосредственное продолжение» учения Гегеля. Словом, получалось так, что и Ленин и Гитлер оказывались учениками Гегеля.

В литературе уже высказывалось мнение, что вмешательство Сталина в «дискуссию» было связано с его стремлением навязать историографии философии схему, еще более далекую от реального историко-философского процесса, чем это было в книге Александрова. Думается, что данный мотив не был единственным. «...Подговорите четырех членов кружка, — советовал Ставрогин Петру Верховенскому, — укокошить иятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитою кровью, как одним узлом, свяжете». И он был не совсем не прав: преступление связывает преступников соучастием, делает их зависимыми от организаторов. Нет оснований полагать, что Сталин в 1947 г. отказался от эгого испытанного приема. Во всяком случае «члены кружка» обвинили Александрова в нарушении «принципа партийности», в «затушевывании коренной противоположности между диалектикой Маркса и Гегеля», «профессорском квази-объективизме» 10.

Таким образом, вклад «диалектической логики» в историографию состоял в отмене истинного критерия науки (соблюдение логических законов) и навязывании ложного (нарушение

логических принципов). Отсюда и практический вывод: первым шагом выхода нашей исторической науки из кризиса, шагом, без которого невозможно гарантировать ни «достоверности полученных данных», ни «обоснованности выводов», должно быть восстановление в правах хотя бы основных законов логики (причем не столько в «формальном», сколько в содержательном смысле) и неуклонное их исполнение.

¹См., напр.: Б.В. Емельянов, В.Г. Томилов. Русские мыслители (биографические и историографические очерки). Томск, 1988; Ю. Карякин. Достоевский и канун XXI века. М., 1989; Ю.Н. Афанасьев. Феномен советской историографии //Отечественная история. 1996. № 5; А.Н. Сахаров. Новая политизация истории или научный плюрализм? (Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; Л. Безыменский. Информация по-советски.//Знамя. 1998. № 5; и др.

² Платон. Соч. М., 1971. Т. 3. ч. 1. С. 257.

³ Подробнее об этом см.: Гайденко П.П. Искушение диалектикой...//Вопросы философии. 1998. № 4; Томилов В.Г. «Диалектическая логика» и псевдонаука//Методология науки. Томск, 1997. Вып. 2.

⁴О других замалчиваниях и искажениях «Краткого курса» см.: Маслов Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина//Суровая драма народа. М.,1989); Томилов В.Г. Указ. соч.

⁵ К сказанному по этому вопросу в статье о «диалектической логике» здесь можно добавить, что некоторые ученики «сталинской школы», устремившиеся вслед за Марксом в прорыв «узкого горизонта формальной логики», пошли дальше учителя. Так, один из авторов «Краткого курса» утверждал, что «Библия была руководительницей, настольной книгой величайших элодеев, каких только знал мир», и собирал «факты о современной реакционной деятельности со стороны еврейских священнослужителей» (См.: Ярославский Е. Библия для верующих и неверующих. Лениздат, 1975. С. 8; Вопросы истории. 1995, № 5-6. С. 154). А пытавшийся стать историком писатель Солоухин В. договорился даже до того, что обвинил иудаизм в проповеди аморализма, вседозволенности, цинизма, в намерении «привести дело к тому, чтобы катастрофически распадались семьи, чтобы люди блудили и богохульствовали, отнять у них святость очага, заставить их плеваться в сторону предков» (В. Солоухин. Последняя ступень. М., 1995. С. 302).

 ^{*«}Советские авторы... получили указание советского правительства отыскать как можно больше материалистов среди представителей западноевропейской и русской культуры». (Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 60).
 7. Побессии философии. М., 1991. С. 246.

⁷А. Деборин. Философия и марксизм. М.,1930. C. 245.

⁸ Не следует недооценивать значение этого идеологического «гвоздя», долго вбивавшегося в сознание интеллигенции. Он даст о себе знать и на картине И.

Глазунова «Великий эксперимент» (1987), и в книге В. Солоухина «При свете лня» (1992), и в «Основах марксистско-ленинской философии» (5-е издание которых вышло в 1981 г.), и в некоторых «учебниках нового поколения» (см.: История философии: Запад — Россия — Восток. М., 1995; Краткая история философии. М., 1996). Все они в вопросе об отношении Маркса к Гегелю так или иначе исходят из «Краткого курса».

- ⁹ Подробнее об этом см.: Методология науки: человеческие измерения и дегуманизирующие факторы научного познания. Томск, 1996. С. 162-165; Копнинские чтения. Томск, 1997. С. 192-193.
- ¹⁰ Протокол этой «дискуссии» см. в первом номере «Вопросов философии» за 1947 г. О других фактах негативного влияния «диалектической логики» на историографию философии см.: Копнин П.В. К вопросу о методе историко-философского исследования //Вопросы философии. 1967, № 5; Томилов В.Г. О негативной историографии философии//Познание и его возможности. М., 1994; он же//К вопросу о борьбе с философией в СССР//Копнинские чтения. Томск, 1997.

к вопросу о борьбе с философией в ссср

В.Г. Томилов

Истина только потому и называется истиною, что противоположна заблуждению, лжи; а если существует заблуждение, то люди, его разделяющие, станут, конечно, возражать против истины; если есть ложь, то люди, ее поддерживающие, станут вопружаться против человека, ее разрушающего.

Николай Чернышевский

Наш коммунистический эксперимент можно сравнить с испытанием самолета, в технической характеристике которого было сказано, что не нем можно улетать в "царство блаженной жизни". Поэтому мы взяли в "полет" лишь самое необходимое. "Оставил философию и бросился в политику", — писал Бакунин о своем участии в революции. Так и мы: делали революцию "с Лениным в башке и с наганом в руке", и вся философия была оставлена за бортом. Одна из статей журнала "Под знаменем марксизма" 1922 г. так и называлось: "Философию за борт!". Ленин вычеркнул имя Вл. Соловьева из списка деятелей отечественной культуры, которым предполагалось поставить па-

мятники. Шпет, знавший 19 языков и переведший гегслевскую "Феноменологию духа", в которой скрыты "исток и тайна" (Маркс) коммунистического эксперимента, был расстрелян в 1937 г. Многие философы оказались в изгнании...

В 1981 г. в Нью-Йорке вышла книга И. Яхота "Подавление философии в СССР (20-30-е гг.)". К сожалению, автор не учел разнообразия философских жанров, ограничился лишь официально-академической мыслью и не всегда смог отделить философию от псевдофилософии. Принимать за философию "комментарий к решениям ЦК", "пропаганду лжи" и танец смерти вокруг абстракций, напоминающий движения короткой ценью прикованного к столбу и способный вызвать лишь отвращение к философии, — значит неправильно переводить греческое слово filosophia на русский язык и смешивать ее с замаскированной под философию мизософией. Попытка преодоления этих недостатков была предпринята в ряде появившихся в последнее время работ². Нижеследующие тезисы можно рассматривать как некоторые дополнения-поправки к этим работам.

1. Главной фигурой в "подавлении философии в СССР" был все-таки не Сталин, а Ленин, и начало "подавления" надо датировать не с изгнания Бердяева, Франка и других философов из страны, а с пролога изгнания — с книги Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Действительно имевшая место в истории взаимная борьба философии и мизософии была представлена в ней как борьба "основных направлений в философии", т.е. мизософии был присвоен статус философии, а ее противоречие с философией переместилось как бы внутрь последней. Как говорится, разделяй и властвуй... Отсюда и "бредни философа", и "прикрытая, принаряженная чертовщина", и многие другие отрицательные оценки философов. Мизософия не только скрывается под маской, сделанной из краденых философских материалов (подобно Лжи в песне Высоцкого "Правда и Ложь"), но и проецирует на философа собственные черты, пытается спрятать его под маску, сделанную из мизософских материалов, представляет его тем, чем он не является. Ленинская высылка философов из страны, как и сталинские репрессии, были применением этого метода. "Русские фашисты" расстреливали Шпета, предварительно пришив ему ярлык: "руководитель ячейки русских фашистов". Статья Я. Стэна "Философия", написанная для БСЭ, была

опубликована в 1936 г. за подписью М. Митина и А. Щеглова и с добавленным абзацем, в котором Стэн был назван "врагом народа". В 37-м он тоже был расстрелян³.

Их долг — весь разум оттеснить! Чтоб не смущать людей, Ты можешь дергаться, темнить, Но думать ты не смей.

2. Отрицание распространялось и на философскую традицию. Троцкий не зря напоминал только что учрежденному журналу "Под знаменем марксизма", что "советское государство есть... отрицание старого мира, его общественного порядка, его личных отношений, его воззрений и верований"4. И это "отрицание" проявлялось далеко не всегда в явной форме. Так, Ленин в "Друзьях народа", например, писал о "настоятельной необходимости полного и окончательного разрыва" с философией Белинского, Герцена, Чернышевского, а в "Что делать?" уже превратил их в "предшественников русской социал-демократии". Такими "ленинцами до Ленина" они стали изображать-. ся и в партийной историко-философской литературе, которая, испытывая нужду в хорошей родословной, тоже предпочла скрытое их отрицание и сбрасывание с "парохода современности" открытому. В этом состояла и главная причина вмешательства Сталина в "дискуссию" по книге Г. Александрова "История западноевропейской философии" в 1947 г., когда, по словам очевидца, наступило "время остановки жизни самой философии", а философский факультет МГУ представлял собой "эловонную помойку"5.

Нельзя сказать, что Александров в трактовке истории философии не следовал за Гегелем и Марксом и не нарушал закона тождества. Нет, он присоединился к необоснованному аристотеле-гегелевскому обвинению Платона в принисках и также предпочел Аристотеля в качестве источника философии Сократа. Он взял на вооружение и ленинское понимание философии как обоснования классовой "воли к власти", и его представление истории философии как "борьбы партий в философии". Он старался отыскать в истории как можно больше "философских предшественников марксизма" и представил таковыми Гераклита, Демокрита, Аристотеля, Эпикура, Д. Бруно, Ф. Бэкона, Гоббса, Гассенди, Спинозу, Локка, Мелье, Ламетри, Голь-

баха, Канта, Фихте, Гегеля, Фейербаха и других мыслителей. Все они шли к "диалектическому материализму" и не дошли, потому что были недоразвитыми "диалектическими материалистами" ("метафизиками", "созернателями", "примирением материализма с идеализмом" и т.п.)? И в этом смысле его "История" мало отличается от ноявившегося нозже "Краткого очерка истории философии", который надолго стал основным вузовским учебником. Но... Александров недоопенил слов Гегеля: "Содержание речей духа о себе самом — есть извращение всех понятий и реальностей, всеобщий обман себя и других, и бесстыдство этого обмана есть поэтому величайшая истина".

Дело в том, что Гитлер и Муссолини устами своих теоретиков объявили Гегеля своим учителем. Сталинское "министерство правды" отреагировало на это заметанием следов, ведущих от Гегеля к Маркеу. Постановление ЦК ВКП(б) "О журнале "Под знаменем марксизма" 1931 г. осудило журнал, делавший акцент на преемственности между Гегелем и Марксом. И в "Кратком курсе истории ВПК (б)" (1938) было особо подчеркнуто, что "диалектика Маркса и Энгельса" не только не тождественна "диалектике Гегеля", но и является ее противоположностью Однако лирический герой марксовской "Молитвы отчаявшегося" свидетельствовал об обратном: "Бог не дал мне ничего от своих богатств, и я отомщу ему. Я воздвигну гигантекий и холодный замок, в котором будут править сверхчеловеческий Ужас и угрюмая Мука! И тот, кто здраво на него глянет, лишится дара речи и отпрянет бледный назад: охваченный слепым и ложным дыханием смерти, он будет хоронить свое счастье"10. "Краткий курс" правильно намекал, что наша революция осуществила этот Проект^и, но он скрыл то, что более обстоятельное прозаическое изложение проекта следует искать не у Маркса, а у Гегеля¹². Александров же в своей "Истории" не только назвал Гегеля предтечей Гитлера, но и продолжал говорить о преемственности между им и Марксом. Ну и получил, что называется, по заслугам. Впрочем, после 10-дневного бичевания "словом", которое "может убить и сделать зло хуже смерти" (Л. Толстой), он публично покаялся в своих "мыслепреступлениях" и искупил "вину" апологетической книгой "Труды И.В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма" и участием в написании "Краткой биографии" Сталина с ее тезисом, что "Сталин — это Ленин сегодня". В результате был прощен и назначен директором того самого Института философии АН СССР, в котором происходила экзекуция.

3. Говоря о "подавлении философии в СССР", нельзя не учитывать традиционный для отечественной мысли художественных жанр. Философская поэзия нередко в нашей истории выражала идеи, которые далеко не всегда становились предметом академической мысли. Это можно показать на примере выпускника философского факультета ЛГУ Н.И. Ляпина, который, подобно римскому философу Лукрению, предночитал стихотворный жанр, писал "открытым словом без ключа, навзрыд об ужасах крича", был "лиходеем непечатного слова" (В. Высонкий) и сторонником гегелевского понимания философии как истолкования современной эпохи. И вот как представлял он "смрад эпохи" в одном из стихотворений 60-х гг.:

Наш Сесеэр хваленый — Страна рабов, господ. И, как заключенный, Ныне весь народ. Жизнь стала, братцы, адом, Но, чтобы был наш ад, — За нами, как за сталом, Надемотрщики следят. Мы мыслим по команде, Мы в рабстве навсегда. И в правящей же банде Ни чести, ни стыда¹³.

И отношение "правящей банды" к этому возрождению лермонтовской традиции было, конечно, не таким, как в случае Александрова. Ляпин не только не назначался директором Института философии, но и был отстранен от работы по специальности и в конце концов "задушен":

Я не видел ни светлого, сытого дня, Ни свершений мечты, что задумана. Ленинграда жандармы душили меня По указке ЦК, мерзкой мумии.

Это написано в начале 80-х, а в октябре 1991 г. он попал под поезд. Хотя и в одном его стихотворении было философии больше, чем в обоих александровских панегириках "правящей бан-

де", у которой "ни чести, ни стыда". В 1980 г. вышла в Швейцарии книга философа-изгнанника А. Зиновьева "Коммунизм как реальность", к которой лянинская "Страна рабов, госпол" могла бы служить эпиграфом. Даже поэтическое преувеличение "мы в рабстве навсегда", отразившее точку зрения тогдашнего большинства, присутствовало в ней ("по-другому там не будет никогда и ни при каких обстоятельствах")¹⁴. Подтвердил ляпинский диагноз "Обвалом" и "Горькой чашей" и бывший член ЦК А.Н. Яковлев, не согласившись лишь с "навсегда". Так что В. Высоцкий очень верно заметил, что "в мир реальнейших фантасмагорий" Ляпин в 60-70-е гг. шел "первым в связке" и спешил "открыть подвал чумной, рискуя даже головой". И прав Шри Чинмой: нация приходит в упадок, когда она преднамеренно и неистово отвергает идею быть на одной стороне с Истиной.

³ Хотя редакция и отмежевалась от этой статья, тем не менее ее призыв огразил свойственную большевизму "тенденцию к ликвидации философии как особой формы общественного сознания" и превращению ее в "дремучий лес ходячих трупов" (Философия и ее место в культуре. Новосибирск, 1990. С. 17; Мамардашвили М.К. Мысль под запретом... // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 72.

² См.: Огурцов А.П. Подавление философии (Суровая драма народа) // Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989; Мамардашвили М.К. Указ. соч.; Статьи и другие материалы, опубликованные в "Вопросах философии" (1997, № 6, 7, 8.)

³ Подробнее об этом см.: Шнет в Сибири: ссылка и гибель. Томск, 1995; Вопросы философии. 1997. № 8. С. 43-44.

⁴ Под знаменем марксизма, 1922, № 1-2, С. 6.

⁵ Щедровский Г.П. Философия, наука, методология. М., 1997. С. 1, 18.

⁶ К сожалению, эта ошибка повторяется кое-кем и сегодня. См., например: История философии: Запад — Россия — Восток. М., 1995; Краткая история философии. М., 1996.

⁷ Подробнее о методе превращения философов в "ленинцев до Ленина" см.: Копнин П.В. К вопросу о методе историко-философского исследования (Вопросы философии. 1967. № 5); Томилов В.Г. Что мещает нам утолить жажду? // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 5); он же О негативной историографии философии // (Познание и его возможности. М., 1994) и др.

⁸ G. Hegel Phenomenologie des Geistes, B., 1975, S. 372

⁹ Этого нарушающего закон тождества противопоставления не избежали и "Основы марксистеко-ленинской философии", 5-е издание которых вышло в 1981 г., и вышеупомянутые учебники нового поколения": "История философии: Запад

- Россия Восток" и "Краткая истории философии". Дурной пример заразителен.
- ¹⁰ K. Marx, F. Engels, Gesamtausgabe, Bd. I B., 1975. S. 640-641.
- 11 Подробнее о воплошении его в действительность см. : А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. М., 1994; Е. Гайдар. Государство и эволюция. М., 1995.
- ¹² Подробнее см.: В. Г. Томилов. Борьба с неосократизмом в русской литературе XIX века. Томск, 1988. Термин "неосократизм" указывает в данном случае на преемственную связь гегелевского проекта тоталитарного коммунизма с аналогичным проектом Сократа.
- ¹³ Большая часть наследства этого философа-поэта является неопубликованной. Цит. по рукописи.
- ¹⁴ И в статье 1991 г., вопреки коммунистической ностальгии, эпидемии которой Зиновьеву не удалось избежать, он вполне по-ляпински писал, что "руководство КПСС может служить образцом того, какую гнусную породу людей породил коммунистический социальный строй" (Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 32).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ (1991-1997 ГГ.)

В.В. Барский

В последние годы в среде политиков, ученых, журналистов не умолкают споры о том, каким должно быть оптимальное устройство России, которое учитывало бы исторические традиции образования отечественной государственности, интересы отдельных населяющих нашу страну народов и тенденции социально-экономического развития, отчетливо обозначившиеся в годы реформ. Подготовлена уже не одна концепция национально-государственной политики в Российской Федерации. На наших глазах возникает принципиально новое исследовательское поле, а также сфера политической деятельности, требующие как концептуально-методологического осмысления, так и научно выверенной системы практических подходов, адекватных реалиям российской действительности. Однако довольно долгое время освещение данной тематики в научной литературе и особенно в средствах массовой информации зачастую выли-

валось в противостояние двух враждующих идейных течений патриотического и демократического. Подобное представление в силу известных причин, прежде всего аморфности политических движений в России конца 80-х — начала 90-х гг. и общей склонности к контрастному восприятию действительности, оказалось достаточно устойчивым и распространенным, но, как и всякий стереотип, основанный более на эмоциях и политических пристрастиях, имело ряд существенных недостатков. С точки зрения логики само противопоставление «патриоты демократы» не является вполне правомерным, поскольку эти понятия сами по себе не могут считаться антагонистическими. Патриотизм не есть отсутствие демократии, так же как демократия вовсе не означает полного отрицания патриотизма. По всей видимости, условная и слишком упрощенная интерпретация этнополитической ситуации в России начала 90-х гг. на сегодня оказалась не вполне уместной и адекватной, поскольку проигнорировала довольно широкий спектр этнополитических исследований, переросших привычные рамки антагонизма «патриоты - демократы».

С этой точки зрения наиболее оптимальным представляется подход, выделяющий в современной отечественной историографии три основных этнополитических течения: унитаристов (т.е. сторонников преобразования России в унитарное государство); федералистов (ратующих за сохранение в том или ином виде федеративного строя) и национал-радикалов (настаивающих на более полном выражении национального суверенитета российских экс-автономий, вплоть до создания собственного независимого государства). Самым многочисленным и в то же время самым разношерстным и противоречивым среди этих течений, несомненно, является федералистское направление, объединяющее в своих рамках представителей совершенно различных партий и движений — от оппозиционных коммунистов до правительственных функционеров. Сразу следует заметить, что существенным внутренним единством защитники идеи федерализма явно не отличаются. Основная борьба внутри этого течения развернулась между сторонниками этнического и терригориального принципов федеративного устройства². При этом разногласия между приверженцами и противниками этнофедерализма оказались не менее острыми, чем споры «федералов» с их, казалось бы, естественными оппонентами — унитаристами

и сепаратистами. Некоторые авторы в качестве компромиссного решения предлагают обратиться к идее национально-культурной автономии или даже создания Русской республики в составе Российской Федерации, однако целесообразность подобных нововведений у многих экспертов вызывает большие сомнения³.

К следующей группе публикаций можно отнести исследования, авторы которых критически оценивают результаты построения в России федеративного государства. Идея федерализма, по их мнению, не является обязательным условием формирования правового государства, к которому стремится Россия.4 Главное в государствоведении не устройство государства, а режим его функционирования. Следовательно, полагают унитаристы, административные единицы унитарного демократического государства могут иметь больше прав для решения своих жизненных проблем, нежели субъекты федерации в недостаточно демократическом государстве. Как считает профессор Башкирского государственного университета, доктор юридических наук Фанис Раянов: «Рассуждать о подлинном федеративном устройстве в недемократическом государстве — это такая же нелепость, что и очертя голову настаивать на федеративном устройстве в демократическом государстве»5. Тем не менее унитаристкие требования не пользуются широкой популярностью в российских политических кругах. Отказ от идеи федерализма в России, даже в его нынешнем, далеко не адекватном воплощении, обязательно вызвал бы острый политический кризис. Укорененные народы России давно чают иметь свои формы национальной государственности и никогда не откажутся от уже имеющихся у них внутрироссийских образований. Следовательно, федеративное устройство России — реальность, с которой нельзя не считаться.

Особые позиции по данному вопросу занимают представители национал-радикалистских и сепаратистских движений бывших российских автономий. Юридически закрепив суверенный и подчеркнуто национальный (мононациональный) характер своих республик, местные этноэлиты все активнее добиваются официального признания приоритета политических прав коренного народа осуществлять власть на собственной национальной территории. Стоит, однако, заметить, что этнический состав и размещение населения, а также культурно-языковые

ориентации нетитульных народов российских республик совершенно не соответствуют тому, что может и должно быть в действительно национальном государстве. Практически ни одна из российских экс-автономий в ее нынешних границах не может стать основой национальной государственности титульного этноса без изгнания либо формального ущемления гражданских прав нетитульного населения. И хотя, в целом, националистические и сепаратистские настроения, обрушившиеся на Россию в начале 90-х гг., постепенно идут на убыль, было бы большим заблуждением полагать, что этнополитический кризис, поразивший Федерацию, окончательно разрешен, тем более, что почва для нового витка территориальной дезинтеграции все еще имеется.

¹См. напр.: Абдулатипов Р.Г. Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество // Регионология. 1994. № 2-3; Хакимов Р. Федерализация России: взгляд из Казани // Родина. 1998. № 4.

² См. напр.: Шаккум М. О мнимом федерализме и перспективах региональной политики России // Российская Федерация. 1996. № 23; Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.

³ См. напр.: Дьячков М.В. О национально-территориаль-ной, национально-государственной и национально-культурной автономии // Социологические исследования. 1993. № 11.

⁴ См. напр.: Зубов А. Будущее российского федерализма // Знамя. 1996. № 3.

⁵ Раянов Ф.М. Федерация — не самоцель // Власть. 1996. № 3. С. 73.

⁶ См. напр.: Гусейнов О.М. О самоопределении как моральном праве народа // Социально-политический журнал. 1993. № 11-12; Удугов М. Неопределенность во взаимоотношениях России и Ичкерии губительна прежде всего для России // Российская федерация сегодня. 1997. № 1 (16).

ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1971-1975 ГГ.) В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н.П. Гаврилова

Беспрецедентный спад в российской экономике, сопровождающий рыночные реформы, способствует усилению интереса к исследованию проблем хозяйственного развития. Не последнее место здесь занимает их ретроспективный анализ, который актуализирует накопленный страной опыт, обеспечивая тем самым необходимые условия для экономического роста.

Проблемы развития легкой промышленности в первое пятилетие 70-х гг. представляют в этой связи особый интерес. Прежде всего потому, что начиная с упомянутого времени и до сих пор они являются ярким свидетельством неэффективности проводимого руководством страны экономического курса. До середины 80-х гг. этот факт замалчивался. Партийно-государственная политика находилась вне критики. Реальная картина развития отрасли искажалась не только потому, что акцент в исследованиях делался на положительных изменениях в хозяйстве, но и потому, что анализ велся только в рамках марксистско-ленинской парадигмы в условиях ограниченной источниковой базы, включая сюда статистические материалы.

Это хорошо видно на примере освещения в историко-экономической литературе проблем развития легкой промышленности Западной Сибири. К началу 70-х гг. Западно-Сибирский экономический район, включавший в себя Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области являлся не только крупнейшей угольно-металлургической базой страны, имел развитый машиностроительный комплекс (в том числе военно-промышленной ориентации), но и стал важнейшим источником нефте- и газолобычи, обеспечивавшим экспортные возможности страны. За 1971-1975 гг. доля гопливно-энергетического сырья в общем объеме вывоза СССР выросла с 15,6 до 31,4%, что неизбежно превращало эту статью экспорта в серьезный инструмент внешнеполитического влияния и важный фактор экономического развития страны.

На этом фоне проблемы развития западно-сибирской легкой промышленности как-то терялись, не вызывая особого ин-

тереса у исследователей. Традиционные для советской исторической науки исследования деятельности местных партийных организаций по развитию отдельных отраслей народного хозяйства обощли эту тему стороной. Ведь продемонстрировать уснехи проводимого партийно-государственным руководством СССР экономического курса и здесь было довольно сложно. Тем более, что на первую половину 70-х гг. приходится более резкое (в 2 раза), чем ожидалось, падение темпов роста общего объема продукции легкой промышленности по Союзу в целом, зафиксированное ЦСУ СССР², объяснить которое, не выходя за рамки марксистско-ленинской парадигмы и без критического анализа политики партии было практически невозможно. Оставалось только констатировать, что общий объем продукции отрасли вырос за пятилетие на 25%. Исследователи как бы не замечали за деревьями леса, несмотря на то, что сложившаяся ситуация в указанных нами параметрах отражалась советской статистикой.

Энциклопедией положительных изменений, произошедших в промышленном производстве тканей, обуви, швейных и трикотажных изделий, с этой точки зрения можно назвать монографию Б.И. Кислякова «Легкая промышленность в девятой пятилетке» (1976 г.)³. В этом же ключе выполнены более близкие к интересующей нас теме статьи Т.Е. Комогорцевой, освещающие отдельные стороны развития отрасли в регионе⁴.

Картину дополняют исследования экономического характера, содержащие ретроспективный анализ развития западносибирской легкой промышленности. Среди них выделяются работы новосибирских ученых, главным образом, тогда сотрудников Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, посвященные изучению хозяйственного развития Сибири⁵. Авторы одной из них, оценивая перспективы развития легкой промышленности в регионе, пришли к выводу, что не следует ожидать здесь быстрого увеличения валовой продукции отрасли, «так как её местная сырьевая база и возможности трудообеспечения ограничены»⁶. Этот вывод, основанный на так называемой теории развития и размещения производительных сил, весьма убедительно свидетельствует о том, как на самом деле решались проблемы интенсификации производства и какое место в их решении отводилось легкой промышленности.

Кроме того, авторы этих работ, по известным причинам, анализируя изменения в хозяйственной структуре региона, не упоминают о наличии в ней военно-промышленного комплекса. Данные о советском ВПК не публиковались в открытой печати, не включались в официальную статистику, что искажало общую картину хозяйственного развития страны и её регионов.

Неудивительно, что при появлении первых возможностей в 1985 году в отечественной исторической науке начался и постепенно развивается глобальный процесс переоценки прошлого, велущий к смене парадигм в российской историографии. Стало заново оцениваться и переосмысливаться как уходящее в глубь веков, так и совсем недавнее, «советское» прошлое России. Началась критическая переоценка достижений советской экономики и того вклада, который внесло в их формирование партийно-государственное руководство СССР.

Так, в монографии А.Н. Васильева «Экономические проблемы развития легкой промышленности» (1988 г.)⁷ на основе опиравшегося на данные советской статистики ретроспективного анализа (1965-1985 гг.) выявлен ряд неблагоприятных тенденций в развитии отрасли: замедление темпов развития (с 8,6% среднегодового прироста в 1966-1970 гг. до 1,6% в 1981-1985 гг.), нарастание диспропорций из-за медленных изменений в структуре её сырьевой базы, отсутствие необходимой динамики в изменении ассортиментной структуры продукции и ее качества и так далее. Складывалась картина крайней неоффективности действовавшей системы ведения хозяйства и мероприятий по развитию промышленного производства тканей, обуви, одежды, осуществлявшихся в рамках этой системы.

Распад СССР и начавшиеся в России рыночные реформы придали процессу переосмысления советской экономической истории новый импульс. Выяснилось, в частности, что несмотря на набившие оскомину декларации партийно-государственного руководства СССР об ускорении развития промышленного производства группы «Б» (потребительских товаров) реально им продолжала проводиться альтернативная политика, ведущая к стабилизации предельно низкой доли этой группы в общем объеме промышленного производства. Одновременно выяснилось также, что замедленное развитие промышленного производства потребительских товаров стало одной из важнейших

причин, сдерживавших советский экономический рост⁹, который и сам теперь уже не оценивается столь однозначно как раньше. Выдвинуты и обоснованы так называемые альтернативные оценки советского экономического развития, из которых следует, что данные советской статистики были в значительной мере завышены и потому не отражали реальных фактов экономической жизни¹⁰. Это позволяет по-новому взглянуть как на советское прошлое, так и на рыночное настоящее российской экономики. Между тем в исторических исследованиях продолжают широко использоваться данные ЦСУ СССР, так как «статистические органы, имеющие огромную информацию, отказываются пересчитывать как статистические ряды, так и текущую динамику хозяйственного развития»¹¹.

В любом случае, становится все более очевидным, что недостаточное развитие промышленного производства потребительских товаров было и поныне остается фактором, сдерживающим рост национальной экономики. Более того, складывается впечатление, что в основе кризисного состояния легкой промышленности сегодня, как и в первой половине 70-х гг. лежат одни и те же причины: общее отставание институциональных преобразований и конкуренция со стороны иностранных товаропроизводителей. Есть надежда, что начавшееся восстановление реальной картины хозяйственного развития страны в советское время не обойдет стороной эту тему, исследование которой невозможно без ретроспективного анализа проблем легкой промышленности на региональном срезе.

¹ Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1976. С. 756.

²Там же. С. 196-197.

³ Кисляков Б.И. Легкая промышленность в девятой пятилетке. М.: Легкая индустрия, 1976. 144 с.

⁴ Комогориева Т.Е. Деятельность рабочего класса по развитию легкой промышленности Сибири в период развития социализма (1960-1980 гг.) // Ведущая роль рабочего класса в индустриальном развитии Сибири. 1960-1980 гг.: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГПИ, 1982. С. 23-36. Развитие легкой промышленности Сибири в условиях зрелого социализма // Сибирь в прошлом, настоящем, будущем. Тез. докл. и сообщений Вессоюзн. научн. конф. / 13-15 окт. 1981 г. / Вып. 2. Сибирь социалистическая. /Гл. ред.А.П. Окладников. Новосибирск, 1981. С. 79-80.

- ⁵ Тенденции экономического развития Сибири (1960-1975 гг.). Новосибирск: Наука, 255 с.; Экономика Сибири в разрезе широтных зон. Новосибирск: Наука, 1985. Экономические проблемы развития Сибири. Новосибирск, 1974; и др.
- 6 Тенденции экономического развития Сибири. С. 86.
- ⁷ Васильев А.Н. Экономические проблемы развития легкой промышленности. М.: Легпромбытиздат, 1988. 160 с.
- ⁸ Анисимов А.Н. Анализ макроструктурной перестройки экономики. М.: Наука. 1993. С. 54.
- ⁹Там же. С. 59, 71-72.
- ¹⁰ Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1991.; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 303 с.
- ¹¹ Ханин Г.И. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск, 1993. С. 4.

ПОВЕДЕНИЕ МАСС И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ КУЗБАССА НА ФОНЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕМЕН РУБЕЖА 80 — 90-Х ГОДОВ

В.П. Андреев, С.В. Соболевский

События знойного июля 1989 г. выдвинули шахтёрские регионы в эпицентр общественно-политической жизни бывшего СССР. Стачка горняков, в которой участвовало более 400 тыс. человек, знаменовала появление в тогдашнем Союзе мощного рабочего движения, ставшего на какой-то период времени важной политической силой. Для тех лет это было исключительным событием, ибо в течение многих десятилетий советские рабочие, как и все наёмные работники страны, были лишены возможности осознавать свои специфические интересы, тем более выступать в их защиту.

Июльские события 1989 г. привели к созданию независимых структур рабочего движения — рабочих комитетов. В Кузбассе они фактически стали альтернативными органами власти, всё более дистанцируясь от партийно-государственных и профсоюзных структур, что явилось реальным соотношением социально-политических сил в регионе.

События в угольных регионах стимулировали активность других отрядов рабочего класса, других социальных групп насе-

ления. В размахе нового движения таились не только его сила, но и слабости, которые не были замечены, учтены не только его политическими лидерами, но и профессиональными исследователями, в том числе и таким известным историком, как Л.А. Гордон, сразу ставший историографом рабочего движения.

Стачечному движению шахтёров был присущ не только конструктивный, но и в большой мере деструктивный, разрушительный потенциал, - не только экономические издержки, хозяйственный ущерб от стачек. Забастовки, другие формы остановки работы стали началом той хозяйственной катастрофы, которая возникла после развала СССР, ""реформ" Гайлара — Чубайса — Черномырдина. Совершенно ясно и другое: шахтёрское движение в лице рабочих комитетов было использовано политиканами-демократами как таран в борьбе за власть, для разрушения вертикальных хозяйственных структур, союзных органов власти и управления. Неконституционный орган - совет рабочих комитетов Кузбасса с ""позиции силы" вёл диалог с облисполкомом, Советом народных депутатов.

События в угольных регионах постоянно освещались в демократической печати, которая создала шахтёрам имидж "последовательных борцов за демократию". Им льстили, поощряя политическую неосведомлённость. Принято считать, что на лесть падки лишь вожди, оказалось — и широкие массы. Лесть подкреплялась лицемерием: шахтёрам приписывали немыслимые качества, многие, ощущая собственное величие, почувствовали себя "первопроходцами демократии в России"!

Не без влияния демократических средств массовой информации возникли надежды на близкий ""рыночный рай", немалая часть работников угольной промышленности, не понимали, что такое рынок, как долго проходило становление рыночного механизма на Западе. Во многом это заслуга руководящего состава предприятий. Именно они помогли угольщикам составить пакет требований, где начинает культивироваться идея самостоятельности шахт. Угольные ""генералы" давно осознали свои интересы. Они вытекают из советской системы хозяйствования, попыток её реформирования в конце 80-х гг. Появилась реальная возможность освободиться от партийного влияния в хозяйственном управлении, взять максимум прав в организации контроля над предприятиями с минимумом ответственности. Складывается новый вид хозяйственной элиты, сочетающей

в себе две социальные роли - управленцев и бизнесменов. Обешания резкого увеличения зарплаты простым рабочим сыграли свою роль - низы начинают поддерживать директорат. Угольщики и оборонщики стали застрельщиками развала административно-командной системы, которая и обеспечивала их прежнее благополучие. Известно, что в советское время сформировалась гигантская мегаструктура, обслуживающая ВПК, тяжёлую и лёгкую промышленность. Она во многом функционировала за счёт редистрибуции (сверхцентрализованного перераспределения средств, ресурсов) в пользу ВПК, угольщиков и т.д. Это обусловило существование корпоративно-распределительных общностей, имевших сугубо ведомственный характер, что являлось важнейшим фактором структурирования прежнего советского общества. Местом работы была во многом обусловлена разная степень обеспеченности материальными благами. Система редистрибуции до поры до времени поддерживала настроения госпатернализма.

Не случайно, что большинство рабочих-стачечников первоначально дальше требований сохранения прежней системы снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости не шли. Именно развал системы редистрибуции да так называемая "гласность" с лавиной публикаций по советской истории, которые "пеклись как блины", привели к утрате легитимности существовавшего режима, подтолкнули массовые выступления рабочих.

Резко усилилось действие такого социально-психологического механизма массового поведения как "синдром толпы". Толпа времён античности, описанная Платоном, мало чем отличалась от толпы времён перестройки. Наиболее яркий пример — события 19-21 августа 1991 г. Политически активное меньшинство у Белого дома жило и действовало по законам толпы. Состояние эйфории подкреплялось бесплатной раздачей спиртного московскими нуворишами. Как обычно в России, выбор был сделан активным меньшинством, - главные события развернулись в столице, у стен Белого дома (вне Москвы, — ни демонстраций, ни митингов). Демократы победили, но не демократия.

Послеавгустовская действительность быстро развеяла сиюминутные настроения, надежды на "близкий рыночный рай" растаяли. Предприятия, шахты на грани банкротства или превращаются в руины. "Новые" директора превращают их в средства обогащения, нисколько не заботясь о их будущем. Рабочие увольняются. Так, в Анжеро-Судженске в руины превратилась шахта "Сибирская", где её директор Крушинский - один из первых собственников в Кузбассе. Нелучшей оказалась участь предприятий, ставших акционерными и попавшими в зависимость от тех людей, в чьих руках находится контрольный пакет акций. Из шахт выкачивается прибыль, но ничего не вкладывается. Оборудование не заменяется, ухудшаются условия охраны труда и техники безопасности. Примером может служить ситуация, сложившаяся на АО "Прокопьевскуголь", где ведение дел через московские фирмы "Миком" и "Эрго", держателей контрольного пакета, привели концерн "Прокопьевскуголь" к банкротству. Такие примеры можно найти по всему Кузбассу. Директора предприятий либо по собственной воле, одержимые колоссальными прибылями, либо под давлением, нередко физическом, идут на сделки любыми путями. В результате от продажи сырья вырученные деньги на шахты и разрезы просто не поступают, рабочие остаются без зарплаты.

Прошёл массовый психоз ельцинизма. Судя по исследованиям основоположников социальной психологии Г. Лебона, Г. Тарда, массовые психозы — постоянные спутники революционных событий. Они вовлекают в водоворот миллионы людей. Психологическое состояние широких масс не отличается устойчивостью, характерны резкие подъёмы и спады. На фазе подъёма наблюдается резкая политизация. Это время больших ожиданий, яростных правдолюбцев, неистовых трибунов, разоблачителей и, одновременно, время политических пройдох, прохвостов и жуликов, что со всей наглядностью продемонстрировали события в России последнего десятилетия. Разочаровавшись в своих "кумирах", превративших "власть во сласть", широкие массы россиян пришли в уныние, апатию, в который раз подтвердив вывод, что неустойчивость поведения — одна из характерных черт поведения масс.

Симптомы усталости, апатии явственно проявились уже в ходе президентских выборов 1991 г. Так, в Кузбассе, цигадели ельцинизма, Б.Н. Ельцин потерпел сокрушительное поражение. Победа А.Г. Тулеева стала следствием не только его личной популярности, но и того, что стихийные ельцинисты — шахтёры, металлурги — почувствовали фальшь и лицемерие в пове-

дении своего кумира, а за год президентства его рейтинг в области упал до отрицательной величины².

Митинговая эйфория быстро сходила на нет, но президентское окружение ещё пыталось её воскресить. С этой целью разыгрывались политические спектакли в парламенте, политические массовки у его стен, на Васильевском спуске, театральные действия на улицах столицы с участием шахтёров, интеллигенции из провинции. В действительности это были случайные люди, шахтёры-труженники не ездили митинговать в Москву, выяснять отношения со столичными пенсионерами у стен парламента.

Накануне VII съезда народных депутатов правительственная печать нагнетала психоз, сообщала о тысячах шахтёров, которые приедут в столицу. Но специальный литерный поезд № 41 Новокузнецк - Москва пришел полупустым. Шахтёры перестали быть политическими боевиками Ельцина³.

Сценаристам политических спектаклей и массовок реанимировать "дух августа 1991г." не удалось. "Шокотерапия" Гайдара ввергла страну в эпоху дикого рынка. Безоглядное внедрение монетаристских установок усилило позиции криминальных структур во всех сферах жизни. На какое-то время среди лидеров рабочего движения оказалось немало лиц с уголовным прошлым. Пример тому руководство шахтерского движения Кузбасс (3 из 24 членов регионального стачкома). Среди них Ю. Рудольф, в своё время осуждённый на пятнадцать лет за разбойное нападение. Являлся заместителем председателя совета рабочих комитетов Кузбасса. После ряда громких скандалов ушёл в коммерцию. Председатель областного рабочкома В. Голиков имел условную судимость за непреднамеренное убийство своего товарища в студенческие годы.

Надо отдать должное лидерским качествам Голикова, его гибкости, умению вести дискуссию. Некоторое время он являлся советником президента по вопросам рабочего движения, но чаще его имя звучало в скандальных хрониках, не только местных, но и в центральных СМИ. Так, газета "Коммерсант"(1991, № 41) сообщала, что Голиков был снят с борта самолёта "Кемерово-Москва" в сильном алкогольном опьянении, что было подтверждено медицинской экспертизой.

Большинство россиян безучастно относилось к политическим играм и скандалам в центре и на местах. Многие оказались

в состоянии психологического оцепенения, утратив прежний социальный статус, определённый уровень социального бдагополучия. По западным меркам столь быстротечная социализация, обвальное падение уровня жизни должны были привести к
острейшему социальному взрыву. Но этого не произошло. Дело
не только в русском долготерпении. В значительной степени
столь быстрая пауперизация уголыциков, металлургов, оборонщиков, чьи денежные доходы в советское время были самыми
высокими среди трудящихся, породила феномен оцепенения,
подавленности, что получило название в социологии "спираль
молчания" (Э. Ноэль-Нойман). Народ безмолвствовал в ситуации, когда должен был кричать. Это молчание было истолковано президентской командой как одобрение проводимого курса.

В одночасье большинство бывшего советского среднего класса превратилось в люмпенов. На Западе эта страта существует за счёт государственных пособий, в современной России — за счёт дополнительной работы вне производства, "левых" заказов, сбережений и запасов прежних лет, подсобного хозяйства, отчасти мелких хищений.

"Новые бедные" не только малоквалифицированные работники, но и персонал высокотехнологичных оборонных производств. Развал высокотехнологичных производств продолжается. Так, предприятия ВПК с 1991г. сократили выпуск своей продукции в 6 раз, (по другим данным — в 11 раз). Прекращён выпуск сложной боевой техники, по заказам из-за рубежа производят лишь единичные изделия. Программа конверсии в 1995г. была профинансирована на 25%, в 1996-м — на 11%. В последующие годы средств на эти цели не отпускалось. По вине нынешнего руководства утрачены традиционные рынки продажи российского оружия⁴.

Распад прежних корпоративно-распределительных систем привёл к утрате таких социальных завоеваний как бесплатное здравоохранение, образование и пр. Патернализм советского государства атрофировал возможности самозащиты. Попытки отстоять свои права путём стачек, пикетов, голодовок не дали ожидаемых результатов. Так же как и акты крайнего отчаяния, — подрыв себя аммонитом, из-за невыплаты зарплаты, на шахте "Красный углекоп" (Киселёвск) горнорабочий бросился в штольню⁵.

Постепенно накапливался опыт борьбы, одним из приёмов стало перекрытие транспортных магистралей. Первыми его оп-

робовали горняки Анжеро-Судженска осенью 1994г., перекрыв на несколько часов Транссиб. Позднее к этому методу прибегали и в других регионах, где перекрывались железнодорожные и другие артерии. Весной и летом 1998 г. началась настоящая "рельсовая война". Правда, последствия её были отрицательны и для самого Кузбасса. Безучастными оказались и собратья по классу из соседних областей. Приморье, Кузбасс бунтуют — остальная Россия молчит. Полгода стучали касками по Горбатому мосту посланцы Воркуты, но безучастными были рабочие АЗЛК, ЗИЛа, других предприятий Москвы.

Нарастающее воздействие тягот, беспомощность усиливают угрозу "русского бунта", нередки, стали захваты директоров в качестве заложников, звучат угрозы "не будет зарплаты, возьмёмся за автоматы" (к примеру, в ходе стихийной стачки рельсобалочного цеха Кузнецкого металлургического комбината). Призыв вооружаться звучал 1996 г. в Черногорске. Стихийное выступление переросло в погром на рынке, толпа едва не растерзала мэра.

Таким образом, рабочее движение вновь заставило о себе говорить, оно набирает опыт борьбы в новых условиях, заметно радикализируется.

¹ Кузбасс. 1998. 7 окт.

² Лопатин Л.И. История рабочего движения Кузбасса. Кемерово, 1995. С. 257.

³ Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 71.

⁴ Кузбасс.1992.3 декабря

⁵ Советская Россия. 1997.17 мая.

⁶ Кузнецкий рабочий. 1998. 13 июня.

⁷ Там же.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА: СОЗДАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ "СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ"

П.Б. Луценко

Сибирь всегда занимала особое положение в России как в географическом, так и экономическом отношении. Эта огромная территория страны была и остается неисчернаемой кладовой для европейской части России. На огромной территории, немногим уступающей территории США, находится большая часть всех природных ресурсов нашей страны. Однако это практически никак не сказывалось на качестве жизни сибиряков. Уже с XIX в. они начинают задумываться над вопросом, почему именно так обстоит дело? Первым, кто серьезно попытался заняться изучением социально-экономических проблем региона. был П.А. Словцов, известный своей работой "Историческое обозрение Сибири". Определенное мнение о Сибири сложилось у декабристов, которые находились здесь в ссылке. Но первые подлинно научные исследования и выводы сделали областники, которые еще в 1863 г. обосновали концепцию "Сибирь как колония". По их мнению, самые серьезные проблемы порождались неправильным управлением и беспределом чиновников, наезжавших из Москвы. Наряду с этим они подчеркивали и негативное влияние ссылки. Но деятельность областников не оказала существенного влияния на дальнейшее развитие региона. В советское время данной проблемы как бы не существовало и ни о каком-либо регионализме не могло быть и речи. Но с началом политических и экономических преобразований в нашей стране с конца 80-х гг. ситуация в этом вопросе существенно изменилась.

В 1990 г. вслед за встречей руководителей нескольких основных сибирских регионов была образована межрегиональная ассоциация "Сибирское соглашение" (МАСС). Это была в то время общественная организация, призванная, как декларировали участники кемеровской встречи, защитить сибирские интересы перед лицом политической и экономической нестабильности, вызванной горбачевскими реформами, помочь разумно распоряжаться природным и промышленным потенциалом Си-

бири, проводить благоприятную для ее населения социальную политику. Создание МАСС было недружелюбно встречено в Москве. Она была зарегистрирована в Министерстве юстиции лишь в 1993 г. Особенностью этой ассоциации является то, что она объединяет в своих координирующих и управляющих органах как представительную, так и исполнительную ветви власти. Сейчас МАСС включает 19 сибирских регионов.

Но для того, чтобы не на словах, а на деле решать проблемы региона, мало было оставаться просто экономической организацией. Политизация МАСС не заставила себя долго ждать, тем более, что федеральная власть не спешила выполнять данные ею обещания, как это было, например, в случае с обещанием Б.Н. Ельцина выделить для местного использования 25% валютных поступлений от стоимости экспорта сибирских природных ресурсов. К этому можно прибавить такой факт, как начавшиеся в стране экономические реформы, которые больно ударили по сибирским регионам. Особо хотелось бы выделить некоторые их аспекты:

- 1. конверсию и прекращение оборонных субсидий;
- 2. незначительные инвестиции в техническое обслуживание инфраструктуры нефтяной, газовой и угольной промышленности;
- 3. высокие транспортные тарифы, которые в условиях огромных расстояний стали сдерживать перемещение товаров и привели к их резкому удорожанию.

Либерализация цен поставила Сибирь в зависимость от Москвы, так как цены на сырье устанавливались в Москве, а цены на товары широкого потребления, материальную часть производства формировались рынком, и соотношение было явно неадекватным.

Резкое ухудшение экономического положения населения вызывало брожение в обществе, стали появляться различные, радикально настроенные организации, например, ФСН, "Свободная Россия" и т.п. В свою очередь, в центральных газетах стали появляться статьи, в которых особое внимание уделялось "Сибирскому соглашению". Были попытки охарактеризовать его как "теневое правительство" Сибири.

Противостояние "центр — регионы" постепенно усиливалось. На это влияло два фактора. Ни одно из обещаний Президента, Правительства, Верховного Совета о перераспределении полномочий в пользу регионов, в соответствии с Федеральным

Договором, не выполнялось. В самом центре нарастал кризис взаимоотношений Президента и представительной властью. Вообще, 1993 г. для МАСС стал проверкой на прочность. В Томске 16-17 февраля 1993 г. состоялось заседание МАСС, на которое приехали премьер-министр России В.С. Черномырдин председатель Центробанка В. Герашенко и большая группа московских чиновников. На этом заседании обсуждалась природа московско-сибирских отношений. В. Ножиковым от лица МАСС правительству была предложена программа, которая в основном касалась вопросов недропользования и внешнеэкономической деятельности. В свою очередь, правительство сделало ряд уступок в области экономики. Пожалуй, самым важным обещанием было то, что 20% от добываемых в Сибири природных ресурсов должно было находиться под контролем МАСС как "структурный фонд для развития Сибири".

В действительности же Москва не располагала тогда необходимыми средствами, чтобы выполнять все свои обещания. С другой стороны, ей не нужна была сильная региональная оппозиция. В связи с этим показателен инцидент, непосредственно связанный с деятельностью МАСС. Б.Н. Ельцин в своем телеобращении заявил о смещении двух наиболее активных сибирских лидеров: В. Мухи и В. Ножикова "за ошибки в их работе". В.П. Муха возглавлял в то время МАСС. Все руководители ассоциации высказали безусловную поддержку главам администраций Новосибирской и Иркутской областей. Центр вынужден был объявить отбой. Уже 24 марта Б.Н. Ельцин заявил, что это была ощибка.

В октябре 1993 г. в Москве произошло столкновение между исполнительной и представительной властями. В этот конфликт оказалось втянуто и "Сибирское соглашение". Основными действующими лицами были А. Тулеев, В. Муха и практически весь депутатский корпус на местах. Местная правящая элита раскололась. Исполнительная власть, за исключением В. Мухи, поддержала Президента, а представительная, за исключением демократически настроенных депутатов, поддержала Верховный Совет. Уже 22 сентября Новосибирский областной Совет вынес резолющию, осуждавшую "ельцинский переворот". Совет призвал остальных членов МАСС поддержать его, то есть попытался использовать ассоциацию как базу для того, чтобы вокруг нее сплотить единомышленников. 29 сентября В. Муха созывает экстраординарное

всесибирское совещание депугатов из 14 регионов Сибири. На этом заседании он предложил всем органам представительной власти субъектов федерации на территории "Сибирского соглашения" немедленно рассмотреть вопрос об объединении бюджетов в единый консолидированный бюджет территорий. А. Тулеев призывал к подписанию документа об образовании Сибирской республики. Итогом совещания стал ультиматум. Суть его заключалась в том, что если не прекратится блокада здания Верховного Совета РФ и не будут устранены препятствия для нормальной деятельности Съезда и Парламента, то будут приняты меры экономического и политического воздействия. Предполагалось блокировать поставки сибирских ресурсов в европейскую часть России, перекрыть железные и автомобильные дороги. Выдвигалось еще ряд требований. По вопросу о независимости было принято компромиссное решение, так как В. Муха был ярым противником отделения. Намечалось провести в октябре референдум. 3 октября 1993 г. в Томской области должен был проходить референдум по вопросу о признании области равной по своему юридическому статусу республике, но он не состоялся по причине неявки избирателей, несмотря на развернутую летом того года компанию и горячие дискуссии в прессе по этому вопросу.

Сразу после событий 3-5 октября 1993 г. сибирская оппозиция центру развалилась на глазах. Генеральный директор исполнительной дирекции МАСС Иванков в своем заявлении от 4 октября отметил, что ассоциация к решениям всесибирского совещания депутатов никакого отношения не имеет. Правда, 6 октября В. Муху сняли с поста главы администрации Новосибирской области. Но МАСС продолжала существовать. Б. Ельцин заявил, что не имеет претензий к работе ассоциации.

После описанных выше событий MACC акцентирует свое внимание на экономических вопросах. Произошел переход к более конструктивной деятельности, состоялись региональные совещания глав администраций с участием представителей федеральных властей. Устанавливаются личные контакты на достаточно высоком уровне, отправляются поправки и предложения к законопроектам в Госдуму. Несмотря на все это, основные проблемы, существовавшие между федеральной и региональной властями, так и не были решены. Именно на их решение и направлена нынешняя деятельность межрегиональной ассоциации "Сибирское соглашение".

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЗБАССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Л.Н. Лопатин

По мнению Ю.А. Полякова, к 1987 г. завершился этап "расшатывания и разрушения марксистских исторических концепций", и в 1993 году "начался новый этап — перехода к позитивной работе на основе плюрализма". Видимо, известный историк не имел в виду кузбасских историков, ряд которых, судя по двум юбилейным сборникам, остались на прежних позициях. Особенно показателен сборник, посвященный Октябрю 1917 г. (более 60 авторов)².

В оценке значения Октябрьской революции 1917 г. можно встретить утверждения о том, что она "смогла спасти страну, вывела её из катастрофического кризиса" (В.П. Литовченко, с. 83.); "это была первая попытка создать качественно новую цивилизацию,... подлинно человеческую, гуманистическую" (Ю.П. Скворцов, с. 86); «Октябрьская революция была закономерным этапом в развитии общества» (В.А. Волчек, А.Г. Никифоров, А.И. Герасимова, с. 90, 116). Надо обладать очень большим воображением и безоглядным оптимизмом для того, чтобы усмотреть цивилизацию в стране с низким уровнем индустриализации (село, сфера обслуживания, наука, культура, перерабатывающая промышленность, медицина, образование и проч.), в стране, где целенаправленно уничтожалось духовное наследие нации и проводилось плановое истребление соотечественииков, где фактически исчезло разделение труда (скажем, медик вынужден был быть и строителем, и автомехаником, и огородником, и слесарем...).

Сборник почти не отразил изменений во взглядах на концепции советской истории. Это вполне обозначено в публикации Н.П. Шуранова (его принято считать мэтром кузбасских историков), повторившего известные положения о плане ГО-ЭЛРО, индустриализации, коллективизации и др. (с. 87-89). Правда, данные проблемы, по мнению автора, теперь следует рассматривать с позиции создания в России базы мировой социалистической революции. О строительстве социализма в СССР автор умолчал, видимо, не решаясь назвать социализмом то, что было в СССР. Но, увы. Это и был социализм — обще-

ство, для которого характерен тоталитаризм, грубейшее попрание прав человека, жесточайшее экономическое и внеэкономическое принуждение, экстенсивная экономика, крайне неэффективные методы хозяйствования, материальная нищета человека, развращение правственных устоев народа. Иных результатов невозможно достичь, реализуя идею о создании общества без частной собственности, без товарно-денежных отношений, при отмирании (на словах) государства и игнорировании почти всего того, что накопило человеческое общество за свою историю. Под стать теоретическим концепциям и практические задачи, выдвигаемые кузбасскими обществоведами, — спасти страну через новую социалистическую революцию (Л.В. Кусургашева, Л.У. Лубягина, В.П. Литовченко, А.Г. Никифоров, А.И. Герасимова).

Не столь откровенно, но вполне определенно проявили уже забываемый идеологический синдром и томские историки В.П. Андреев с учениками (Д.В. Ворониным и С.В. Соболевским) показали весьма приблизительное представление о процессах, происходивших в рабочем движении Кузбасса в 1989-1991 гг., выдавая частности за явление. Эти публикации, видимо, знаменуют начало пересмотра устоявшихся научных и даже политических позитивных оценок истории рабочего движения Кузбасса того периода .

Некоторые из историков проявили гражданственность, озабоченность происходящим в стране. Но озабоченность эта, к сожалению, — человека со стороны. Вряд ли небезоснователен содержательный вывод специалиста по истории стран Азии и Африки Ю.Л. Говорова о том, что российские рыночные реформы проводятся без учета мирового опыта (с. 112). Но почему совет (сетование) идёт "со стороны" от далеко не рядового человека в университетской иерархии (декана)? Для него, надо полагать, не составило бы особого труда сформировать прямое влияние, если не на столичные власти, то уж на кузбасские точно. Тем более, что именно такого интеллектуального влияния искали (но не нашли) и рабочие комитеты (1989-1991 гг.), и областная администрация Кемеровской области (в 1992-1993 гг.), много раз обращаясь к интеллигенции, пытаясь вовлечь её в реформы. Взгляд как бы "со стороны" выражен и публикациях историка, начальника департамента науки и высших учебных заведений Администрации Кемеровской области Т.О. Машковской, бессменно находящейся на самой вершине властной пирамиды Кузбасса с 1990 г. (с. 69-70, 75-77). Как будто кго-то другой, а не гражданин страны, тем более власть имущий, может изменить лицо России.

Следует признать, что позиция "человека со стороны" характерна не только для обществоведов Кузбасса. Судя по "круглым столам" столичных журналов — это общероссийское явление. Если философам, кажется, удаётся изживать собственную самоотстраненность от событий в России, то историкам пока — нет. Мало того, на настоящей конференции в пленарных докладах звучало удовлетворение в связи с дистанцированием историков от текущих проблем общества.

В конце 80-х -90-е гг. история с необходимостью диктовала объединение всех наёмных работников в борьбе как минимум за демократию. Увы! Такого объединения ни в Кузбассе, ни в России в целом не состоялось. Разве интеллигенция подготавливала человека для восприятия иных общечеловеческих, а не марксистско-ленинских ценностей? Разве пришла она к покаянию за советский тоталитаризм, который воспроизводился при её самом активном участии? Разве подвела она людей к осознанию личной сопричастности, считай, каждого советского человека лжи и обману как образу жизни?

Остаётся надеяться, что тенденция традиционной методологии советской историографии в трудах сибирских историков носит затухающий характер. Эта надежда тем более обоснована, что ряд участников кузбасских конференций заявили о себе как авторах, пытающихся возродить традиции классической русской исторической школы — изучать историю общества и человека. Ни для кого из классиков русской истории история, скажем, угольной, металлургической промышленности не была объектом самостоятельного исследования. "Процесс изучения движения человечества во времени" составлял для В.О. Ключевского сущность исторической науки.

Конечно, без изучения истории отраслей народного хозяйства общество не обойдётся. Но этим могут и должны заниматься специалисты своего дела: медицины, геологии, металлургии, горного дела и проч. (специальность "история науки и техники"), историки экономики. Но не делать же из истории общества простую совокупность историй промышленности, сельского хозяйства, пожарного дела и проч. Историку важно понять и

передать читателю, что происходило с человеком и обществом в изучаемом периоде времени, чем, скажем, тонны угля обернулись для человека.

В последнее время в научных публикациях с удовлетворением стал констатироваться факт так называемой биполярности взглядов на историю советского периода. Если применять технократический подход к истории, то тогда корректно видеть великие достижения советской власти в Днепрогосе, большом Кузбассе, атомной бомбе и т.п. Если взглянуть на эти факты через призму истории общества и человека (что случилось с ними в связи с ними), то тогда булет видна катастрофа, а не достижения. О катастрофе в советском обществе следует говорить в связи с воспитанием антипатриотизма (социалистический интернационализм) и классовой непримиримости, противопоставлением поколений, доносительством на родных и соседей, почти поголовным воровством (как реакции на сверхнизкие зарплаты и тотальные дефициты потребительских и продовольственных товаров), массовыми убийствами, проведением нации через сталинские и послесталинские концлагеря, хронической нищетой советского человека, голодом и пр.

Освободившись от плена марксистско-ленинских идеологических иллюзий, историки сделали довольно жесткие для советского менталитета выводы. З.П. Галаганов, например, склонен считать, что гражданскую войну развязала политика продразверстки и военного коммунизма. А группа историков (Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина, М.И. Агибалова, Н.Т. Леонтьева и др.) предлагают датировать гражданскую войну (войну на целенаправленное уничтожение одной части нации другой) не традиционными тремя послереволюционными годами, а тридцатишестилетним периодом — 1917-1953 гг⁷.

Перейдя к изучению истории общества и человека, историки обнаружили, что в советское время место научных исследований занимала разработка и пропаганда идеологических штампов и мифов. К числу таковых относился штамп "создания Большого Кузбасса за невиданно короткие сроки благодаря энтузиазму советских людей". По мнению специалиста по истории Сибирского ГУЛАГа Л.И. Гвоздковой, создание Большого Кузбасса стало результатом принудительного труда людей, лагерной экономики. Кузбасс стал краем лагерей и колоний. Этой же тематике посвящены исследования А.А. Мить, Е.С. Кузнецовой.

Весьма отрадно, что кузбасских историков заинтересовали проблемы сохранения и развития духовности как русского, так и коренных народов края, развития "человеческого в человеке" (Д.В. Кацюба, В.М. Кимеев, Ю.В. Ширин, К.А. Кабанов, А.А. Халиулина, Н.Д. Туахми, З.П. Галаганов, Л.Ю. Галкина, Г.Т. Девяткин, О.Н. Шевцова, Е.Н. Шуранова, А.Л. Филимонов и др.).

Сейчас готовится новое издание "Истории Кузбасса" (редактор проф. Н.П. Шуранов). Нет уверенности, что она не будет написана в традиционном плане, где вопросам экономики привычно будет уделена львиная доля.

³ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995. С. 202.

² Октябрь 1917 года. Уроки истории и современность. (Материалы научной конференции 30 октября 1997 г.). Кемерово, 1997. 88 С.; 55 лет Кемеровской области. Кемерово. 1998. С. 256.

³55 лет Кемеровской области. С. 225-232.

⁴Там жс. С. 226.

⁵ Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России. Субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных исследований. М., 1993. 85 С.; Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтёры-92. М., 1993. 112 С.; и др.; Костюковский В.В. Кузбасс. Жаркое лето 89-го. М., 1990; Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы / Сост. Л.Н. Лопатин. Кемерово, 1993. 623 С.; Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса. Кемерово, 1995; Он же. Путь от коммунизма... Как это было? Кемерово, 1996. 259 С.: Он же. Кузбассовцы в годы реформ. Кемерово. 1996. 64 С.; и др.

⁶ См.: Отечественная история. 1995. № 4. С. 198-210; «Круглый стол" в Институте российской истории РАН // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 3-32; Российская модернизация: проблемы и перепективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-39; См.: Философия и политика (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1996. № 1.

⁷ 55 лет Кемеровской области. С. 232-238.

⁸ Там жс. С. 174.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ РОССИЯН В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Н.Л. Лопатина

В начале 70-х гг. советская политология и философия ввели в научный и политический оборот понятие "новой социальной общности — советский человек". За этим стояло стремление подчеркнуть успехи компартии в формировании нового человека, имеющего характерологические особенности по сравнению как с современниками из "капстран", так и с его российскими предками. Такие особенности с исторической точки зрения действительно есть. В данной публикации речь пойдёт о влиянии тоталитарного государства на психологию советского человека.

Современники 90-х стали свидетелями всплеска агрессии в быту, на митингах, заседаниях парламентов всех стран СНГ. Вряд ли корректно относить эти эмоции только к реакции на экономическую нестабильность. Здесь проявляется и психологический фактор, обусловленный историческим наследием СССР. Злость, агрессия и др. отрицательные эмоции в советский период проходили инкубационный период, когда болезнь носила латентный характер.

Строительство социализма потребовало концентрации сил всего народа. Это сказалась, в первую очередь, на семье. Создание монстров тяжелой индустрии вытолкнуло на производство матерей тех россиян, чей возраст сегодня пятьдесят — семьдесят лет. Огромные потребности ВПК при значительной доле ручного труда и общей неэффективности советской экономики продолжали держать их дочерей, внучек, правнучек на производстве все годы советской власти. Советская власть возложила на россиянку (узбечку, украинку и др.) заботу обо всем человечестве. При этом пострадали дети её собственной семьи. Их приходилось сдавать в ясли, детсад.

Психологи считают, что отдаление ребенка от матери в первые три года его жизни является сильным психотравмирующим фактором. Ребенок страдает от психологического голода, вызванного недостаточным общением с матерью, с которой у него психическая связь существует на уровне физиологии. В отрыве от матери маленький человек растет с ощущением собственной

ненужности. У него вырабатываются комплексы, которые сопровождают его всю жизнь.

Психологический дискомфорт от недостатка внимания женщины ощущает и муж. В семье, которая в этом случае не представляет целостного организма, формируется атмосфера эмоциональной напряженности и деструктивности, остро проявляющаяся при самых малозначительных поводах.

Серьёзным психотравмирующим фактором стала политика компартии по фактическому противопоставлению отцов и детей, проводившаяся в 20 — 50-е гг.. Вынужденный отказ детей от родителей ("кулаков", "врагов народа" и др.) стал явлением советской действительности и не мог пройти психологически безболезненно для родившихся в 10 - 30-е гг., воспитанных на общинных порядках, где уважение к предкам было возведено в культ. Компартия тем самым разобщала народ. Сколько трагедий пришлось пережить и тем, кто отказывался, и тем, от кого отказывались. Дети ненавидели родителей за то, что им приходилось предавать, родители — детей за их предательство. Это была тихая гражданская война в семье.

Общественные связи, нравственные устои, исторически формируемые общиной, были разрушены. Думается, сохранись община, Советская власть бы не устояла. Замечено, что негативные последствия проблемы "отцов — детей", искусственно созданные компартией, сказываются тем меньше, чем крепче людей связывали общинные или религиозные отношения — староверы, мусульмане, кавказские народы (в том числе и христиане) и др.

Жилищная проблема — это вопрос психологического комфорта (дискомфорта) человека. Человек, считают психологи, более терпимо относится к бытовым неудобствам, нежели к тесноте. Они объясняют это тем, что физическое тело окружено пространственными зонами: общественной, личной, интимной. Вторжение посторонних людей во вторую и третью зоны неизбежно в условиях землянок, бараков, общежитий, "комуналок", "хрущевок" и пр. Это вызывает у человека физиологические изменения: сердце бъётся учащенно, адреналин выбрасывается в кровь, кровь приливает к мозгу и мышцам. Это сигнал физической готовности организма к бою, агрессии.

Постоянную готовность к атаке организм испытывает не только в связи со скученностью людей на маленьком пространстве жилой комнаты, но и в общественном транспорте (поэтому

так часты вспышки беспричинно острых ссор в автобусах), в очередях, которые были образом жизни всех поколений советских людей и от которых страдали прежде всего женщины. Стоящий в очереди подвержен ряду дополнительных стрессов: "не хватит", "опоздаю на работу..., в детсад и пр. Соседи по очереди воспринимались почти враждебно — из-за них можно лишиться товара.

Эмоциональная неуравновешенность бывших советских людей вызвана также и появившейся в годы реформ непривычной для них проблемой выбора. Они привыкли к житейской комфортности военного строя, в котором "начальству видней". Право выбора, как выяснилось, влечет личную ответственность. А к такой личной ответственности за собственный выбор они не привыкли.

Для психического здоровья не прошел бесследно отрыв советских людей от Родины. От Родины оторвали не только "белогвардейцев", казаков, раскулаченных, чеченцев, калмыков, крымских татар, "бандеровцев" и др. (департация, ссылка и пр.). От Родины оторвали русских, армян, узбеков, евреев, немцев и др., когда принуждали их к наднациональному поведению, прививая любовь не к своей нации, а к "народам угнетенных стран" ("пролетарии все стран, соединяйтесь!"). Лишение Родины — это лишение психологической защиты сильным (государством) слабого (индивидуума).

Ощущение беззащитности лишает уверенности, способствует накоплению отрицательных эмоций, которые невозможно снять ни на исповеди ("религия — опиум..."), ни в разговоре с отцом (он — кулак..., враг народа..., космополит...), ни с другом (он может оказаться осведомителем), ни с женой (она всегда занята), ни с сыном (нет родства душ).

Нельзя не брать во внимание годы пережитого страха перед государством, культивируемого в советское время. Страх пронизывал не только "ответработника", боявшегося обвинений в политической неблагонадежности, но и колхозника, не выполнившего норму трудодней (следовало уголовное наказание), и шахтёра, которого могли уволить "по волчьему билету", тем самым приговорив его семью к голоду (лишение продовольственной карточки).

В стране витала атмосфера враждебности, недоверия, злости. Эта атмосфера с поколениями уплотнялась. Любое явление

должно приобретать новые формы. Чувство недовольства, угнетенности преобразовалось в агрессию против внешнего врага в Отечественной войне, в локальных войнах. Внутри страны оно не имело выхода. У поколений копилась злоба на советское государство, но из-за хорошо отлаженной полицейско-карательной системы её невозможно было проявить публично. На глубоком подсознательном уровне недовольство властью реформаторов есть нереализованное недовольство властью советской.

Особый психологический дискомфорт и эмоциональный протест бывший советский человек стал испытывать при виде "новых русских".

"Мы не так жили!" — с горечью вспоминают люди старшего поколения, опрос которых в течение пяти лет ведет кафедра отечественной истории Кемеровской медицинской академии¹. Гнев обращается против демократов, при которых у людей в постсоциалистические годы открылись глаза на мир.

Почему проводилась политика, направленная на взаимоотчуждение людей, создающая психологический дискомфорт? Объяснять это случайностью или ошибками большевиков вряд ли правильно. Э. Фромм считал, что неуверенность и бессилие человека приводят к разрушению его внутреннего равновесия. Чтобы не чувствовать своей беззащитности, человек идентифицирует себя либо с какой-либо группой, либо с личностью, располагающей властью. Посредством такой символической причастности он обретает иллюзию самостоятельного действия, в то время как на самом деле лишь подчиняет себя тем, кто действует, и становится их частью². Компартии нужен был монолит общества, люди с однородным мышлением. Эту задачу выполнила так называемая культурная революция, итогом которой стало создание действительно нового человека, человека с особым менталитетом.

Частью этой программы была дозированная информация, формирование чувства неуверенности. Утратив способность критического мышления, люди становятся социально беспомощными, граждански пассивными и жаждут заполучить лидера, который укажет, что им делать и как им думать. Обществом таких граждански индифферентных людей может управлять каждый, кто получит доступ к власти. Вот почему советские руководители (столичного и местного уровня) воспринимались вождями.

Что делать по снятию эмоционального напряжения и злости людей? Понимать и терпеть. Для умиротворения людей необходимо время. Не следует пускаться в обвинения в их адрес, унижать нравоучениями. Осуществляя общественное давление на власть, принудить её заботиться о семье, как структуре, с которой начинается родина, заботиться о женщине, как хранительнице устоев отечества, не вмешиваться в дела конфессий, культивировать самобытность, поощрять формирование цивилизованных общественных структур, не увлекаясь политическими.

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В РОССИИ (90-Е ГОДЫ XX В.)

И.А. Папушев

Первое впечатление о перспективах исторического осмысления современных избирательных кампаний, как правило, весьма оптимистично: изучаемая сфера, по определению, публична, огромное количество материалов в средствах массовой информации и агитационная печатная продукция открывают широкие возможности для работы с документами. Однако предъявление к источниковой базе требования достоверности может существенным образом изменить видение проблемы.

На протяжении последнего десятилетия российская избирательная система подвергалась существенным изменениям. Сложилась практика ведения предвыборной борьбы, которая в ряде сфер коренным образом отличается от законодательно закрепленных норм. Специфика конкурентной избирательной кампании в том, что в ее рамках можно выделить устойчивый корпус документов, создание которых не имело своей целью обеспечение достоверности содержащейся в них информации. Искажения могут касаться, например, не только содержательной части того или иного агитационного материала, но и обязательных по

Чекоторые результаты этих опросов опубликованы в брошюре Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатин. Социализм глазами современника. Пласт. 1996. 46 с.

² Э. Фромм. Душа человека. М., 1992

закону выходных данных. Так, в большинстве листовок, распространявшихся в Томске, указан тираж 1000 экземпляров. У историка, который будет изучать данную тему через некоторое время. будет меньше причин, чем у современников исследуемых событий, усомниться в реальности этой цифры. У очевидца, впрочем, кроме эмпирических наблюдений о том, что заявленный на листовке тираж распространен в одном его микрорайоне, и знаний, что есть в городе другие районы, а в области — города, нет документальных подтверждений данного факта. Нет их ни в материалах избирательных комиссий, ни в средствах массовой информации. Впрочем, существуют косвенные упоминания о подлогах, имеющихся в этой сфере, но даются они после окончания избирательных кампаний, анонимно, в виде так называемых «экспертных оценок» или мнения «информированного источника». как в заметке о завышении в 22 раза тиража одной из предвыборных газет при выборах депутатов Новосибирского горсовета в 1996 г. указал отдел политики еженедельника «Коммерсанть-DAILY-Сибирь»¹. Фактическая часть предвыборных материалов также зачастую может быть поставлена под сомнение. Простейший пример. В 1994 г., готовясь к выборам в Новосибирский облсовет, кандидат в депутаты Л(еонид). Г. Зотов опубликовал сведения, что он обеспечивал «координацию и депутатский контроль над строительством телефонной станции на 10 000 номеров»². Последовал ответ заместителя генерального директора Новосибирской городской телефонной сети Т.И. Болдыревой: «Сообщаю, что информация, изложенная в предвыборной листовке Зотова Л. Г., не соответствует действительности»³.

Анонимность некоторых предвыборных материалов также является важным фактором, требующим дополнительной оценки содержащихся в них сведений. Как правило, распространяемые подобным образом сведения имеют целью дискредитацию политических противников, а форма выбрана таким образом, чтобы, с одной стороны, избежать возможной юридической ответственности, с другой — лишить противника возможности многоходовой политической дискуссии, которая была бы возможна, если бы та или иная информация имела авторство. Специфика подобных компрометирующих материалов, или, как их принято называть, «компромата», в том, что достоверность изложенного не является необходимым условием. Скорее в качестве необходимого условия выдвигается подобие достоверности.

Одной из наиболее изощренных форм анонимности информации является фиктивное авторство. Так, в 1996 г. на выборах главы администрации Иркутской области была распространена листовка с дискредитирующей информацией против одного из кандидатов Ивана Шадова, поддержанного региональными организациями «Яблоко» и «Честь и Родина». С описанием деталей сообщалось об участии кандилата и его сына в совершении тяжких уголовных преступлений, никогда не имевших места в действительности. «Компромат был подписан псевдонимом известного в Иркутске журналиста Александра Шахматова, который в тот момент вообще сидел в СИЗО. Выйдя из тюрьмы, Шахматов публично опроверг факт своей причастности к этой провокации»⁴. Случай не единичный, широкую огласку получила накануне президентских выборов фальшивая Экономическая платформа КПРФ. Масштабы использования компромата не позволяют игнорировать его при изучении современных избирательных кампаний, однако степень достоверности сведений может оставаться невыясненной.

Значительное различие между реальными затратами кандидатов в предвыборных кампаниях и суммами, фигурирующими в отчетах перед избирательными комиссиями, делает проблему достоверности информации в этой сфере весьма актуальной. Вместе с тем тема финансовых потоков является, сейчас это уже очевидно, одной из наиболее сложных для изучения и получения объективной информации. Очевидно, что некритическое воспроизведение официальных данных о расходовании средств сводит роль исследователя к положению доброго сказочника, воспроизводящего некий мифологизированный текст. С другой стороны — все те же анонимные «неофициальные источники», «экспертные оценки», которые различаются на порядок и более. По мнению политических обозревателей «Общей газеты» Елены Дикун и Льва Сигала, легализуемая часть финансовых потоков «серьезных кандидатов» составляет от одного до пяти процентов»⁵. Ситуация в этой сфере не позволяет предположить, что в будущем возможен какой-то кардинальный прорыв в ее изучении. Более вероятно, что возможность исследования объемов реального финансирования современных избирательных кампаний утрачена навсегда.

Важнейшей из составляющих избирательной системы, где проблема достоверности стоит наиболее остро, является опре-

деление итогов выборов. В литературе и в общественном сознании эта проблема обрела форму дискуссий о наличии или отсутствии фальсификаций в рамках той или иной кампании. Наибольшее развитие данная тема получила в исследованиях рабочей группы А.А. Собянина и В.Г. Суховольского, в частности, в их труде под названием «Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991-1993 гг.»⁶. Парадоксально, но полемики о возможных фальсификациях окончательно не снимает даже полная публикация официальных итогов голосования, если не было полномасштабного контроля наблюдателей на избирательных участках от нескольких политических сил. что способно снизить уровень взаимных подозрений. Дискуссия о масштабах, методах и направленности фальсификаций остается на ближайшие годы одной из тем текущей политики и, вероятно, способна породить целое направление в изучении избирательной системы.

Таким образом, даже подобный краткий и неполный экскурс позволяет определить, что достоверность абсолютного большинства документов, имеющих отношение к современным избирательным кампаниям, может быть поставлена под сомнение. Объяснение этого политической подоплекой данного вопроса тем, что властные структуры любыми путями стремятся легитимизировать свое правление и добиться признания итогов выборов, а оппозиция изначально стремится эти самые итоги оспорить, некорректное и неполное, поскольку не учитывает важности стабильной и дееспособной избирательной системы для общества и государства. Скорее объяснение подобного кризиса доверия к работе института выборов является результатом откровенно слабой законодательной проработкой данного вопроса, тем, что многие отношения, возникающие между различными участниками избирательного процесса, не попадают в область действия правовых норм, а те, которые попадают, не имеют адекватной правоприменительной практики. «Формальная демократия» (термин Дмитрия Фурмана), частью которой является механизм выборов в условиях российского авторитарного политического режима не наполнена реальным демократическим содержанием.

Что касается перспектив исторического исследования современных избирательных кампаний, то здесь проявляется следую-

щая закономерность: несмотря на обилие фактического материала, поиск и отбор достоверных документов, выработка критериев и методов такого отбора является первоочередной задачей.

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ

Л.И. Сосковец

Периодическая печать, газеты уже давно отнесены к числу важнейших источников по новейшей истории общества, поскольку они содержат сведения, практически по всем разделам его жизнедеятельности. В этом убеждает и пример с темой «Религиозные конфессии Западной Сибири в 50-е гг.». Именно газеты этого периода позволяют глубже понять ту общественно-политическую, духовно-идейную атмосферу, в которой приходилось жить религии, церкви, верующим в нашей стране.

Как известно, правящая коммунистическая партия всегда рассматривала периодическую печать как эффективное оружие идеологического воздействия на население. Применительно к 50-м гг. газеты были основным средством массовой информации, находились в монопольном ведении партийных комитетов. В 1950-1955 гг. в Алтайском крае, Кемеровской, Томской, Новосибирской областях издавались 11 областных, 31 городс-

¹ Коммерсанть-DAILY-Сибирь. 1996. 20 дек.

²ГАНО. Ф. Р. 2085. Оп. 5. Д. 1. Л. 22.

³ Там же.

⁴ Кругов Александр, Камышев Виталий. «Контролируемая демократия» от Волги до Ангары//Яблоко Подмосковья. 1997. 22 окт.

⁵ Дикун Елена. Сигал Лев. Миллиарды для диктатуры электората // Общая газета. 1996. С. 8.

⁶ Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991-1993 гг. М., 1995.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 98-01-00370.

кая, 139 районных, 84 многотиражные газет. И всей своей многотиражной мощью они были направлены на решение одной из основных для правящей партии задач — полное искоренение религии. Проблема эта ставилась либо в откровенной форме, либо под видом воспитания научно-атеистического, материалистического мировоззрения трудящихся.

Антирелигиозная пропаганда на протяжении всего десятилетия была ведущей темой западносибирских газет. Наиболее убедительным способом «разоблачения» религии, по мнению «теоретиков» атеизма, считалось противопоставление на страницах печати научного и религиозного знания, использование для аргументации в споре с религией достижений естественных и технических наук. Чтобы привлечь внимание читателей, таким публикациям давались, как правило, броские названия: «Наука и религия о развитии общества», «Религиозные пророчества и научные предвидения», «Наука и религия о происхождении жизни на Земле» и т.п.

Не возражая, в принципе, против такой постановки проблемы, даже оценивая положительно пропаганду газетами научных знаний, следует заметить, что наука сама по себе не может добыть аргументов ни в пользу отсутствия бога, ни в пользу его бытия. Вера в божественное иррациональна, поэтому научное знание для верующего неубедительно, а иногда, наоборот, является подтверждением величия творца.

Критический анализ газетных публикаций за десять лет свидетельствует о том, что большая часть их отличалась поверхностно-примитивным подходом к явлениям жизни, связанным с религией, малоаргументированностью многих положений, относившихся к критике религии. Недостатки эти были присущи материалам как местных, так и столичных авторов.

Каковы основные приемы критики религии, которая велась на страницах сибирских газет?

Было не так уж много позиций, по которым «бичевался» этот «пережиток прошлого».

Прежде всего, по мнению тех, кто писал о религии, главный вред, который она наносила, заключался в общественно-политической пассивности верующих людей.

«Религия, — писал Ф. Селиванов на страницах «Красного знамени», — иссущает, калечит души людей, душит мысль, обедняет чувства». Не случайно его «опус» назывался «Религия —

враг счастья». Виновата в этом в том числе и религиозная мораль, которая, по мысли профессора А. Гагарина, «прививала чуждые советским людям моральные черты»¹.

В развенчании религиозной морали многие «теоретики» атеизма видели свою основную задачу. В статье кандидата философских наук В. Прокофьева (Москва) «О коммунистической морали», опубликованной по линии Пресс-бюро ТАСС во многих западносибирских газетах, религиозная мораль трактовалась исключительно как составная часть буржуазной морали. Более того, подчеркивал он, в империалистическую эпоху она (религиозная мораль) отражала настроения «наиболее реакционных, агрессивных слоев буржуазного общества»². «Насквозь лживой и лицемерной» назвал мораль верующих Н. Носович, один из авторов газеты «Советская Сибирь»³.

Откровенно о причинах неприятия нравственных норм религии высказалась Н. Антонова, частый автор антирелигиозных публикаций в алтайской печати. «Пропаганда всеобщей любви, — писала она, — притупляет революционную бдительность, мешает разоблачать вредную деятельность врагов государства». По логике Н. Антоновой, всякий верующий, исповеловавший эту библейскую заповедь, вольно или невольно помогал врагам государства⁴.

Среди наиболее распространенных аргументов в критике религии были ссылки на то, что «религиозное учение пропитано ненавистью к труду», что «религиозные книги полны самых мерзких ругательств в отношении женщин»⁵. При этом в газетных статьях не приводились ни цитаты из религиозной литературы, ни конкретные примеры из жизни религиозных организаций. Так что, скорее, это были не аргументы, а раз и навсегда взятые аксиоматические положения, не требовавшие, по мнению критиков религиозной литературы и вероучения, никаких доказательств.

Несостоятельны были обвинения в адрес религиозных праздников. «Используя их, — продолжала свою разоблачительную линию Н. Антонова, — чуждые элементы пытаются отвлечь трудящихся от важных дел, нанести ущерб народному хозяйству, ослабить мощь Советского государства». Вызывала заботу антирелигиозников и «непроизводительная трата» денег верующими, которые они отдавали в религиозные организации.

Чтобы у читателей не оставалось сомнений, в чем все-таки вред религии, многие примеры строились со ссылками на рели-

гиозные организации Запада. Особенно «доставалось» в этом католицизму. Вот названия нескольких газетных статей: «Ватикан на службе капитализма», «Ватикан — центр мировой реакции», «Ватикан на службе империализма», «Ватикан — гнездо реакционности и мракобесия», «Ватикан на службе Уолл-Стрита»⁷. Не богато лексически, зато очень красноречиво.

Сами заголовки газетных публикаций отражали содержательную направленность помещенного в них материала. Достаточно привести несколько примеров: «Свет против тьмы», «Религия и суеверия — это мракобесие и обман», «Цепи, сковывающие душу», «Они калечат наших детей», «Это приносит только вред», «Так они одурманивают людей», «Личина святош» и т.п.⁸

В газете «Знамя коммунизма» (Москаленский район, Омская область) только в течение одного месяца были помещены заметки с такими хлесткими названиями — «Черные дела святых людей», «С крестом и крестиком», «Ядовитые, как змен». Судя по заголовкам, нетрудно предположить, о чем писалось в таких материалах⁹.

Настрой на «воинствующий» атеизм в реальной практике попросту сводился к прямому оскорблению чувств верующих. Из корреспонденцию кочевали термины, рисовавшие черными красками не только религиозное учение, но и тех, кто его исповедовал: «мракобесие», «обман», «липкая паутина веры», «сборища верующих» и т.п.

Вместо спора с религиозной идеологией велось «разоблачение» деятельности служителей культа с помощью тенденциозно подбиравшихся фактов. Главной целью столь любимого редакциями многих газет жанра, как фельетон, было опорочить религиозных проповедников, показать их неискренность, корыстолюбие и тем самым поставить под сомнение дело, которому они служили. По всей вероятности, и среди служителей культа встречались недостойные люди. Известны, например, такие курьезные случаи. После того, как в беловской городской газете (Кемеровская область) была опубликована заметка, критиковавшая действия местного попа, церковный совет обратился в редакцию газеты с просьбой помочь подобрать им «хорошего» священника.

В одной из публикаций газеты «Советская Сибирь» была высказана критика в адрес священника из п. Колывань. Статью обсуждали на церковном совете, при этом критикуемый признал замечания газеты справедливыми и обещал исправиться¹⁰.

Ни в одной газете ни разу не было положительных отзывов о какой-либо религиозной организации, ее руководителях — только негативный материал. По мнению одного автора из томской молодежной газеты, все эти ксендзы (так почему-то обобщенно он обозначал всех священнослужителей), «занимались своим темным промыслом» (религиозной деятельностью) «не из любви к богу, а для личной наживы». Алтайская журналистка А. Крушина в заметке под недвусмысленным названием «Двуликие» писала о руководителях барнаульской общины бантистов, что они «ловят рыбку в мутной воле, живут за счет рядовых верующих». Она еще более резко высказалась о них, как о «наглецах», «обманщиках», «корыстолюбцах», «волках в овечьей шкуре»¹¹.

Корреспондентское пере было едким не только по отношению к руководителям религиозных организаций, но и к рядовым верующим, к описанию церковных обрядов, праздников.

Примером такого подхода может служить фельетон «В летаргическом сне», помещенный в газете томских комсомольцев. Его автор увидел у старушек, присутствовавших на службе, «постные лица кликуш», которые к тому же сидели, «вперив остекленелые глаза». В церкви «гнусаво завывала фистармония», «истерически всхлипывая, вторил ей церковный хор, певший о бренности земного существования»12. Такие, мягко говоря, некорректные материалы нередко содержали фактические и теоретические неточности. Так, автор В. Моисеев, рассказывая о том, как в одну из деревень Туганского района Томской области прибыл иеговистский наставник, назвал его ксендзом. «Свидетели Иеговы» не обозначают этим словом своих руководителей. Еще более невероятно заявление В. Монсеева, о том что на поклон к «ксендзу» якобы потяпулись не только неговисты, но и католики, баптисты, православные, даже кержаки. Такого, в принципе, не могло быть13.

Верующие люди, их мир, их жизнь, их чувства не были интересны партийной печати. Если о них и писали, то исключительно о тех, кто по каким-либо причинам отошел от религии. Не думается, что факты такого рода были сфальсифицированы, но то, что каждый из них использовался в качестве антирелигиозной «агитки», это безусловно. Так, во всех областных газетах были помещены открытые отречения от церкви кандидата богословия П. Дарманского, протоирея П. Скворцова, профессо-

ра Ленинградской духовной академии А. Осипова, перепечатанные из центральных изданий.

Постановлением Святейшего Синода от 30 декабря 1959 г. все перечисленные лица были извергнуть из священного сана и лишены всякого церковного общения, как «публично похулившие Имя Божис»¹⁴.

Надо признать, что подобные сообщения имели широкий читательский резонанс, равно как и апалогичные сообщения, сделанные на местном материале. Так, томская областная газета поместила статью «Под маской веры», в которой самым негативным образом оценивались религиозные группы «Свидетели Иеговы», действовавшие в Асиновском, Туганском, Зырянском районах. Продолжением темы стали подборки писем: «Мы узнали правду, поняли свои заблуждения», «С глаз спадает пелена» — в которых приводились примеры ухода иеговистов из своих общин¹⁵.

Заслуживает внимания и следующая тенденция. Из большого количества религиозных организаций, действовавших в 50-е гг. на территории Западной Сибири, внимания прессы «удостанвались» лишь некоторые конфессии, причем исключительно с точки зрения только негативных оценок.

Мало газеты писали о православной религии и церкви, об исламе и их последователях. Критика в их адрес сводилась к общим положениям о вреде и реакционности христианства, его обрядов и праздников. Гораздо больше «не везло» религиозным сектам и сектантам, причем представление о них было практически бескрайним. К сектантам могли отнести и старообрядцев, и лютеран, и католиков, и иудеев и т.п. Создается впечатление, что в то время для многих читателей и для пропагандистов атеизма понятия «верующий», «сектант», «баптист» были практически синонимами. А дальше в рассуждениях мог следовать такой смысловой ряд: отсталые, заблудшие, обманутые, или: реакционеры, мракобесы, изуверы, антисоветские элементы, враги.

Как показывает анализ опубликованных материалов, многие их авторы или вообще не разбирались в особенностях вероучения и культа того или иного религиозного направления, или не считали эти особенности принципиальными в силу общего негативного восприятия веры. Даже специалисты по атеизму нередко допускали неточности. Так, руководитель лекторской группы Томского ОК КПСС в статье «Сектантство и его идео-

логия» назвал старообрядческую церковь сектой, а про пятидесятников написал, что они «отличаются от баптистов лишь большим изуверством»¹⁶.

Из сектантских организаций газеты более всего «бичевали» бантистов (одну из самых лояльных и спокойных конфессий), пятидесятников, истинно-православных христиан и, как уже отмечалось, Свидетелей Исговы.

Что касается трех последних, то тут воинствующих атейстов еще как-то можно понять. Целый ряд положений вероучения и исповедальной практики этих организаций (отказ от паспортов, прописки, службы в армии, изолированность от окружаюшего мира) и сегодня у многих вызывают неприятие, не говоря уже о людях той поры, воснитанных советской системой. Газеты поддерживали эту неприязнь, подбирая соответствующие факты. Например, газета «Алтайская правда» в публикации «Шарлатаны и изуверы под маской «братьев во Христе» (чего стоит одно название!) поведала о суде над руководителями истинно-православных христиан г. Рубцовска, которых уличали во враждебном отношении к советской власти, антисоветских действиях, в том, что они не занимались общественно-полезным трудом. Подобные обвинения были излюбленными в антирелигиозной пропаганде в 50-е гг. Завершала газета неприглядное описание ИПХ сообщением, что сектанты избивают своих детей, занимаются развратом¹⁷.

Аналогичными красками была обрисована деятельность секты пятидесятников г. Тюмени. Спецкорреспондент областной газеты в репортаже «Из зала суда...» писал: «Сектанты смотрят на наш сегодняшний день из подворотни своего темпого мирка, они видят только наши трудности и не хотят замечать побед. Они, как вороны на падаль, слетаются на несчастье человека, подкарауливают, когда он оступился, чтобы, ослепленный болью, он принял протянутые ему силки за руки помощи». Был напечатан и приговор общественного суда: «просить следственные органы привлечь к уголовной ответственности руководителей нелегальной секты пятидесятников...; возбудить перед народным судом ходатайство о лишении родительских прав...; считать невозможной дальнейшую работу... в медицинском учреждении; вынести строгий общественный выговор...» 18. Перечисленные решения включали в себя практически весь возможный реестр наказаний, который применяли к верующим (и не только запрешенных организаций) в 50-е гг. Добавим сюда тот масштабный общественно-негативный резонанс, который имели подобные публикации газет, по сложившейся советской традиции широко обсуждавшиеся в трудовых коллективах на разного рода собраниях, читках, политинформациях.

Если учесть, что для большинства нерелигиозных людей верующие были все на один лад, то можно представить, какая обстановка создавалась вокруг последних.

Приведенные выше факты дают лишь малое представление о мире повседневности, в котором приходилось жить верующим почти всех конфессий. Мира объективной реальности, не зависящего от них, по-прежнему жестокого и мрачного для религиозных людей.

А обращение к газстам важно не только потому, что они помогают воссоздать этот мир, но и потому, что газеты этого периода принимали самое деятельное и живое участие в его формировании.

¹ Красное знамя, 1959, 21 окт.

² Гагарин А. Происхождение и классовая сущность христианства // Тюменская правда. 1954-16 июля.

³ Кузбасс, 1954, 27 авг. Советская Сибирь, 1956 16 нояб.

⁴Алтайская правда. 1957. 11 июня.

⁵ Алтайская правда, 1952. 5 фев., Кузбасс, 1954. 2 сент.

⁶ Алтайская правда. 1957. 11 июня., Кузбасс. 1954. 11 авг.

⁷ Омская правда. 1950. 18 июня; Ударник Кузбасса (Прокопьевек). 1953. 8 дек.; Тюменская правда. 1954. 16 янв., 10 июля, 14 авг.

^в Кузбасс. 1954. 10 окт.; Молодой ленинец (Томск). 1954. 5 сент.; Молодой сталинец (Омск). 1958. 12 сент. Омская правда. 1959. 15 сент., 30 сент., 12 дек.

⁹Знамя коммунизма. 1959. 26 июня, 19 июля.

¹⁰ ГАКО. Ф. 4. Оп 7. Д. 357. Л. 17; ТНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1975. Л. 29.

¹¹ Молодой денинен, 1957, 27 окт.; Алтайская правда, 1958, 15 июля,

¹² Молодой ленинец 1954, 21 февр.

¹³ Молодой ленинец. 1957. 27 апр.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 6991e. On. 2. Д. 228. Л. 2.

¹⁵ Красное знамя. 1957. 6 окт., 1959. 29, 31 окт.

¹⁶ Красное знамя. 1959. 24 апр.

¹⁷ Алтайская правда. 1959. 21 авг.

¹⁸ Тюменская правда. 1959. 12 дек.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. СЕВЕРСКА)

В.Г. Зыкова

В конце марта 1999 г. ближайший сосед г. Томска и второй в области по численности населения город — Северск отметил свое пятидесятилетие. Долгие годы завеса секретности надежней колючей проволоки отделяла его от внешнего мира. Лишь в начале 90-х гг. информационная блокада была снята. Закрытый город получил открытое название, а на страницах томских газет появились сообщения о его общественной и культурной жизни. Но легкую ознакомительную информацию вскоре потеснили тревожные выступления на экологическую тему, которые после известной аварии на СХК в апреле 1993 г. приобрели характер массированной атаки на ядерный комплекс, да и город в целом. В ответ на натиск зеленых экстремистов Северск. отстаивая свое право на достойное прошлое, настоящее и будущее, занял круговую оборону. Стороны в пылу полемики обрашались к фактам из прошлого, не особенно заботясь об их достоверности. В столь обостренной ситуации трудно было рассчитывать на объективность оценок.

Тогда же, в начале 90-х в самом Северске почти одновременно стали выходить две газеты. На их странипах тоже сталкивались мнения о настоящем и пережитом, завязывались дискуссии, но тематика их была иной. Горожан серьезно занимали сюжеты, связанные с выбором места для строительства комбината, причастностью Берии к судьбе города, использованием на строительстве заключенных вообще и политических, в частности, столкновении между военнослужащими МВД и общевойсковых частей и т.п. Интерес к прошлому города, территории, на которой он расположен, подхлестнули следовавшие друг за другом празднования 40-летия Управления СПАО «Химстрой», комбината и города. Городская печать, стремясь удовлетворить потребность населения в историческом самопознании, обращалась к воспоминаниям свидетелей событий, единственным критерием оценки достоверности которых служил социальный статус авторов.

Совпадение во времени подъема общественного интереса к истории и приоткрывшегося вследствие демократизации досту-

па к подлинным документам сделали возможным начало изучения предпосылок появления и истории становления г. Северска. Основной массив документальных источников сосредоточен в трех ведомственных архивах, расположенных на территории города: городской администрации. Управления строительства и СХК. Каждый их них, соответственно принадлежности, собрал и хранит материалы, которые в совокупности позволяют воссоздать довольно цельное историческое полотно.

В относительно небольшом по количеству единиц хранения фонде горсовета и горисполкома (Ф. 1) архива городской администрации отложились материалы начиная с 1954 г., т.е. со времени обретения заводским поселком статуса города и создания органов городской власти. С учетом происхождения и характера документов фонд подразделяется на 3 описи: горсовета, горисполкома и переписки последнего с министерством. В нем практически полностью отложились протоколы, решения, постановления сессий горсовета, материалы по подготовке выборов нового состава депутатов, доклады мандатных комиссий, отчеты депутатских комиссий и групп. Довольно полно представлены протоколы заседаний и постановления горисполкома, его отделов, ответственных за функционирование структур социального, бытового, культурного жизнеобеспечения, дающие представление о взаимоотношениях городской власти с администрацией градообразующего предприятия и центром.

Большой интерес для воссоздания истории строительства города и комбината представляет фонд документов по основной производственной деятельности (Ф. 2) архива Управления СПАО «Химстрой». В нем собраны приказы и распоряжения начальников строительства и министерства, акты приёма-сдачи, составленные при смене ведущих руководителей предприятия, и протоколы технических совещаний, сводные годовые планы работ и сводные годовые бухгалтерские отчеты по основным показателям, переписка с Главпромстроем, Главками, Томским обкомом и облисполкомом, докладные записки и отчеты по производственным, финансовым, кадровым, режимпым вопросам и мн. др. Многообразие видов, полнота и хорошее состояние документов архива дают возможность проследить процесс создания и развития крупной строительной организации, являющийся неотъемлемой частью истории города.

Документы фонда основной производственной деятельности (Ф. 1) архива СХК по видам аналогичны материалам одноименного фонда архива СПАС «Химстрой». Они отложились в строгой хронологической последовательности начиная с 1951 г., когда началось делопроизводство заводоуправления, и по мере формирования отделов ежегодный объем их быстро нарастал. Отражая всеобъемлющую роль комбината в появлении Северска, функционировании всех служб его жизнеобеспечения, особенно в первое десятилетие существования, документация архива СХК вобрала информацию, касающуюся не только строительства, производственной деятельности, кадров, социально-бытового обслуживания самого предприятия, но и города в целом.

Соответственно делопроизводству, которое велось параллельно на разных уровнях режимных требований, лишь малая часть документов изначально не имела грифа секретности. Они составили одну опись и хранятся в несекретном бюро фондов архива. Остальные материалы, разделенные на несколько степеней закрытости, на многие десятки описей этого фонда и весь фонд Управления капитального строительства комбината (Ф. 2) составили бюро фондов закрытого хранения. В 1995-1996 гг. была проведена большая работа по пересмотру материалов на предмет снижения грифа секретности за истечением срока давности. Часть дел Ф. 1 и весь фонд УКСа до 1962 г. были рассекречены, что сделало возможным изучение этих материалов и вывод о более высокой информационной ценности документов имевших гриф секретности. Даже приказы директоров предприятия, вызванные одной и той же причиной, в несекретном их варианте лаконичней, суше, хуже поддаются установлению причинно-следственной зависимости и вплетаются в канву событий.

К сожалению, с большинства наиболее интересных, если судить по названиям дел, документов фонда гриф секретности не был снят. Приходится надеяться на новую волну рассекречивания, которая позволит познакомиться с перепиской по научным и технологическим вопросам, актами приема-сдачи при смене директоров и проверки отдельных объектов, а особенно пояснительными записками к годовым отчетам по основной деятельности. На сегодняшний день, вопреки доступности сведений о численности стоящих на вооружении и подлежащих уничтожению единиц ядерного оружия, требования инструкций по проведению рассекречивания архива таковы, что достаточно

упоминания в пухлом деле данных о потреблении заводом воды или электроэнергии, позволяющих специалисту вычислить количество произведенной 40-50 лет назад конечной продукции, чтобы обеспечить ему особый режим хранения.

В наибольшей степени засекреченность документации, по понятным причинам, присуща СХК, в наименьшей - городской советской власти. Но и там, как правило, не вносились в общий протокол, а потому не отложились в архиве доклады и решения по вопросам, касавшимся обеспечения охраны и безопасности, проведения учений гражданской обороны, состояния правопорядка и др. Остаются недоступными для исследователя результаты Всесоюзной переписи населения 1959 г., хотя материалы о ее подготовке, инструкции об особых требованиях к заполнению переписных листов, даже списки поощренных за хорошую работу переписчиков представлены в полном объеме. Поиск информации порой приводил и неожиданным находкам. Так, сведения о демографической ситуации были обнаружены в проектном задании по градостроительству в головном научном институте. В подобных случаях достоверный источник нередко вынужденно остается конфиденциальным.

Однако особенность комплексного изучения истории закрытого города далеко не исчерпывается засекреченностью значительной части архивных материалов. В той или иной мере с подобным явлением приходилось сталкиваться большинству исследователей советского периода отечественной истории. Специфика являвшегося государственной тайной основного производства заставляла умышленно и весьма успешно «секретить» даже косвенно связанную с ним документацию, делая ее понятной лишь для причастных к делу лиц. Неоднократно менялись названия и номерные обозначения самого комбината, составляющих его заводов, смежных предприятий отрасли, проектных институтов, Управления строительства, политотделов, объединенных профсоюзных комитетов, даже школ города. Разумеется, что «переводных таблиц» для идентификации предмета обозначения исследователю не может быть предложено. Подмена понятий «завод», «контора», «производство», «цех», «объект», определения с указанием лишь фамилий руководителей цехов, строек, комбинатов, главков, институтов и пр. делают порой хороший машинописный текст документа непронипаемым.

С 1954 г. Министерство среднего машиностроения, чтобы засекретить ученых и руководителей отрасли, в переписке намеревалось ввести условные фамилии: Малышев-Волгин, Ванников-Львов, Завенягин-Ларионов, Славский-Демидов, Курчатов-Крымов, Харитон-Ковалев и т.д., но широкого распространения на практике псевдонимы не получили. Несмотря на то, что требование о применении условных цифровых обозначений исходных, промежуточных, конечных продуктов производства и показателя уровня их радиоактивности исполнялось лишь в узкоспециальной документации2, встретить упоминания о присутствии делящихся материалов невозможно. Их названия подменялись либо другими элементами (уран-олово), либо уводились от конкретного содержания общими понятиями: «материал», «продукт», «изделие» и пр. В том и другом случае, создавая дополнительный барьер для понимания, способ лостигал цели.

Достаточно возможностей для использования «эзопова» языка имелось при характеристике строительного производства. Из актов сдачи строительства одним начальником другому можно в деталях узнать о глубине котлована здания, количестве вынутого грунта, уложенного кирпича и бетона в конкретных осях опор, но самостоятельно вычислять, какой именно объект скрывается за проектным номерным обозначением «корпусов» и «зданий». Не дают ответа на этот вопрос приказы о завершении работ, создании приемочных и пусковых комиссий. За буквенными обозначениями скрывались строительные площадки и промзоны.

Первое десятилетие своей истории стройка, комбинат, а вместе с ними город жили не по госплановским «пятилеткам». Высокие темпы развития не вмещались в рамки перспективы на пятилетие. Спрессованное время задавало ритм ежегодного планирования. Соответственно ему не была отягощена какими-либо обобщениями и масштабными сопоставлениями отчетная документация. Этот труд приходится брать на себя исследователю. Положение стало меняться с началом «семилетки», но внедрялось робко и касалось главным образом городского хозяйства.

Отличительной чертой ведомственных архивов являются расхождения в оценках и количественных показателях, особенно значительных при характеристике уровня социального развития, жилищного обеспечения, городского благоустройства. В

локладах городской власти, как правило, состояние жизненно важной для населения сферы предстает в менее выгодном свете, чем в отчетах строителей, чьими руками блага создавались. Эта, вполне объяснимая несовпадением интересов заказчика и исполнителя, ситуация вызывает удивление потому, что хозяином того и другого выступало одно министерство, куда в конечном итоге стекалась вся информация. Было бы логично в роли арбитра во вопросам строительства воспринимать УКС, но и в его документации есть внутренние противоречия. Критерием достоверности данных о социально-бытовой обустроенности города могут служить материалы фондов объединенных профсоюзных комитетов стройки и комбината, доклады на отчетно-перевыборных конференциях и особенно выступления рядовых делегатов, примерявших услышанное с трибуны к собственной жизни.

Реальный путь приближения к объективности проходит через критический анализ всех видов источников. Полная закрытость материалов архива Министерства среднего машиностроения и Главпромстроя, засекреченность значительной части исторически ценной информации в ведомственных архивах сегодня не позволяет ликвидировать все «белые пятна» в прошлом Северска. Но сопоставления уже доступных документов разного происхождения и воспоминаний ветеранов дают возможность найти «ключ» к «шифру», нашупать скрытую связь в цепи событий, восстановить цельную картину.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРОЖНОГО ОТДЕЛА ТОМСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА. 1944-1965 ГГ.)

В.А. Бузанова

Создание непредвзятой и соответствующей действительности истории предприятий советской эпохи зависит от многих факторов, но в первую очередь от источниковой базы. С количе-

^{&#}x27;Архив СХК. Ф. І. Оп. 17. Д. 31. Д. 3.

² Там же. Оп. 4. Д. 12. Л. 156.

ственной стороны делопроизводственное документы советских предприятий и организаций не вызывают никаких нареканий. Они представляют, как правило, общирный конгломерат материалов. Так, документальная основа Дирекции дорожного фонда и автомобильных дорог, начавшая формироваться в 1944 г. с созданием областного дорожного отдела, превышает тысячу томов. В них сосредоточены самые разнообразные сведения о дорогах и дорожниках, строительных механизмах и машинах, об отнощениях с областным начальством и министерством, о планах работ и их выполнении и т.п. Тем не менее не все этапы существования и деятельности организации отражены в документах равномерно, с одинаковой полнотой. Данные о функционировании предприятия в сороковые годы незначительны и малоинформативны. Причиной этому послужило не отсутствие активной деятельности, а плохая сохранность документов. Например, не вызывает никаких сомнений факт, что до 1951 года только областных совещаний дорожников было два, но сохранилась стенограмма только третьего, проходившего в мае 1951 г., нет даже бухгалтерских отчетов за 1944-1947 гг., хотя они наиболее полно представлены в фондах организации, хранящихся в государственном архиве Томской области. Сведения о деятельности дорожников в 1941-1965 гг. не превышают четверти всего комплекса документов предприятия, и они менее информативны и разнообразны, чем материалы более позднего периода. К примеру, данные о работе автомобильного транспорта и дорожных машин, о профессиональном и квалификационном составе дорожников, их численности, о рационализаторском движении, несчастных случаях для 40 - 60-х гг. являются случайными, единичными тактами, а в последующие годы они формируются в ежегодные отчеты: статистические отчеты о травматизме, о работе с кадрами и т.п.

Значительная часть делопроизводственной документации дорожного отдела, впоследствии несколько раз менявшего названия (управление дорожно-транспортного хозяйства, управление автомобильного транспорта и шоссейных дорог, управление строительства и ремонта автомобильных дорог, управление по строительству и эксплуатации дорог «Томскавтодор», дирекция дорожного фонда и автомобильных дорог), относится к организационно-распорядительной. Это решения, резолюции, распоряжения, наказы, приказы, инструкции. Самым беспристрас-

тным источником можно считать инструкции, в частности, чаще всего встречающиеся инструкции по охране искусственных сооружений. Эти документы, помимо правил охраны мостов и труб, которые изменялись вместе с техникой строительства и оснащенностью механизмами дорожных организаций, содержат сведения о типах искусственных сооружений и инструментах, которыми располагали дорожные эксплуатационные службы.

Приказы начальника управления, хотя и отражают положение дел в производстве, несут отпечаток его личности. В приказах 1944-1947 гг. явственно проступает дифференцированное отношение к подчиненным. Например, в приказе № 100 от 15 октября 1945 г. доминирует личная неприязнь С.Л. Боярко к главному инженеру В.С. Потапович. Анализ приказов позволяет выявить уязвимые места в производственной деятельности дорожного отдела и подведомственных организаций, увидеть способы, к которым прибегали для разрешения возникавших проблем. Сопоставление официальных распоряжений начальников управления за ряд лет указывает на изменение стиля руководства, приоритетов. Приказы, хотя и позволяют ощутить ритм, но не в состоянии отразить реальную жизнь предприятия во всей ее полноте. К тому же с течением времени непосредственный и непринужденный стиль приказов 40-50-х гг. сменяется официальным и штампованным языком конца 60-х гг. Пожалуй, только стенограммы совещаний дорожников да докладные записки начальников районных дорожных отделов приближают наблюдателя к действительности. К сожалению, документы итого вида столь редки, что не позволяют представить процесс в динамике. В полной мере это относится и к протоколам профсоюзных и партийных собраний первичных организаций, которые позволяют увидеть проблемы производства глазами очевидцев. Отражают эти документы и приметы времени. Например, в годы активной борьбы коммунистической партии за здоровый быт усиливается стремление к искоренению пьянства как в быту, так и на производстве, что ярко отражено в протоколах партийных собраний МДС-66.

Сведения, получаемые из текущей переписки с министерством, позволяют разобраться в некоторых проблемах, стоявших перед дорожниками. В частности, выявить полную зависимость регионов от метрополии, когда даже горючесмазочные материалы можно было получить только по разнарядке из центра. До-

рожные участки и отделы не имели права приобрести на стороне необходимые материалы, например рукавицы или гвозди, даже при их полном отсутствии у областного Дорснаба.

Заметную группу источников представляет плановая документация: стройфинпланы, перспективные планы развития производства, планы по труду, капитальному строительству и т.п. Их значимость раскрывается в сравнении с отчетными материалами. Но если отчеты по финансовой, хозяйственной и производственной деятельности достаточно представительны, то по штатам, кадровой политике не раскрывают в полной мере положение дел в организации. Практически за каждый год имеются только бухгалтерские отчеты. Однако для детального ознакомления с ними необходимы специальные знания, а пояснительные записки к ним менее подробны, хотя и содержат, как правило, сведения о протяженности дорог, типах покрытий, количестве искусственных сооружений, о характере и видах работ на дорогах. Но в них, как и в самих отчетах, отсутствуют сведения о работе отдельных дистанций, классах дорог и типах искусственных сооружений. И кроме того, пояснительные записки при всех попытках государства к унификации и стандартизации делопроизводственной документации, составлялись произвольно. И если в 40 - 50-е гг. они более-менее подробны, то в последующие годы скупы и схематичны. Правда, ограниченность сведений пояснительных записок в бухгалтерских отчетах 60-х гг. можно компенсировать данными из переписки и справок о дорожном строительстве. В справках в концентрированном виде сообщается о состоянии дорог, протяженности, нуждах дорожников. Иногда в них встречаются исторические экскурсы, что увеличивает их источниковедческую значимость. Однако недостаток пояснительных записок заключается в отсутствии возможности сравнения производственных процессов по всем параметрам. Так, например, в отчете за 1962 г. есть данные о количестве автомашин и дорожных механизмов, а за 1963 г. их нет, хотя дается характеристика дорожного покрытия, отсутствующая в объяснительной записке за предыдущий год, и т.п.

Из документов, освещающих производственные проблемы, практически невозможно выяснить повседневные нужды строек, потребности рабочих и служащих дорожных организаций. Но при всех недостатках делопроизводственной документации, она дает представление о дорогах, дорожных машинах и меха-

низмах, основных направлениях строительства, ремонта и реконструкции автогужевых дорог, планах работы эксплуатационников и строителей и их выполнении. Болсе скупо представлены штаты, незначительно профессиональный и квалификационный состав, практически нет сведений о соотношении постоянного и сезонного труда, а также о сферах применения труда сезонников, незначителен комплекс документов, касающихся вопросов заработной платы дорожников и форм доплаты к основному заработку, скуден набор личных дел дорожников 40 -60-х гг. Данные о передовиках и новаторах производства схематичны, характеристики скупы и формальны, не дают представления ни о человеке, ни о его труде. Условия труда и быта не отражены, мимоходом в стенограммах совещаний и протоколах профсоюзных и партийных собраний говорится о сложных условиях работы в поле. Нет данных ни о бюджете рабочего времени, ни о питании, которое могло бы много сказать не только о культуре, социальном положении индивидуума, но и о социальных и экономических условиях в стране. В документах встречаются небольшие замечания о жилищных условиях дорожников, хотя это одно из важнейших условий материального положения. Ф. Энгельс совершенно справедливо замечал, что «то, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мерилом того, как удовлетворяются все остальные потребности...»¹.

И самое главное, из имеющихся документальных материалов практически невозможно восстановить облик строителя дорог, его «неповторимое лицо», которое складывается, по мнению специалистов, не только из жизненно-бытового уклада, но и его психологии, морали, культуры. Поэтому для реконструкции прошлого дорожников и дорожного строительства необходимо использовать не только объективные доказательства, представленные в делопроизводственных документах, но и субъективные свидетельства — частные письма, мемуары, семейные архивы. Использование в комплексе всех возможных сведений позволяет расширить наше представление о прошлом. Чем шире и разнообразнее комбинация исторических источников, тем ближе к действительности выводы исследователя.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 302.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Шмыглева

Основы государственной экологической политики в СССР были заложены в 1917-1920-х гг. В этот период было издано около 100 декретов природоохранного содержания, направленных на сохранение и рациональное использование окружающей среды, её изучение и охрану. Охрана природы понималась прежде всего как изъятие из пользования некоторых видов природных ресурсов, создание заповедных и заказных территорий,

Крупномасштабное загрязнение окружающей среды в нашей стране началось в результате форсированной индустриализации в 20-30-е гг. и нарастало по мере увеличения объема и усложнения технологии производства. Однако вплоть до 1960-х гг. угроза экологического кризиса не отражалась в сознании общества. Производственно-технические решения принимались исходя из идеи о том, что природные ресурсы неисчерпаемы и природа все стерпит.

В конце 1960-х в экологической политике СССР произошли изменения, связанные с НТП. Рост промышленного производства позволил выделять значительные средства на рациональное использование природных ресурсов. Однако меры по совершенствованию природопользования носили характер дополнений к хозяйственной деятельности без учета интересов окружающей среды.

Традиционный подход к экологическим проблемам сохранялся до 1980-х гг. За этот период были сделаны некоторые шаги в сфере совершенствования природоохранного законодательства и управления, произошло некоторое улучшение состояния окружающей среды по отдельным показателям. Однако влияние ряда факторов социального, экономического, политического характера привели к предкризисному состоянию окружающей среды, а в конечном итоге, и к общему кризису в стране.

Переоценка статуса и роли экологической политики в СССР связана с общей концепцией обновления и перестройки, которая появилась в 1985 г. В этот период произошло осознание глобального характера экологических проблем, вставших перед человечеством, в связи с чем появились новые подходы и спосо-

бы решения проблем охраны окружающей среды. В частности, в 1986 г. были намечены меры по «экологизации» общественной жизни. Главной составляющей экономики была провозглашена «гармонизация взаимоотношений человека и природы».

Первые результаты перестройки экологической политики были обнадеживающими. На природоохранные мероприятия было израсходовано 40 млрд. руб., при росте производства выбросы вредных веществ сократились, были построены и введены в действие очистные сооружения на предприятиях цветной и черной металлургии, химическом и другом производстве. Кроме того, были установлены нормативы использования природных ресурсов и плата за них, нормы предельных концентраций для вредных веществ, проведен ряд мероприятий природоохранного характера.

Середина 80-х гг. стала началом новых взаимоотношений человека и природы. В качестве первоочередных задач были выдвинуты интенсификация экономики, отказ от традиционных затратных и экстенсивных форм её развития, переход промышленности на замкнутые циклы производства с максимальной утилизацией промышленно-бытовых отходов, использование опыта промышленно развитых стран. Не менее важной задачей было изменение системы управления экологической политикой и формирование новой стратегии экономического развития.

В целом, к началу 90-х гг. были достигнуты значительные результаты:

- -заложена законодательная база в области охраны природы и рационального природопользования;
 - -создана система природоохранных органов;
- -сформированы экономические механизмы охраны окружающей среды;
- -развита сеть охраняемых территорий, заповедников и заказников;
 - -расширено международное сотрудничество;
- -расширен доступ к экологической информации, в связи с чем выросла активность общественности.

В то же время пассивность министерств и ведомств, недостаточность мер по оздоровлению санитарного состояния ряда городов страны, тяжелая экологическая ситуация на Арале, Ладоге, Волге, в Кузбассе, Нижнем Тагиле, Череповце и ряде др. районов не позволили кардинально улучшить положение.

В последние годы проблемы охраны окружающей среды в России имеют особое значение. Это связано с кризисной экологической обстановкой в ряде регионов, ухудшением общего состояния окружающей среды, а также с огромными экологическими ресурсами страны. Ситуация осложняется глубоким экономическим кризисом, острым дефицитом финансов, повсеместным хищническим использованием природных ресурсов. В целом, по оценкам специалистов, загрязнение окружающей среды стало представлять угрозу национальной безопасности. Воздействие человека на окружающую среду превысило допустимые пределы и у нас осталась одна возможность — переход к устойчивому развитию. В 1992 г. делегация России принимала участие в работе международной конференции по окружающей среде и развитию, в результате была разработана стратегия национального развития Российской Федерации — «Повестка дня для России на XXI век», основанная на принципах устойчивого развития.

Концепция устойчивого развития включает в себя ряд стратегических задач, главной из которых является глубинное преобразование всех социальных структур и сознания человека. Наша страна имеет необходимый потенциал для того, чтобы принять участие в планетарном процессе перехода человечества к устойчивому развитию.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР

А.В. Шмыглева

Основы государственной экологической политики СССР были заложены при возникновении государства, в 1917 - 20-е гг. Многие правительственные документы, принятые в этот период, направлены на сохранение и рациональное использование природных ресурсов, борьбу с бесхозяйственным отношением к природе, на охрану земли, лесов, вод, памятников природы, регулирование охоты, рыболовства и т.д.

Социалистическая экологическая доктрина была основана на марксистско-ленинском учении о взаимодействии человека и природы. Она « исходит из... возможности познания законов

развития природы, необходимого их учета и использования в практической деятельности на базе общественной собственности на средства производства и планомерном ведении хозяйства в интересах всего общества»¹. Долгое время в СССР считалось, что земля, ее недра, воды и леса находятся в исключительной собственности государства и являются общим достоянием всего советского народа. Об этом свидетельствуют первые декреты «О земле», «О недрах», «Об управлении лечебными местностями общегосударственного значения», суть которых — национализация средств производства, государственное управление и контроль за ними. Всего в этот период было издано около 100 декретов природоохранного содержания.

В 1925 г. ЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение», в 1930 г. было принято постановление «Об охране и развитии природных богатств РСФСР». Постановление «Об охране лесов в водоохранной зоне» (1936 г.) направлено на сохранение рек и лесов и обеспечение благоприятного водного режима.

В годы индустриализации и первых пятилеток вопросы использования природных ресурсов рассматривались с точки зрения ускорения темпов экономического роста, а проблема их охраны откладывалась на более поздний срок. Экологические последствия принимаемых хозяйственных решений в этот период не рассматривались, при размещении производственных объектов на территории страны не учитывались интересы сохранения среды обитания. Эффективность природоохранной деятельности снижалась не только из-за ее расхождения с общественными потребностями и сложившимся экономическим механизмом, но и в результате упрощенного понимания ее сущности и задач. Охрана природы понималась прежде всего как изъятие из пользования отдельных видов природных ресурсов, создание заповедных и заказных территорий².

Работа по сохранению отдельных видов природных ресурсов продолжалась после окончания Великой Отечественной войны. Уже в 1946 г. было принято постановление «О лесовосстановительных работах на территории РСФСР». Определенную роль в сохранении природы нашей страны сыграли мероприятия по созданию системы крупных защитных лесных полос для предохранения от разрушения почвенного покрова По-

волжья, Северного Кавказа, центрально-черноземных областей и других районов европейской части СССР.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в 30 - 40-е гг. в сфере природопользования, необходимо учитывать ряд субъективных и объективных факторов. Специфика развития страны в годы первых пятилеток, во время войны и послевоенный период диктовала необходимость быстрых решений без учета экологических последствий. Хорошая обеспеченность страны ресурсами, а также ее огромные масштабы мешали осознанию экологических последствий непродуманного хозяйствования, порождали веру в безграничность природных ресурсов. Кроме того, в этот период в общественном сознании стало проявляться иждивенческое отношение к природе, что явилось следствием необоснованных установок на безгоглядное «покорение природы», командно-административных методов решения сложных проблем, связанных с окружающей средой.

В 50 - 60-е гг. экологическая политика в СССР претерпела изменения, связанные с НТП. Стремительное развитие промышленности, химизация сельского хозяйства, рост городов стали сказываться на экологии ряда регионов СССР. Особенно тяжелая ситуация сложилась в промышленных районах центральной зоны европейской части Советского Союза, Украины, Урала; отдельные районы или природные комплексы (например, Арал) превратились в зоны экологического бедствия. В итоге правительству пришлось уделять больше внимания вопросам охраны природы, совершенствовать законодательство, увеличивать финансирование, создавать новые структуры.

Несмотря на активизацию природоохранной деятельности, экологическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. Вплоть до 1977 г. природные ресурсы юридически считались общенародным достоянием, а не государственной собственностью. Поэтому ущерб, который наносился природе, не считался ущербом государству.

Рост промышленного производства, которое в десятки раз превзошло уровень начала века, позволил выделять значительные средства на рациональное использование природных ресурсов. Но приоритет по-прежнему отдавался промышленному росту: сначала решались задачи увеличения производства, а когда обнаруживались разрушительные последствия производственной деятельности, возникала необходимость решения задач по

охране природы. Попыткой установления контроля за состоянием окружающей среды и проведением работ по всем направлениям природоохранной деятельности явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов», в котором предусматривалось создание общегосударственной службы наблюдения и контроля за уровнем загрязнения атмосферы, почвы и воды.

Однако эта служба не имела реальной возможности изменить ситуацию, так как, во-первых, она была плохо оснащена технически, что приводило к получению недостоверной информации; во-вторых, полученные данные о состоянии природной Среды предназначались только для служебного пользования и не доходили до широкой общественности; в-третьих, ее деятельность ограничивалась интересами ведомств— природопользователей.

Дальнейшие меры по совершенствованию природопользования по-прежнему носили характер «дополнений» к хозяйственной деятельности. Под экологической политикой понималось «расширение природоохранных мероприятий и экстенсивный рост природоохранной деятельности»³.

Традиционная постановка природоохранных задач сохранялась в СССР до 80-х гг.. За этот период были сделаны некоторые шаги, которые оказались положительными для природопользования. В частности, охране природы посвящены отдельные статьи в Конституции СССР 1977 г., Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик (1977 г.), постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» (1978 г.), законы об охране атмосферного воздуха и об охране и использовании животного мира (1980 г.), ряд других постановлений и законодательных актов. Природоохранное законодательство и управление совершенствовалось, наряду с Государственным комитетом СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды в 1981 г. была создана специальная Комиссия Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

В 11-й пятилетке финансирование природоохранных мероприятий увеличилось до 43 млрд. руб⁴. В этот период проводи-

лись научные исследования по проблемам охраны природы, осуществлялось восстановление земель, лесов и т.д. В борьбу за охрану окружающей среды включились деятели литературы и искусства, ученые и активная часть населения.

В итоге произошло некоторое улучшение экологической ситуации в стране по отдельным показателям. В 11-й пятилетке, несмотря на продолжающийся рост производства, выброс опасных веществ в атмосферу от стационарных источников сократился на 3 млн. т. Уровень улавливания и обезвреживания вредных отходов производства составил в 1985 г. 76,9 %. Сократился сброс сточных вод. В результате мероприятий по сохранению животного мира численность основных охотничье-промысловых видов стабилизировалась. Каждый год восстанавливалось 2 млн. га леса. За счет применения биологического метода защиты растений в сельском хозяйстве снизилось количество химикатов.

В целом к середине 80-х гг. была проделана значительная работа в области охраны окружающей среды: сформулированы принципы экологической политики, которые содержались в Программах КПСС, решениях съездов, Конституции СССР, ряде законодательных актов и постановлений; создана система природоохранных органов и служб, среди которых Комиссия по охране природы в Верховном Совете СССР, Комиссия Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, Отдел охраны природы в Госплане СССР, Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, а также специальные отделы в министерствах здравоохранения, сельского хозяйства, мелиорации и водного хозяйства, рыбного хозяйства и т.д.

Несмотря на масштабность предпринятых в СССР мер, серьезные экологические проблемы продолжали нарастать. Этому способствовал ряд факторов: сравнительно высокий уровень обеспеченности страны природными ресурсами, административно-командный стиль руководства, расточительная эксплуатация ресурсов, отсутствие заинтересованности производителей в охране окружающей среды, неэффективное использование средств, отсутствие научной разработки хозяйственных решений, низкая экологическая культура руководящих работников и рядовых граждан и т.п.

Все эти факторы в их совокупности привели к общему предкризисному состоянию окружающей среды, а в конечном итоге и к общему кризису в стране. В начале 90-х гг. стало ясно, что коренного улучшения не произошло, наоборот, загрязнение окружающей среды в последние годы стало представлять угрозу национальной безопасности.

ИСТОРИЯ С «ОШИБОЧНЫМИ РЕЦЕНЗИЯМИ» («ОМСКАЯ ПРАВДА», ОБКОМ КПСС И «ПОРОЧНЫЕ» ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИИ 1956 ГОДА)

С.Г. Сизов

Рассекречивание документов Омского обкома КПСС дало возможность историкам значительно углубить представления о характере общественно-политических процессов в регионе, роли в них партийных органов. Документы обкома КПСС проливают свет и на специфику методов работы партийного руководства области с интеллигенцией, печатью. В этой связи представляет научный интерес исследование резонанса в Омске событий и явлений, происходивших в столице в период «оттепели».

Общественно-политическая обстановка в стране в 1956 г. отличалась противоречивостью. ХХ съезд КПСС способствовал заметному подъёму социальной активности, но антисталинские и реформистские настроения, проявившиеся при обсуждении доклада Н.С. Хрушева, оказались столь мощными, что напугали партийное руководство. Уже 3 апреля 1956 г. ЦК КПСС принимает постановление, в котором весьма резко осуждались сотрудники теплотехнической лаборатории АН СССР. На своем партийном собрании учёные-коммунисты потребовали демократических преобразований советского общества. После волне-

¹ Добров Г.М., Перелет Р.А. НТР и природоохранная политика. Киев, 1986. С. 12-13.

² Тихонова Н.Е. Решение экологических проблем в СССР: история и современность. М., 1989. С. 17.

³ Там жс. С. 22.

⁴ Там же. С. 25.

ний в Польше и подавления восстания в Венгрии (осень 1956 г.) Хрушев и его окружение опасались, что дальнейшая либерализация может привести к развитию событий по «венгерскому сценарию».

Сложные процессы в общественной жизни находили отражение и в литературе, которая по-прежнему была под присмотром партийных чиновников. Литература и искусство в период «оттепели» приобрели особое общественное значение: в условиях, когда политические дискуссии были возможны в лучшем случае на знаменитых «московских кухнях», публичные споры по проблемам культуры имели глубокий политический подтекст.

В августе - ноябре 1956 г. журнал «Новый мир» напечатал роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Роман сразу же привлёк к себе внимание. История талантливого изобретателя, сталкивающегося с равнодушием, косностью, цинизмом разного рода начальников, вызвала широкое обсуждение. Либеральная интеллигенции приветствовала выход романа, надеясь на продолжение реформ.

В одиннадцатом и двенадцатом номерах «Нового мира» того же года было опубликованс ещё одно литературное произведение, вызвавшее многочисленные отклики читателей — повесть Любови Кабо «В трудном походе». В повести остро были поставлены проблемы советской школы, воспитания и образования. Как и у Дудинцева, в произведении Л. Кабо сталкиваются люди передовых взглядов и те, кто склонен к рутине и фальши.

Публикации «Нового мира» не прошли незамеченными. Но заметила их не только либеральная интеллигенция и сторонники реформ, но и те, кто узнал себя в «антигероях». Направляемая с «партийного Олимпа» кампания критики «идейно порочных произведений» переросла в травлю авторов. Был снят с должности и редактор «Нового мира» К. Симонов.

Эта история своеобразным эхом отозвалась и в Омске. События восстановлены нами по документам Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО), газетным публикациям тех лет и воспоминаниям очевидцев.

В ноябре 1956 г. «Омская правда» — главная областная газета, орган обкома КПСС публикует рецензию на роман В. Дудинцева. Автор рецензии — молодой учитель литературы Эдмунд Шик высоко оценил роман и отметил, что писатель «ратует за положительное, радостное начало в нашей жизни». В ян-

варе 1957 г. в той же газете появляется положительная (с небольшими оговорками) рецензия Э. Шика на повесть Л. Кабо.

Ситуация приобрела довольно странный для советских порядков характер. В Москве авторов «порочных» книг ругают с высоких трибун, а провинциальная партийная газета публикует положительные рецензии на эти книги. В те времена план работы газеты утверждался обкомом партии, и она не публиковала материалы, отражающие личную позицию автора, если эта позиция не совпадала с «линией партии». Местные руководители, очевидно, получили «сигнал» и решили «поправить» «Омскую правду», не дожидаясь разноса из ЦК. Думается, что свою роль сыграло и Закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» (от 19 декабря 1956 года).

14 января 1957 г. на заседании бюро Омского обкома КПСС был поставлен вопрос «Об ошибочных рецензиях в газете «Омская правда на роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и повесть Л. Кабо «В трудном походе». (См.: ЦДНИ ОО. Ф. 17. Он. 70. Д. 19. Л.18-19). Представляет интерес стенограмма обсуждения этого вопроса. Докладчиком был зав. отделом пропаганды и агитации обкома П.А. Скрипин (текст доклада не сохранился). Выступавший следом за ним и.о. редактора газеты М. Филимонов признал, что виновен в том, что «ослабил бдительность». Он заявил, что ранее вёл разговор в редакции, что книга Дудинцева «порочна», но «из Москвы ее захвалили и поэтому появилась наша аннотация». Признать свою «вину» была вынуждена и зав. отделам Р.Б. Сергеева. «Обкому партии, — сказала она, - надо в дальнейшем подсказывать, поскольку было известно, что ЦК осудил эту книгу. Но там не все-то уж черное. так что легко было поскользнуться». (Там же. Л. 67).

Первый секретарь обкома Е.Н. Колущинский, распекая подчинённых за «бесконтрольность», заявил: «Надо иметь в виду, что очень много всякой дряни крутится вокруг редакции и издательства». Член бюро С.В. Ладейщиков так оценил произошедшее: «Это наскоки от общего наступления буржуазной идеологии на нас». (Там же).

В резолюции бюро обкома КПСС отметило, что газета допустила "политическую ошибку", опубликовав положительные рецензии на произведения, «извращающие советскую действительность». Интересно, что в проекта постановления было два

любопытных абзаца, не вошедших в окончательный вариант документа. В них объяснялось, в чем же состоит «основной вред» критикуемых книг. Дудинцев обвинялся в том, что «порочит наш советско-хозяйственный и партийный аппарат», а Кабо — в «искажении жизни советской школы, клевете на преподавательский состав, извращении роли парторганизаций в воспитательной работе».

Виновные в «политической ошибке» отделались лёгкий испугом, что тоже примечательно. Сергеевой «поставили на вид», Филимонову — «указали на недостаточное внимание к публикациям по вопросам литературы». Редакцию газеты обязали опубликовать материалы, вскрывающие «порочность» указанных книг.

12 февраля 1957 г. в «Омской правде» было опубликовано коллективное письме «Об одной порочной повести». Письмо подписали четыре учителя и директор школы № 37. Учителя почти дословно воспроизвели некоторые обвинения Л. Кабо из проекта резолюции бюро обкома: «искажение жизненной правды», «клевета на учительство». Досталось за положительную рецензию и Э. Шику. К оценке учителей присоединилась и редакция, согласившись, что повесть Л. Кабо «В трудном походе» «идейно-порочная».

В отношении главного действующего лица этой истории — учителя Э. Шика никаких «оргвыводов» сделано не было: он не занимал каких-то заметных постов. Некоторое время его статьи в газету не принимали, а на конференции учителей в августе 1957 г. один из партийных начальников назвал его «слещом, который не понимает, что происходит». В дальнейшем Эдмунд Генрихович Шик защитил диссертацию, стал известным литературоведом.

История с «опибочным рецензиями», на наш взгляд, довольно показательна. Пресса находилась под довольно жёстким партийный контролем и в период «оттепели». Но некоторая неопределённость границ «разрешённого» и «запрещённого», неполная ясность политического курса сделали возможным появление таких рецензий. Не менее примечателен и урок, преподанный обкомом редакции, несмотря на мягкость наказания.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

И.А. Чуднов

Экономические преобразования последнего десятилетия явились закономерным продолжением внутренних процессов социалистического хозяйства. Одним из них было частное предпринимательство, существовавшее все годы советской власти (даже при отсутствии крупной частной собственности) и извлекавшее законно и незаконно прибыль из государственной и личной собственности.

С конца 20-х гг. частник в значительной степени перешел на «нелегальное положение». Формально ст. 14, 15, 54, 295 и др. Гражданского колекса позволяли создавать частные предприятия и товарищества, но вопрос об их правоспособности к 30-м гг. был «полностью снят окончательной победой социализма». Конституция СССР 1936 г. допускала существование мелкого частного хозяйства и индивидуальной трудовой деятельности (ИТД). Запрещались лишь занятие запрещенным промыслом и посредническая торговля. В то время особенно часто к предпринимателям применялась ст. 107 УК РСФСР (спекуляция). Её дополняли правительственные постановления 1932 г., требовавшие решительной борьбы с перекупщиками, вплоть до заключения в концлагеря.

Само понятие «частный» имело в 30 - 80-е гг. абсолютно отрицательный смысл. Государство регулировало правоснособность субъектов экономики на основе классовых принципов. В таких условиях частная инициатива реализовывалась чаще всего в так называемой «теневой» экономике. Определим её как неконтролируемое обществом производство, распределение и обмен материальных благ, ценностей и услуг.

В советской системе хозяйства спрос постоянно превышал предложение по всему спектру потребительских товаров и услуг. Появление здесь частной инициативы вполне закономерно.

Легализация даже мелкого бизнеса противоречила официальной идеологии и не допускалась. Социалистическое общество, подчеркивал И.В. Сталин, «заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обес-

печивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами, прежде всего капиталистическими...»²

Любой гражданин, предоставив справку о квалификации, мог получить регистрационное свидетельство на право запиматься определенным промыслом. Количество официально зарегистрированных индивидуалов было ничтожно по сравнению с потребностями населения в услугах и товарах. Законодательная база ИТД практически отсутствовала. Свидетельства выдавались на основе правительственных положений 1936, 1949 и 1976 гг., которые содержали перечень разрешенных и запрещенных видов деятельности. Порядок налогообложения определяли инструкции Минфина. К началу 60-х гг. прошли регистрацию около 150 тыс. человек. С принятием новой программы КПСС, провозгласившей переход к строительству коммунизма, индивидуалов стали ограничивать. К 1973 г. их осталось около 10 тыс. В значительной степени это было связано с нежеланием платить высокие налоги и, соответственно, регистрироваться.

Минфин определял ставку налога с частного портного, ремонтника, вязальщицы и т.п. — 10-15 %, а с частнопрактикующего врача или репетитора - 27-29 %. Чем выше был налог, тем меньше становилось желающих легализовываться. В 1985 г. зарегистрированных квартиросдатчиков было 150 тыс., кустарей - 65 тыс., врачей и педагогов — всего 3,5 тыс. По мнению Т.И. Корягиной, бюджет при грамотном налогообложении мог увеличить поступления с данной категории граждан в 50 и более раз³.

Гораздо активнее государство способствовало «теневой» деятельности. Неизменные «твердые» цены, плановое производство и распределение, в отдельные периоды — нормирование слабо стимулировали производство, но хорошо стимулировали спекуляцию. Советская экономика не знала времени, когда не было бы какого-нибудь дефицита, а значит, и спекуляции на нём. Стремление к получению прибыли всегда является двигателем коммерции. Попытки искоренить это явление репрессивными методами, предпринимаемые советской властью с 1918 г., были обречены. В годы Отечественной войны ГКО, а за ним ВЦСПС констатировали, что «значительная часть товаров, выделяемая государством для снабжения рабочих и служащих, не доходит до потребителя и попадает в руки воров и спекулянтов»⁴. Последние «воспользовались наличием большого разрыва между государственными и рыночными ценами...для накоп-

ления денет в больших размерах в целях наживы за счет населения»⁵. Частник, особенно до открытия в 1944 г. коммерческой горговли, играл значительную роль в снабжении городского населения всеми продуктами, кроме хлеба.

Послевоенный период — время бурного роста частной инициативы. На рубеже 40 - 50-х гг. в сфере услуг и мелкого производства частник выигрывал конкуренцию у государства, но работал чаще всего нелегально. В Западной Сибири примерно половина средств, потраченных городским населением на ремонт, пошив одежды и пр., уходила частникам.

Явления «теневой» экономики впервые стали предметом гласности в конце 50-х - начале 60-х гг., когда прошли громкие процессы над валютчиками и взяточниками, и немногим позже, нал «фарцовщиками» и подпольными миллионерами-цеховиками. Последние занимали довольно прочные позиции во многих пустующих нишах советской хозяйственной системы. Владея частными предприятиями, замаскированными под социалистические, они восполняли рыночный дефицит в одежде, галантерее и других товарах. Бизнес их был успешным, так как с середины 60-х гг. стали быстро расти денежные доходы населения, а темпы роста производства группы «Б» значительно отставали от платежеснособного спроса.

Новый УК РСФСР (1961 г.) учитывал реалии экономической жизни. Появилась специальная статья 153 (частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество). Ни статья, ни комментарий не давали четкой расшифровки понятий и вреда, ими причиняемого, что порождало дискуссии в юридической литературе. Там можно было встретить, в частности, такое определение: «Частный предприниматель - лицо (делец, воротила), который занимается частной, т.е. несоциалистической деятельностью, лежащей за рамками общественных интересов..., и причиняет ущерб социалистической системе хозяйства» В Нетрудно заметить, что данное определение по духу и букве весьма близко к ст. 58.7. предыдущего УК, раскрывающей понятие вредительства. Неясность определений порождала проблемы в судебно-следственной практике.

Уже через полтора года после принятия кодекса, в июле 1962 г. значительно ужесточаются санкции за ряд преступлений, связанных с предпринимательством, вплоть до смертной казни. Совпадало с общей тенденцией и ограничение размеров при-

усадебных участков. Государство практически отказалось от экономических рычагов регулирования частного сектора, перейдя вновь на путь ужесточения репрессий, что привело к еще большему разрастанию «теневой» сферы. Начался её качественный рост, появились цеховики — нелегальные организаторы эффективного производства. В Сибири они чаще всего использовали фонды госпредприятий так как не имели возможности приобретать средства производства, сырье, нанимать рабсилу и т.д. Частные предприятия создавались под государственной вывеской и внешне ничем не отличались от обычных, даже соцсоревнованием. Другой формой могла быть организация при реальном госпредприятии филиалов, цехов, бригад и т.п., использующихся исключительно в интересах частного бизнеса. В сельском хозяйстве применялась скрытая аренда частными липами колхозных и совхозных земель, не включаемых в отчетность.

По-прежнему центром притяжения индивидуалов было бытовое обслуживание. Многие его предприятия, как показывали многочисленные проверки органов госконтроля, фактически являлись частными. Рост доходов населения Сибири не покрывался ростом товарной массы. Деньги мигрировали в западные регионы. Появились «челноки», возившие товары из Москвы, портовых городов, где они налаживали связи с фарцовщиками, имевшими «выход на внешний рынок».

Выгодной сферой приложения частной инициативы было посредничество. Оно имело множество вилов благодаря несовершенству системы фондирования и распределения. Частники оказывали содействие в приобретении или сбыте товаров как гражданам, так и организациям — чаще всего колхозам. Активно работали квартирные маклеры, посредники при поступлении в престижные вузы и пр.

В предпринимательской среде появились состоятельные люди, вызывавшие раздражение в обществе. В органы шел поток обращений трудящихся с требованиями ужесточить борьбу с «паразитическими» элементами. Начались изъятия дач и машин, приобретенных на нетрудовые доходы. С другой стороны, частник всё больше подвергался давлению уголовников. К защите милиции он прибегнуть не мог, так как сам действовал за рамками закона. Появились так называемые беззаявочные дела. Постепенно за 10-20% оборота бизнесмены договорились с лидерами преступных группировок.

Для послевоенного периода характерен устойчивый рост разновидностей криминального предпринимательства: наркобизнеса, проституции и др. К 80-м гг. проявления частной инициативы стали столь разнообразны, а «теневая» экономика разрослась до таких размеров, что очевидной стала необходимость адекватной реакции государства. Началась постепенная легализация этого сектора хозяйства. Её опыт ещё предстоит оценить.

ИСТОРИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1991-1997 ГГ.)

А.Н. Кондратенко

На начало рыночных реформ приходится пора расцвета нефтегазового комплекса Томской области. В 1989 г. был достигнут максимальный уровень добычи нефти — 15 млн. т в год¹. К началу 90-х гг. томские геологи открыли около 100 месторождений нефти и газа на территории области. Они обеспечивали ежегодный прирост запасов нефти в 12 млн. т в год. Успехи нефтегазового комплекса были предопределены шедрым государственным финансированием нефтегазоразведочных и нефтегазоробывающих работ.

В полосу кризиса нефтегазовый комплекс Томской области вступил в 1991 г. Резкое сокращение государственного финансирования, подорожание транспортных услуг, общий кризис экономики, ухудшение снабжения Севера продовольствием и промышленными товарами, невыплата заработной платы, изношенность оборудования — вот факторы кризиса. За 1991-1994 гг.

¹ Рубинштейн Б.М. Советское хозяйственное и гражданское право. М. 1936. С. 95.

² Сталин И.В. Соч. Т. IX. С. 80.

³ Теневая экономика. М., 1991. С. 34 - 37.

⁴ Постановление ВЦСПС от 1. 02. 1943. «Об усилении борьбы профсоюзных организаций с расхишением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров».

⁵ Постановление СМ и ЦК ВКП/б/ от 14, 12, 1947. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные...товары».

⁶Таций В.Я. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. М.,1979. С. 7.

не было открыто ни одного месторождения. Из пяти нефтегазодобывающих управлений два были сокращены. За 1993-1994 гг. было сокращено 8000 работников² предприятия «Томскнефть». Добыча нефти в 1992-1993 гг. снизилась до 11 млн. т и скатилась на уровень 1982 года. Объемы эксплуатационного бурения с 850 тыс. метров в 1991 г. снизились до 350 тыс. метров в 1995 г.

В условиях кризиса, экономического хаоса, процесса зарождения рыночных отношений требовалась структурная перестройка нефтегазового комплекса Томской области. Такая перестройка произошла в начале 1994 г.: была создана Восточная нефтяная компания (ВНК), объединившая предприятия геологии, добычи и переработки нефти, сбыта нефтепродуктов и нефтехимии Томской области, Красноярского края, Хакасии и Тувы в единый финансово-экономический механизм. Компания заняла 8-е место в России по запасам нефти и 9-е по объемам добычи нефти. Строилась ВНК на принципах взаимовыгодного партнерства. Геологи получали устойчивый запас по разведке недр, промысловики — устойчивый рынок сбыта, нефтеперерабатывающий завод — надёжную сырьевую базу. Таким образом, сложилась вертикально интегрированная компания по схеме: «разведка-добыча-переработка-сбыт». Это самая эффективная система для нефтегазового комплекса. ВНК финансировала геологические работы через отчисления на восстановление материально сырьевой базы, покупала нефть у нефтегазового управления, перерабатывала её на Ачинском нефтеперерабатывающем заводе и сбывала продукцию, получая деньги для дальнейшего функционирования механизма (названного давальческой схемой). Благодаря слаженной работе всех подразделении ВНК 1995-1996 гг. стали периодом достаточно стабильного развития нефтегазового комплекса Томской области. Подкреплялось это также ростом цен на нефть на мировом рынке, за 1995 г. она выросла в 1,5 раза. Компания развивалась даже несмотря на всё увеличивающееся налоговое бремя: в 1994 г. с цены проданной нефти государству в виде налогов уходило 46.8%, в 1995-53%, 1997-70%. В рамках компании значительно улучшилось состояние томской нефтегазовой геологии. В 1995 г. финансирование «Томскнефтегазгеологии» перешло в руки «Томскнефти», что обеспечивало получение платёжеспособных заказов. Началась стабилизация, стали наращиваться объёмы, предприятия приобрело новое оборудование. Результаты не замедлили сказаться: в 1996 г. томские геологи полностью восполнили запасы нефти в размере годовой добычи нефтяников — 11,2 млн. т. Было открыто четыре новых месторождения нефти — Двуреченское, Ясное, Северо-Лугенецкое, Гураринское (из 10 по России). Томское геологи добились эффективности разведочных работ, бывавшей только у тюменцев в 70-е гг. — 180 т нефти на пробуренный метр. В 1997 г. был обеспечен прирост запасов: 8,9 млн. т, а эффективность — 186 т на метр³.

Прибыли ВНК в 1995-1997 гг. составляли более одного триллиона рублей в год. Налоги с ВНК составляли 40% поступлений в бюджет Томской области. В 1996 г. компания обеспечила сельхозпроизводителей на 360 млрд. рублей горюче-смазочными материалами, не получив за это ни копейки. ВНК во многом финансировала социальную сферу области, особенно томского Севера.

В условиях падения мировых цен на нефть, начавшегося с 1997 г., ВНК встала на путь диверсификационной стратегии: широкой интеграции нефтедобычи, нефтепереработки и нефтехимии. Основные направления данной стратегии были следующие:

- 1. Стабилизация добычи нефти. Это было достигнуто в 1996-1997 гг. Благодаря новейшим технологиям и интенсификации разработки Советского, Вахского и Первомайского месторождений было добыто 5 млн. т.
- 2. Укрепление материально-сырьевой базы, увеличение финансирования геологии, использование современных компьютерных технологий, закупаемых в Канаде, ведение поисков нефти за пределами Томской области (Красноярский край, Кемеровская область, Ханты-Мансийский автономный округ).
- 3. Усовершенствование нефтепереработки, в частности модернизация Ачинского нефтеперерабатывающего завода, углубление переработок нефти и получение более высококачественных и экологически чистых моторных топлив. Кроме этого, ВНК создала сеть мини нефтеперерабатывающих заводов на севере Томской области: в поселке Пионерном (100 тыс. т в год переработки), в г. Стрежевом (200 тыс. т нефти в год), в Среднем Васюгане (12 тыс. тонн) и на Лугинецком месторождении (14 тыс. т нефти в год). Эти мини-нефтезаводы полностью обеспечивают потребности томского Севера в автобензине и авиакеросине.
- 4. «Газовая программа», которая включает в себя использование попутного газа, строительство Лугинецкой газокомпрес-

сорной станции, разработку крупнейшего в области Мыльджинского газового месторождения.

5. Это направление связано с предыдущим 4-м пунктом. Оно предусматривает переориентирование Томского нефтехимического комбината с переработки прямогонного бензина на производство полимеров более экономичным способом — переработкой природного газа и конденсата. Для этой цели строится продуктопровод: Лугинецкое-ТНХК. При производстве этилена из газового конденсата нужно в два раза меньше, чем прямогонного бензина, то есть это большая экономия. К тому же подобное производство экологически чище. При этой схеме только Мыльджинского месторождения хватит на 30 лет работы Томского нефтехимического комбината. Решится проблема обеспечения комбината сырьем (сейчас он загружен на 10%), а также расширится выпуск разных марок полиэтилена и полипропилена.

Процесс приватизации государственных предприятий коснулся и ВНК.

Ещё в 1995 г. Госкомимущество запланировал приватизировать предприятия нефтяного комплекса. ВНК должна была быть приватизирована в октябре 1995 г. Однако процесс передачи компании в частные руки приостановило включение её в перечень компаний, имеющих стратегическое значение для национальной безопасности, не подлежащих приватизации. Поэтому приватизация ВНК прошла не по старой схеме (когда основной пакет акций делился на мелкие и продавался в основном на льготных условиях коллективу предприятия), а по новой — 51% акций 20 января 1998 г. приобрела⁴ компания «Роспром-Юкос».

Это негативно сказалось на общем положении нефтегазового комплекса Томской области: вновь последовали структурные изменения, ухудшилось финансирование геологов и нефтелобытчиков. Положение ухудшилось также в связи со снижением цен на нефть. В сентябре 1997 г. цена за баррель была ещё 23 доллара, в марте 1998 г. уже — 11 долларов'. Особенно пагубно такое положение сказалось на финансовом положении области: доходная часть бюджета области резко уменышилась, положение Севера области, особенно г. Стрежевого сильно ухудшилось. Сейчас «Юкос» заботится о том, чтобы окупить свои затраты на покупку ВНК. Такая ситуация имела место из-за того, что в России существует неравноправие регионов. Например, приватизация Татарской и Башкирской нефтяных компаний

была запрещена парламентами этих республик. Остальная Россия (области и края) в силу особого устройства налоговой системы нашей страны вынуждены финансировать развитие города Москвы. Деньги, получаемые с нефти, газа и угля, остаются не в регионах, где добываются эти полезные исконаемые, а уходят в Москву (например, машиностроение Москвы дало 5% дохода московскому бюджету, а трубопроводный транспорт — 30%).

Таким образом, добившись определенных экономических успехов, нефтегазовый комплекс Томской области оказался заложником специфических российских условий централизованной рыночной экономики, перешел в подчинение московской финансово-промышленной группировки и, как и многие ему подобные, стал служить делу процветания Москвы.

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ЭТНОМИГРАЦИЙ В СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

Т.В. Чебыкина

В настоящее время, когда стали доступны ранее засекреченные архивные материалы, для отечественных исследователей появилась возможность на основе расширенной исторической базы представить более полную картину процессов, происходивших в советском обществе.

Одной из составных частей национальной политики сталинского руководства в 1930-1950-е гг. являлось насильственное переселение народов СССР. Депортации, то есть принудительному выселению с мест исконного проживания, подверглись в

^{1 30} лет Томской нефти // Вести ВНК, 1996, № 7. С. 3.

² Пономаренко В.П. Баталии вокруг ВНК // Томская область: Управление. Политика. Экономика. 1997. № 1. С. 41.

³ Филимонов Л.И. О перспективах развития ВНК и ее научном сопровождении // Вестник ВНК, 1998, № 1, С. 7.

⁴ Приватизация ВНК // Нефть и капитал. 1997. № 12. С. 69.

⁵ Пресс-служба ВНК Экспортные цены на нефть // Томский вестник. 1998. № 50. С. 2.

те годы представители более сорока народов Советского Союза. Многие из них были переселены полностью. Подавляющее большинство депортированных народов расселялись в Казахской ССР, на Урале и в Сибири, в том числе и в Томской области.

Данный процесс нашел свое отражение в большом количестве документов и материалов, содержащихся как в центральных, так и в местных архивах. Документы, хранящееся в местных архивах, представляют собой различные нормативные акты, статистические сведения, переписку государственных органов о ходе депортации. Введение в научный оборот такого вида источников позволяет осветить основные стороны этого процесса и представить масштабы насильственных этномиграций.

Для представления более полной картины депортации народов СССР в 1930-1950-е гг. необходимо обобщение большого конкретно-исторического материала, использование комплекса источников. С другой стороны, в современной отечественной историографии обозначилась тенденция гуманизации исследований. Привлекаемая информация биографического характера дает возможность проследить судьбы конкретных людей в связи с историческими изменениями. Особенность сталинского периода состочит в том, что репрессивные меры были тесно связаны с соответствующими бюрократическими структурами и, если человек подвергался репрессиям, информация о нем собиралась и накапливалась в органах НКВД и других ведомствах того времени.

В этой связи представляет определенный интерес такой массовый источник, как личные дела спецпоселенцев, к категории которых были отнесены и большинство депортированных народов СССР. Основной массив информации личного характера о спецпереселенцах содержится в местных архивах МВД. Мной проанализировано 100 личных дел спецпереселенцев: немцев, латышей, эстонцев и литовцев, — хранящиеся в архиве УВД Томской области.

Личные дела относятся к структурированным историческим источникам, имеющим стандартную, единообразную форму записи информации (или формуляр). Основными особенностями такого источника является соединение разнотипной информации (текстовой, числовой) в одном формуляре и представление ее на уровне отдельных субъектов.

Личные дела спецпереселенцев представляют собой разработанный по составу и содержанию комплекс документов, которые оформлялись и велись городскими и районными отделами НКВД (МВД) и отдела спецноселений НКВД (МВД) по полчиненным им спецкомендатурам. В личном деле каждого спецпереселенца находились следующие документы:

- 1. Справка об основании к выселению и закреплению на спецпоселении.
 - 2. Анкета.
- 3. Регистрационный лист, в котором ежемесячно ставилась «отметка» о явке поселенца в спецкомендатуру.
- 4. Расписка о том, что согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. представитель данной национальности выселен навечно, без права возврата на прежнее место жительства. Самовольный выезд (побег) с мест обязательного поселения карался двадцатью годами каторжных работ.
- 5. Справка о снятии с учета спецпоселения и расписка с объявлением о запрещении данному лицу возвращаться на прежнее место жительства и о том, что конфискованное при выселении имущество возвращено не булет.

Это перечень тех документов, которые встречаются в личном деле каждого высланного по национальному признаку. Наибольший интерес для исследователя могут представлять справка об основании к выселению и анкета.

Из содержания справки можно определить, какой законодательный акт послужил причиной насильственной миграции; по какой графе проходил высланный (условно их можно разделить на две основные: лицо той или иной национальности и «член семьи»).

В анкете содержится информация, которая позволяет довольно подробно раскрыть социальные характеристики спецпоселенцев: возраст, уровень грамотности, род занятий, наличие родственников. Точное указание адреса места жительства до выселения, время прибытия и место вселения позволяют проследить ход депортации. Ответ на вопрос пункта «В каких районах, областях, краях, республиках проживал ранее на спецпоселении?» дает возможность выявить этапы депортации и служит дополнительной информацией для определения времени пребывания в «трудовой армии». В анкете перечисляются и родственники, находящиеся на учете других спецкомендатур, что позволяет выявить географию спецпоселений; степень осведомленности о судьбе родственников после депорта-

ции. Указание места работы на новом месте жительства дает сведения о том, где применялся труд спецпоселенцев и насколько учитывалась при этом полученная ранее специальность и прежняя профессия.

Помимо документов, которые встречаются в личном деле каждого переселенного по этническому признаку, определенный научный интерес может представлять и следующий комплекс материалов: автобиографии, характеристики с мест работы, которые содержат динамические сведения, например, об изменении места работы, получении образования. Встречаются прямые указания на пребывание в составе рабочих колонн и видах выполняемых работ. Ценность подобной информации очевидна, поскольку о «трудовой армии» в официальных документах того времени напрямую не упоминалось.

Изучая подобные виды источников, можно сделать выводы о последствиях сталинской национальной политики, которые выразились, в частности, в утрате знания национального языка теми, кто был депортирован в детском возрасте.

Регулярная регистрация данных о любых изменениях в семье (рождаемости, смертности) получила отражение в личных делах в виде справок о таких фактах, что позволяет говорить о присутствии в этом источнике элементов текущей демографической статистики.

Определенное место среди документов занимают агентурные сведения и протоколы допросов спецпереселенцев. Агентурные донесения дают определенную информацию о настроениях депортированных, об отношении их к факту переселения. Встречаются и сведения о попытках вербовки переселенцев агентами НКВД. Протоколы допросов помогут исследователям установить причины самовольных отлучек с мест поселения, ставших частыми в конце 1940-1950-х гг. Таков характер второй группы документов, которая существенно дополняет информацию, содержащуюся в каждом подобном личном деле. Однако говорить о достоверности таких документов, как агентурные донесения, можно лишь с большой осторожностью.

В целом же отличительной чертой личных дел как источника по истории советского периода является их социально-биографическая основа. И это касалось не только тех, на кого заводилось подобное дело, но и их родственников. Огромное количество биографических сведений, источником которых служили и сами спецпереселенцы, и другие граждане, и государственные структуры, свидетельствует о пристальном внимании существовавшего тоталитарного режима к жизни тех, кто попадал под подозрение только за принадлежность к определенной национальности. Поэтому личные дела спецпереселенцев приобретают большое значение среди массовых источников по истории принудительных этномиграций в сталинский период.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СИБИРИ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1888-1917 ГГ.)

С.А. Некрылов

В последнее время заметно возрос интерес к истории высшего образования и науки. Проводимая в наши дни реформа высшей школы побуждает обратиться к историческому опыту, чтобы на примере прошлого еще раз убедиться в правильности проводимых мероприятий. Одной из проблем, недостаточно изученных и весьма актуальных в связи с сегодняшними попытками реформирования науки и высшей школы, является система подготовки научно-педагогических кадров в дореволюционной России. Среди многих аспектов данной темы заслуживает внимания характеристика источников. Попытаемся рассмотреть ее на примере Томского университета в 1888-1917 гг.

Основным источником в исследовании этой проблемы явился комплекс архивных материалов, выявленных в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Были изучены дела, хранящиеся в фондах 102 и Р-815 ("Томский государственный университет") и 126 ("Попечитель Западно-Сибирского учебного округа"). Наибольший интерес представляют личные дела преподавателей и профессоров университета, находящиеся в вышеназванных фондах. Эти документы содержат не только информацию о преподавателях, прохождении ими службы, но и сведения о заграничных научных командировках, об участии в научных экспедициях, в работе российских и зарубежных съездов и конгрессов, а также отчеты о научной и учебной деятельности.

Особый интерес представляют личные дела студентов университета. Благодаря им исследователь получает возможность проследить жизненный путь будущего преподавателя до момента получения им высшего образования (обучение в гимназии или духовной семинарии).

Важным историческим источником являются формулярные и послужные списки лиц профессорско-преподавательского корпуса. При подробном изучении этих документов исследователь может провести историко-социологическое исследование этой профессиональной группы и установить сословное (социальное) происхождение, вероисповедание, награды, чин по старшинству, прохождение службы, наличие земли и недвижимого имущества, возраст, семейное положение и т. п. Кроме этого, при анализе этих источников можно подробно изучить материальное положение профессоров и преподавателей университета.

Можно выделить особый ряд источников, таких как деловая переписка между ректором и попечителем Западно-Сибирского учебного округа, а также министром народного просвещения. Значительный интерес представляет переписка между Томским губернатором и министром внутренних дел о благонадежности лиц профессорско-преподавательского корпуса. Из этих документов можно почерпнуть сведения об отношении профессуры к существующей власти, а также о приналлежности их к той или иной политической партин.

Была выявлена также группа официально-документальных источников, ранее практически не использовавшихся. Это "Списки лиц, служащих по ведомству МНП" за 1888-1916 гг. и "Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа" за 1888-1916 гг. Издавались они один раз в год и включали в себя краткую информацию о профессорах и преподавателях университета. Эти источники содержат такие важные сведения, как данные о возрасте, вероисповедании, должности, старшинстве в последнем чине (год, месяц, число), получении различных наград, получаемом содержании, семейном и имущественном положении. На основе их можно провести точный подсчет численности профессорско-преподавательского корпуса Томского университета за данный период, а также восполнить пробелы, существующие в формулярных списках. При изучении материального положения профессорско-преподавательского корпуса можно сравнить материальное положение профессуры центра страны с положением томской профессуры.

Ценным источником информации явились опубликованные годовые отчеты о состоянии Томского университета за 1888-1916 гг. Это уникальный источник, из которого можно почерпнуть необходимую информацию не только о прохождении служ-

бы того или иного профессора или преподавателя, но и подробно изучить их научно-учебную деятельность. Отчеты позволяют исследователю раскрыть порядок и условия финансирования научной деятельности, количество заграничных научных командировок и экспедиций (экскурсий) внутри России.

Одним из интересных и важных источников является мемуарная литература и эпистолярный жанр. Хотя их сохранилось не так уж много, но благодаря этим источникам исследователь имеет возможность ощутить дух того времени. Особое внимание заслуживают неопубликованные мемуары И.А. Малиновского, и. д. ординарного профессора по кафедре истории русского права Томского университета. Данный источник является очень информативным и уникальным по своему содержанию. Он позволяет представить себе ту обстановку, в которой протекала научно-педагогическая деятельность томской профессуры. Обладая литературным даром, И.А. Малиновский интересно описал свою деятельность в Томском университете и за его пределами. Кроме этого, он охарактеризовал те материальные условия, в которых находилась сибирская профессура. Автор не только описывает происходившие в Томске в 1898-1911 гг. события, но и дает характеристики их участникам.

Определенный интерес представляют неопубликованные автобиографические воспоминания Н.Ф. Кашенко, ординарного профессора по кафедре зоологии, ректора Томского университета. Но, к сожалению, томский период занимает в них небольшое место.

Особую ценность представляют неопубликованные воспоминания Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской премии СССР, акад. АН СССР В. Д. Кузнецова "Мой путь в науке". Несмотря на то, что основная деятельность В. Д. Кузнецова в Томске проходила в период Советской власти, но в с своих воспоминаниях он дает некоторые оценки дореволюционной томской профессуре. Интересен его рассказ о системе сдачи магистерского экзамена. Кроме этого, есть ряд опубликованных автобиографических воспоминаний (проф. В.М. Мыша, С.И. Гессена, Л. Рубинштейна и др.). Конечно, мемуары иногда дают неверную информацию, страдают неточностями, авторы порой сознательно замалчивают те или иные события, дают неверные оценки. Но при всем этом мемуары обладают огромным фактографическим потенциалом и представляют большую цен-

ность для изучения проблемы формирования профессорско-преподавательского состава Томского университета.

Весьма информативным источником по данной теме являются периодические издания. Это "Журнал МНП", "Журнал Министерства юстиции", "Известия Военно-медицинской академии", "Фармацевтический журнал", газеты "Русский врач", "Право", "Сибирский врач", "Сибирская врачебная газета", "Сибирская жизнь" и др. Они содержат сведения о научной, учебной и общественной деятельности преподавателей.

Все вышеназванные источники позволяют на примере Томского университета составить представление о системе высшего образования Российской империи кон. XIX — нач. XX вв. и формирования профессорско-преподавательского корпуса.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ УЧЕНЫХ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ИЗДАННЫЕ В ТИПОГРАФИИ П.И. МАКУШИНА

Л.Л. Берцун

Типографская деятельность П.И. Макушина тесно связана с первым сибирским университетом с момента его основания. Уже в 1880 г. была издана брошюра "Описание празднества, бывшего в г. Томске 26-27 августа 1880 г. по случаю закладки сибирского университета", а в 1886 г. начали печатать фундаментальный и сложный «Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета», который состоял из пяти разделов. Первый раздел включал 20 тыс. названий на иностранных языках, причем каждое название имело полное библиографическое описание. Каталог объемом в 278 печатных листов издавался до 1896 г. и включал более 46 тыс. названий. В 1-й том вошли книги иностранного отдела; во 2-й — книги русского отдела; в 3-й — книга медицинского отдела с алфавитным указателем к нему; в 4-й — книги медицинского отдела, и роскошные издания библиотеки графа Строганова и в 5-й — книги Манассеина. В 1898 г. в этой типографии был издан каталог Археологического музея Томского университета.

Научная деятельность университета началась с первых дней его открытия и была направлена на изучение природы и естес-

твенных богатств Сибири, истории и быта народов, на разрешение ряда важнейших проблем медицины. Выразителем научной жизни университета стал его печатный орган - "Известия Императорского Томского университета" (ИТУ). В марте 1889 г. на заседании ученого совета университета рассматривался вопрос о выборе типографии для печатания "Известий". По данному вопросу докладывал профессор Н.М. Малиев, который был первым редактором и ответственным за первый выпуск. Основательно изучив стоимость печатания в трех существовавших в то время в Томске типографиях, он предложил типографию П.И. Макушина, "ибо он берется печатать за лист 8-19 рублей, при этом вместо обыкновенного шрифта - "цицеро", содержатель типографии выразил готовность печатать более мелким совершенно новым, не бывшим еще в употреблении шрифтом". Совет университета принял решение в пользу типографии П.И. Макушина и постановил: "печатание Известия Томского университета поручить типографии Макушина в количестве 300 экземпляров на объявленных условиях".

В 1889 г. была издана первая книга "Известий", в которой были опубликованы сведения "О состоянии Императорского Томского Университета за первое полугодие его существования", журналы заседаний Императорского Томского университета, во втором отделе, заметка В.М. Флоринского "О происхождении слова "Сибирь", его же топографические сведения "О курортах Семиреченской и Семиналатинской области", речь Н. А. Гезехуса, читанная на первом годичном акте Императорского Томского университета 22 октября 1889 г. "О значении метеорологических наблюдений по отношению к Сибири", его же работа "О некоторых новых приборах и приспособлениях в физическом кабинете Императорского Томского университета", работа профессора Э.А. Лемана "Химический анализ воды, употребляемой в Томске для питья и различных хозяйственных надобностей", заметка профессора А. М. Зайнева "О геологическом строении окрестностей г. Томска". В конце книги самостоятельным разделом были помещены устав и протоколы заседаний созданного в том же году Общества естествоиспытателей и врачей.

Выход в свет первой книги печатного органа университета явился важным событием, оповестившим ученый мир о появлении научного центра в Сибири. В "Известиях" Томского уни-

верситета помещались труды профессоров, приват-доцентов, лиц учебно-вепомогательного состава, студентов.

Решение о помещении работы в "Известия" принималось советом университета. Так, в 1898 г. профессора А.И. Судаков и М.Ф. Попов просили совет напечатать свои статьи, первый — "О причинах эпидемий брюшного тифа", второй — "О более широком применении простейших методов измерения и химического анализа при судебно-медицинском осмотре трупов". Разрешение было получено. Обе статьи вошли в кн. 14 ИТУ. В 1896 г. с подобным прошением обращался профессор Д. Н. Беликов, его работы вошли в кн. 12 ИТУ "Старинные духовные школы в Томском крае", "Старинные монастыри Томского края".

В ИТУ печатали свои статьи и студенты. Так, профессор П. В. Бутягин, будучи студентом 5-го курса, принимал активное участие в ликвидации эпидемии холеры в Томске, оказывал медицинскую помощь в пересыльной тюрьме. Он стал одним из первых студентов, чьи работы были напечатаны в типографии П.И. Макушина и вошли в ИТУ. Так, в 1895 г. в кн. 8 ИТУ была опубликована его студенческая работа "Химико-бактериологическое исследование воды, употребляемой в Томске для питья". За это сочинсние он был удостоен золотой медали Томского университета в 1893 г. Его же работы были помещены в кн. 10, 12, 19, 20, 27 ИТУ.

С первых дней существования университета представители естественнонаучных кафедр каждое лето отправлялись в экспедиции для изучения физических и географических условий, почвы, флоры и фауны, минеральных богатств, целебных свойств озер, археологических раскопок и т.д. Особенно много сделали для изучения края, географии и растительного мира Алтая, Северной Монголии и Семипалатинской области такие ученые. как А.М. Зайцев, С.И. Залесский, Ф.Я. Капустин, Н.Ф. Кащенко, П.Н. Крылов, В.В. Сапожников и др., исследования которых были напечатаны в ИТУ. Хорошо оборудованная типография П.И. Макушина имела возможность печатать эти издания объемом в 30 — 45 печатных листов, включавшие карты, схемы, таблицы и рисунки. Всего вышло восемьдесят три книги ИТУ - двадцать восемь из них напечатаны в типографии П.И. Макушина. Здесь же были изданы восемнадцать книг "Отчетов о состоянии университета", а когда в августе 1889 г. было учреждено Томское общество естествоиспытателей и врачей, Совет университета принял решение об издании "Трудов" данного общества за собственный счет. В 1894 — 1895 гг. были изданы 4 и 5-й выпуски Трудов общества естествоиспытателей и врачей, в них были даже цветные рисунки.

В типографии П.И. Макушина печатались и отдельные работы профессоров Томского университета. Первыми из них стали вступительная лекция ординарного профессора С.И. Залесского "О значении химии для культуры человечества", публичная лекция экстраординарного профессора Н.М. Малиева "Строение и деятельность дыхательных органов у человека", вступительная лекция экстраординарного профессора С.И. Коржинского "Что такое жизнь?" Вся выручка от продажи тиража данной работы, составившего 500 экземпляров, была пожертвована в пользу дома общежития студентов, а все расходы, связанные с ее изданием, принял на себя П.И. Макушин. При этом он изъявил свою полную готовность и в будущем печатать за свой счет и на пользу того же дома-общежития "две-три лекции господ профессоров в количестве 500 экземпляров и в размере 2-х печатных листов каждую". Выходные данные этих изданий содержали замечание: "В пользу дома общежития студентов".

В 90-е гг. продолжалось активное сотрудничество ученых университета с П.И. Макушиным. Так, в 1891 г. были изданы работы К.Н. Виноградова "Второй случай сибирской двуустки в печени человека", Э.Г. Салищева "Новый истинный отдельный боковой добавочный зоб", С.И. Залесского "Сибирские минеральные воды и грязи. Озеро Иголь". Медико-типографохимическое исследование, с двумя литографиями и восемью таблицами. Данная работа была издана на средства купца А.Е. Кухтерина. В последующие годы были изданы работы профессоров И.А. Базанова, В.Н. Великого, Г.Э. Иоганзена, С.К. Кузнецова, Н.Я. Новомбергского, М.А. Рейснера, Э.Г. Салищева, А.Е. Смирнова, И.И. Судакевича, А.И. Судакова.

В типографии П.И. Макушина были напечатаны многие краеведческие работы. Особенно хотелось бы отметить работы заслуженного профессора богословия Д.Н. Беликова. Как краевед-исследователь, он описал быт первых насельников Сибирского края. До сих пор большой интерес вызывают его работы по истории старинных монастырей Томского края и раскола в Томске, им же был написан ряд работ богословского содержания. В типографии П.И. Макушина были изданы: "Старинные

монастыри Томского края", "Старообрядческий раскол в Томской губернии" и несколько проповеднических речей, "Томский раскол (Исторический очерк 1834 — 1880 гг.)". "Чудо — как принадлежность откровения (публичная лекция)". За свои работы, вскоре после выхода ставшие библиографической редкостью, Д.Н. Беликов в 1914 г. был удостоен первой премии им. Сибирякова.

Содружество издателя и ученых университета было плодотворным и полезным для сибиряков. Ученые университета выполняли важную научную миссию по изучению природы и естественных богатств Сибирского края, а типография П.И. Макушина, удостоенная золотой медали "За отличные типографские работы" в 1887 г., сыграла большую роль в распространении их трудов.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОФЕССОРА И.М. РАЗГОНА В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л.А. Голишева

5 ноября 1949 г. на станцию Томск-І прибыл поезд, в составе которого был прицепной вагон прямого сообщения "Москва — Томск". Из него на вокзальную платформу ступил модно, со столичным лоском, но для сибирских морозов легко одетый, франтоватый пассажир. Так начинался почти сорокалетний томский период в жизни и деятельности крупного ученого-историка, Лауреата Сталинской премии (1943 г.) московского профессора Израиля Менделевича Разгона. С появлением И.М. Разгона в Томске, по мнению его сибирских коллег и учеников, "начался новый этап в развитии исторической науки в Сибири".

Причисленный к "безродным космополитам" И.М. Разгон в марте 1949 г. был уволен с должности профессора исторического факультета МГУ. Не смог он преподавать и в других вузах столицы, выполняя в течение полугода краткосрочные заказы Главполитиздата. Безденежье и возникшие материальные трудности усугублялись душевными муками и неприятием творившихся беззаконий: ощущалась негласная слежка. Его сына Анатолия, окончившего среднюю школу с золотой медалью и меч-

тавшего стать историком, не приняли ни в МГУ, ни в Московский пединститут. С большим трудом удалось добиться его приема в Ярославский пединститут. Только в конпе октября 1949 г. профессору И.М. Разгону было предложено принять заведование кафедрой истории СССР в любом университете за Уралом.

И.М. Разгон остановил свой взор на Томске. Случаен ли был этот выбор, ответить трудно. Сам Израиль Менделевич, делясь воспоминаниями о том времени, неоднократно говорил, что выбор Томского университета был сделан им случайно. Однако вполне возможно, что на его решение повлияла известность Томска как одного из крупнейших и старейших в азиатской части России вузовского центра.

Первое знакомство опального профессора с историей этого города состоялось еще в середине 30-х гг., когда он приступил к исследованию кавказского периода деятельности С.М. Кирова, начинавшего свою революционную биографию в Томске.

Коллега И.М. Разгона по МИФЛИ и МГУ, профессор А.И. Неусыхин, который в годы войны, находясь в эвакуации в Томске, заведовал с ноября 1941 по октябрь 1942 г. кафедрой средневековой истории в местном университете, наверняка делился с ним своими впечатлениями об этом городе! По рекомендации А.И. Неусыхина в Томский университет в 1948 г. после окончания аспирантуры был распределен его ученик - А.И. Данилов, которого И.М. Разгон знал по МИФЛИ и МГУ. Как член ученого совета, И.М. Разгон даже избирался председателем счетной комиссии на защите кандидатской диссертации А.И. Данилова. Ему было также известно и то, что в Томск после окончания аспирантуры при МГПИ и успешной защиты кандидатской диссертации, по которой профессор И.М. Разгон выступал официальным оппонентом, был направлен А.А. Говорков.

В конце октября 1949 г. он получил направление Министерства высшего образования СССР в Томский университет, где ему предстояло заведовать кафедрой истории СССР. Он возглавлял эту кафедру с ноября 1949 г. (с 1966 г. - кафедра истории СССР советского периода, ныне - современной отечественной истории) до конца 1986 г.

Яркий, сполна наделенный всем, что может быть отпущено человеку, обладавший к тому же большим обаянием, профессор И.М. Разгон вскоре стал кумиром студенческой аудитории и

душой преподавательского коллектива историко-филологического факультега. Его глубоко уважали за интеллигентность, громадную эрудицию, порядочность, открытость и простоту в общении.

Приехав в Томск, И.М. Разгон сыграл огромную роль в подтотовке профессиональных кадров историков для общеобразовательной и высшей школы Сибири и в развитии исторической науки в этом регионе.

В его лице органически сочетались педагог и ученый. Придерживаясь в своей педагогической деятельности принципа сочетания обучения с вовлечением студентов в научно-исследовательскую работу, он учил их глубокому и всестороннему исследованию исторических фактов. "Никакое глубокомыслие и никакое остроумие, — частенько выговаривал им ученый, — не могут возместить незнание фактов". Вскоре при кафедре открылась аспирантура по истории СССР. Первыми аспирантами профессора И.М. Разгона в ТГУ были выпускницы факультета М.Е. Плотникова и В.А. Соловьева.

Глубокие по содержанию лекции, которые читал он, привлекали студентов. Один из первых в Томском университете учеников И.М. Разгона, профессор Л.М. Горюшкин, пишет: "Вспоминаю первую лекцию профессора. Он энергично вошел в аудиторию, повесил пиджак на спипку стула и, расхаживая, начал увлекательно говорить. Знания как бы распирали его, и некоторым лекция казалась не всегда стройной - за ним, дескать, нелегко записывать. Большой знаток источников, хорошо знавший всех видных историков своего времени и многих еще живых исторических деятелей, он убедительно подтверждал выдвигаемые положения большим фактическим материалом и портретными характеристиками. Запомпились его независимая манера интеллигента и профессора называть Деникина, Колчака и других белых генералов по имени-отчеству, что казалось необычным для 1949 г., когда противникам революции отказывалось во всем человеческом"2.

Особенно популярны были у студентов-историков ТГУ спецсеминары, которыми он руководил. К встречам со студентами, аспирантами И.М. Разгон готовился основательно. Тематика их отличалась многообразием. На занятиях профессор учил, как надо работать с источниками, критически анализировать их, делать выводы. Общение с высокообразованным ученым значительно расширяло познания, обогащало культурный уровень студентов.

В процессе обучения профессор шелро делился со студентами своими богатыми знаниями, идеями, увлекал творческими замыслами, всячески способствовал развитию их дарований. Нередко он давал им из личной библиотеки книги, которые отсутствовали в Научной библиотеке, в том числе и предназначавшиеся для спецхрана.

Педагогическим успехам И.М. Разгона способствовала и атмосфера благожелательности. Научные интересы его учеников, определившиеся еще в студенческие годы, становились затем темами диссертаций. В ТГУ И.М. Разгон почти 20 лет возглавлял созданный по его инициативе совет по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук по гуманитарному циклу. Под его научным руководством защищено около 150 кандидатских и докторских диссертаций по широкому кругу проблем отечественной истории3. Помимо этого, ученые степени были присуждены более 150 аспирантам и соискателям, подготовленным учениками и коллегами И.М. Разгона. Он охотно консультировал десятки соискателей, приезжавших в Томск из вузов Сибирского, Дальневосточного и других регионов страны. При активном участии И.М. Разгона на ИФФ ТГУ выросли известные специалисты в области отечественной истории профессора З.Я. Бояршинова, А.П. Бородавкин, Л.И. Боженко, Н.В. Блинов, А.А. Говорков, М.Е. Плотникова, Г.Х. Рабинович, Ф.С. Флеров, С.Ф. Фоминых.

Многие из учеников И.М. Разгона до сих продолжают работать на гуманитарных кафедрах вузов от Калининграда до Владивостока, от Санкт-Петербурга до Владикавказа и Махачкалы.

Приехав в Томск зрелым ученым, И.М. Разгон нашел здесь благодатную почву для организации исследовательской работы. Он стал инициатором и организатором почти всех больших начинаний в области изучения истории Сибири. Кафедра истории СССР ТГУ вскоре становится центром исследований широкого комплекса проблем социально-экономической, политической и культурной истории Сибири.

Стержневым направлением научных исследований профессора, его учеников и коллег становится история революции и контрреволюции в Сибири в 1917-1920 гг. как составной части российской истории этого периода. И.М. Разгон поставил важные для исторической науки проблемы предпосылок, общих черт и особенностей революции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке⁴. Возглавляемая им кафедра становится центром по изучению этой проблематики. По его инициативе в 50 - 60-е гг. развернулись дискуссии. Они велись вокруг таких вопросов, как положение Сибири в составе Российского государства, характер казенно-кабинетского хозяйства и пережитки феодализма в Сибири, уровень и пути развития аграрного капитализма в Сибири и лр. И.М. Разгон, имея по обсуждаемым вопросам свое мнение, проявил в ходе дискуссий свойственное ему уважительное отношение к суждениям оппонентов.

Многие из этих проблем в 50 — 80-е гг. стали предметом специальных исследований. Они нашли освещение в трудах В.Т. Агалакова, В.Г. Тюкавкина (Иркутск), Л.И. Боженке, А.П. Бородавкина, З.Я. Бояршиновой, Н.В. Блинова, Л.А. Голишевой, Ю.В. Куперта, М.С. Кузнецова, М.Е. Плотниковой, Г.Х. Рабиновича, Л.Г. Сухотиной, В.А. Соловьевой, А.Т. Топчего, В.С. Флерова, Э.И. Черняка (Томск), Л.М. Горюшкина, Д.М. Зольникова, А.С. Московского, В.С. Познанского, В.Л. Соскина, Е.И. Соловьевой, М.М. Шорникова (Новослбирск), В.М. Самосудова (Омск), В.А. Кадейкина (Кемерово), Ю.В. Журова, В.П. Сафронова (Красноярск) и др.

Интенсивная исследовательская деятельность сибирских историков, число и квалификация которых заметно за это время выросли, подготовила почву для написания обобщающего труда по истории Сибири. На первой конференции историков Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в Томске в марте 1960 г., И.М. Разгон выступил с основным докладом, в котором выдвинул и обосновал предложение о подготовке издания многотомной "Истории Сибири".

Эту идею одобрил и поддержал Институт филологии, философии и истории СО АН СССР. 11 июля 1961 г. Президиум АН СССР утвердил предложение своего Сибирского отделения и отделения исторических наук АН СССР о создании коллективного многотомного труда "История Сибири" и состав главной редколлегии издания, в которую вошел и И.М. Разгон. Огромную работу предстояло завершить к 50-летию Октябрьской революции. Профессору И.М. Разгону пригодился опыт, накопленный им в период работы заместителем ответственного секретаря Главной редакции "Истории гражданской войны в СССР"

и заместителем председателя Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Он стал одним из организаторов и активным участником, состоявшихся в Иркутске, Новосибирске, Томске научных сессий, симпозиумов, семинаров с обсуждением малоизученных и дискуссионных проблем истории Сибири.

В декабре 1962 г. И.М. Разгон, как ответственный редактор IV тома, выступил на заседании главной редакции "Истории Сибири" с докладом "Об основных проблемах истории Сибири периода 1917-1937 гг. и освещении их в IV томе". В нем он поставил и обосновал ряд проблем, требовавших глубокого осмысления. Расстановка социально-политических сил накануне 1917 г., в годы революции и гражданской войны в Сибири. Это - политические настроения сибирского крестьянства в 1917 - начале 20-х гг., первые мероприятия Советов, причины их падения летом 1918 г., состав и политика белых правительств Сибири, особенности нэпа в Сибири и другие. Он обратил особое внимание на важность восстановления замалчиваемых в истории имен активных участников борьбы за власть Советов, репрессированных в 30-е гг.

На состоявшейся по инициативе И.М. Разгона летом 1964 г. в Томске Объединенной научной сессии "Предпосылки социалистической революции и установления советской власти в Сибири" были обсуждены некоторые дискуссионные и концентуальные проблемы истории Октябрьской революции в Сибири. Он выступил с докладом "Сибирское областничество в 1917 г." В нем И.М. Разгон остановился на роли областников в событиях революции 1917 г. в Сибири. Правда, в современной историографии, отказавшейся от односторонности классового подхода, оценки сущности областничества, его роли и места в общественно-политической жизни Сибири в годы революции и гражданской войны заметно отличаются от тех, которые сделал И.М. Разгон. Тем не менее, само его обращение к этой теме, долгое время замалчивавшейся, послужило импульсом к ее дальнейшему изучению.

Еще в процессе завершения работы над "История Сибири", которой в 1973 г. была присуждена Государственная премия СССР (правда, И.М. Разгон, по не зависящим от него причинам, не был включен в число лауреатов), он вместе с группой ведущих ученых Института истории, филологии и философии

СО АН СССР выступает с новым проектом дальнейшего комплексного исследования социальной истории Сибири. Речь шла о подготовке многотомных изданий "История рабочего класса Сибири" и "История крестьянства Сибири". И.М. Разгон вложил много сил в реализацию этого проекта. Он вошел в состав Главной редакции (некоторое время был заместителем главного редактора издания), являлся ответственным редактором, а затем членом редколлегии I тома "Истории рабочего класса Сибири" и членом редколлегии тома "История крестьянства Сибири периода капитализма".

Одновременно с этим он увлеченно работал над поставленными им ранее проблемами истории революции и гражданской войны в Сибири. В частности, он одним из первых обратился к более глубокому изучению истории буржуазных и мелкобуржуазных партий в Сибири.

Многие сюжеты этой многоплановой темы получили разработку в трудах многочисленных учеников профессора И.М. Разгона. В первую очередь, это преподаватели кафедры истории СССР советского периода (ныне - кафедра современной отечественной истории), а также сотрудники сектора Октябрьской революции и гражданской войны научно-исследовательской Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, которая была создана по его инициативе в 1968 году. Многолетние исследования самого И.М. Разгона и его учеников нашли отражение в коллективной монографии "Победа Великого Октября в Сибири" в 2 частях (Томск, 1987) и "Хронике установления Советской власти в Сибири" (Новосибирск, 1987), ответственным редактором и одним из авторов которых он является. Идеи И.М. Разгона получили оригинальное продолжение в публикации "Материалы съездов, конференций, совещаний социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в губерниях и областях Сибири (март 1917 - ноябрь 1918 гг.)" в 9 выпусках. Подготовленная в 1991 - 1993 гг. сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ во главе с доцентом Э.И. Черняком, она не имеет пока аналогов в отечественном источниковедении. Ее составители, воспитанники научной школы профессора И.М. Разгона, привившего вкус к выявлению и изучению архивных источников и других документальных материалов, дух новаторства и тягу к самостоятельному

понску, проделали огромную и важную работу по выявлению источников по социально-политической истории Сибири.

Таким образом, диапазон преподавательской, научной и научно-организаторской деятельности профессора И.М. Разгона был чрезвычайно широк. 25 лет он был членом Научного совета АН СССР по комплексной проблеме "Великая Октябрьская социалистическая революция" и главой ее сибирской секции. Под его руководством в различных городах Сибири и Дальнего Востока состоялось более двух десятков научных конференций, симпозиумов по социальным, экономическим, общественнополитическим проблемам истории этого региона. Он много занимался редактированием научных трудов. Только за годы работы в Томском университете им было отредактировано около 80 научных изданий по общероссийской и региональной тематике, в том числе свыше 45 монографий, около 30 сборников статей, материалов научных конференций и симпозиумов, 7 документальных публикаций. Помимо этого, им были написаны десятки отзывов на воспоминания участников революции и гражданской войны в Сибири и т.п.

Профессор И.М. Разгон, ученый "университетского типа", оставил глубокий след в истории Томского университета, исторической науки и гуманитарного образования в Сибири и добрую память в сердцах и трудах многочисленных учеников и коллег.

См.: Профессора Томского университета. Биографический словарь. Т. 2. 1917-1945. Томск, 1998. С. 314-317.

² Горюшкин Л.М. И.М. Разгон - ученый, педагог, человек // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 1.

³ Полечитано по материалам личного архива профессора И.М. Разгона.

⁴ См.: Плотникова М.Е. Октябрьская революция и гражданская война в СССР в трудах И.М. Разгона // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 3-29.

⁵ Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 19.

У ИСТОКОВ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕЛАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л.М. Найбороденко

Эту тему затрагивали в своих исследованиях Л.Ф. Пичурин, Ф.Ф. Шамахов и др. Однако специальной работы нет. Вопрос же представляет значительный интерес. Гуманитарные кафедры в тот период, как, впрочем, и сейчас, закладывали основы мировоззрения, формировали личность будущего педагога, готовили учителей истории, словесников и т.д. Поэтому проследить историю становления этих кафедр старейшего в Западной Сибири педагогического вуза представляется важным. Попытаемся сделать это, обратившись к деятельности первого ректора Томского педагогического института профессора Г.Т. Чуича (1891-1941).

Георгий Трифонович Чуич родился в Сербии в 1891 г. в семье государственного чиновника, получил среднее образование на родине, а высшее в Московском университете на славяно-русском отделении историко-филологического факультета. В период учебы в России Чуич завел семью, женившись на Л. Шестериковой. В годы Первой мировой войны он был призван в сербскую армию, а потом по поручению своего правительства был направлен в Россию с целью добиться ее помощи своей стране. Приехав в Россию в 1917 г., он остался здесь навсегда. В Томске Г.Т. Чунч появился в 1930 г. уже сложившимся деятелем народного образования, поработав в системе народного просвещения Воронежской губернии, в качестве ректора Воронежского, а потом Иркутского университетов. В Томске он был назначен на должность декана педагогического факультета ТГУ, а в 1931 г. становится первым ректором Томского государственного педагогического института. С 1933 г. - декан факультета русского языка и литературы и заведующий кафедрой языкознания і.

Научная деятельность профессора Чуича началась задолго до его появления в Томске. В 1911 г. в Белграде в Национальной библиотеке он собирает материал для статьи о взаимодействии русской и сербской культур и пишет работу о М.В. Ломоносове. В период работы в Воронеже Чуич участвовал в написа-

нии книги о революционных событиях 1917 г. и гражданской войне в Воронежской губернии. Он подготовил большую рукопись о влиянии русской литературной и общественной мысли на сербское общество второй половины XIX в.²

Работая в Томском педагогическом институте, Г.Т. Чунч обратился к истокам русской народной культуры и языка. Им был организован ряд научных экспедиций, в которых приняли участие студенты: фольклорную - в предгорья Алтая, по изучению говоров Сибири -в Кожевниковский район Новосибирской области. Результатом первой экспедиции явился подготовленный к печати сборник. Итогом второй был собранный весьма интересный материал о диалектах Кожевниковского района³. Впоследствии это направление станет традиционным для томских филологов.

Несмотря на большую загруженность учебными поручениями (у Георгия Трифоновича, в частности, учебная нагрузка составляла примерно 1800 часов), ему удалось добиться многого⁴. Прежде всего, в Томском педагогическом институте в 30-е гг. стало развиваться филологическое образование. В то время складывался сильный преподавательский состав кафедры общего и русского языкознания. Сам профессор Г.Т. Чуич владел несколькими иностранными языками, был человеком европейского уровня культуры. Между тем он не был не только доктором, но даже и кандидатом наук: В одном из документов, хранящихся в архиве, имеется ходатайство Томского педагогического института, направленное в конце 30-х гг. в ВАК, о присуждении Георгию Трифоновичу ученой степени кандидата филологических наук без защиты диссертации⁵. Основанием для этого была его активная учебная, административная и научная работа в течение последних 15 лет. Он много работал над докторской диссертацией - Совет института рекомендовал его в 1940 г. в качестве кандидата на получение сталинской стипендии. Она в то время давалась тем ученым, которые занимались разработкой крупных научных проблем6.

На филологическом факультете трудились в то время и такие галантливые преподаватели, как доцент Зайцевский, имевший богатый опыт педагогической работы, доцент Беке, выпускник романо-германского отделения историко-филологического факультета Петербургского университета, слушавший лекции в Сорбонне, жена Г.Т. Чуича, доцент Л.А. Чуич, защитив-

шая незадолго до Великой Отечественной войны кандидатскую диссертацию, ассистент Львова, владевшая несколькими иностранными языками, и др. Они обеспечивали высокий уровень преподавания на факультете и плодотворно занимались научной работы⁷.

В 1937 г. в педагогическом институте состоялась первая научная конференция. "Ученые записки" с материалами этой конференции появились в 1939 г., но статей филологов в них не было напечатано. Дело в том, что рял преподавателей кафедры стали жертвами сталинских репрессий: доцент Зайцевский и ассистент Львова были расстреляны, доцент Беке был арестован, у профессора Чуича был арестован сын, а сам он был исключен из партии". Не вышла в свет и книга профессора Чуича по проблемам взаимопроникновения русской и сербской культур.

Таким образом, в 30-е гг. XX в. в Томском государственном педагогическом институте началось формирование одной из ветвей гуманитарного знания - филологии. Было положено начало изучению фольклора Сибири, ее диалектов. Позже, в 1941 г. в Томском пединституте появится репрессированный профессор А.П. Дульзон, который возглавит кафедру общего и русского языкознания и, продолжив работу, начатую его предшественниками, сформирует научную школу по проблеме происхождения сибирских народностей и их языков.

¹ Пичурин Л.Ф. Томский государственный педагогический университет. Томск, 1995. С. 6-8.

² Архив Томского государственного педагогического университета. Ф. 566. Оп.1. Д. 970. Л. 112.

³ Шамахов Ф.Ф. Страницы истории Томского пединститута // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917-1941 гг.). Новосибирск, 1980. С. 217.

⁴ Архив Томского государственного педагогического университета. Ф. 566. Оп. 1. Д. 990. Л. 80-82.

⁵ Там жс. Л. 81.

⁶ Там же. Л. 68. Пичурин Л.Ф. Томский государственный педагогической университет. Томск, 1995. С. 45, 47, 48.

⁷ Пичурин Л.Ф. Томский государственный педагогический университет. Томск, 1995. С. 45, 47, 48.

в Там жс. С. 200-201, 9.

К ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Л.И. Боженко

Обращение к истории юридического факультета Томского университета, конечно же, вызвано юбилейными соображениями, поскольку на 1998 приходится несколько "круглых", как их называют, и юбилейных дат: 120 лет со дня, когда появилось давно ожидаемое обществом "соизволение" царя-государя об учреждении "императорского сибирского университета в городе Томске", 110 лет после опять же "царского повеления" об открытии университета. 100 лет со времени принятия решения открыть с начала нового, 1898/99 уч. г. юридического факультета и, наконец, 50 лет со дня его восстановления в 1948 послевоенном году.

Последнему из указанных событий и посвящена данная статья. Тема её имеет несомненную значимость и актуальность уже потому, что история восстановления юридического факультета на сегодняшний день фактически ни кем и никогда не изучалась специально! Между тем она довольно интересна и позволяет несколько расширить и углубить историю Томского государственного университета - одного из старейших и ведущих вузов страны, первого в Сибири вуза, положившего начало высшему образованию и вузовской науке на Востоке нашей Родины. Историю, которая является, и это не преувеличение, неисчерпаемым кладезем для нынешних и последующих поколений сибирских историков.

Пожалуй, более всего этим обстоятельством можно объяснить то, что на предложенную Вашему вниманию тему выступает не юрист, а историк. И вполне естественно, что в данной работе акцент будет сделан именно на истории восстановления юридического факультета.

Данная статья - это лишь попытка восполнить существующий пробел в истории юридического факультета. Основными источниками для реализации этой попытки послужили главным образом сравнительно немногочисленные документы и материалы Государственного архива Томской области и архива Томского университета, а также информация из периодической печати

1940 -нач. 50-х гг. прежде всего из университетской газеты "За советскую науку", в которой публиковались немногочисленные и отрывочные материалы о юридическом факультете Томского университета в период с конца 40-х и до начала 50-х гг.

Начало юридическому образованию было положено 22 октября 1898 г., когда в традиционный день годового университетского акта состоялось официальное открытие юридического факультета Томского университета (до этого в течение 10 лет в университете был только один медицинский факультет). Через 22 года, уже в советское время, когда во всех университетах страны были упразднены юридические факультеты, "вследствие несоответствия содержания их курсов требованиям марксистской научной методологии", 20 мая 1920 г. был закрыт и юридический факультет Томского университета и на его базе был создан факультет общественных наук (ФОН) в составе трёх отделений экономического, правового и социально-философского 2.

Вторичное открытие юридического факультета и восстановление в Томском государственном университете юридического образования состоялось много лет спустя, только после Великой Отечественной войны. Оно было самым непосредственным образом связано с принятием 5 октября 1946 г. особого постановления ЦК партии "О расширении и улучшении юридического образования в стране"3. Обсудив вопрос о состоянии юридического образования, ЦК партии подверг его весьма суровой, но справедливой критике. Было отмечено, что оно поставлено совершенно неудовлетворительно: не организована подготовка юристов для работы в области международных правовых отношений, а также для работы в советских административных органах; юридические институты и юридические факультеты университетов не стали ещё основным каналом подготовки юристов высшей квалификации; уровень высшего юридического образования всё ещё был низким, не организована была серьёзная подготовка и переподготовка работников суда и прокуратуры, не имеющих юридического образования.

В принятом постановлении были намечены основные направления развития юридического образования и подъёма юридической науки в послевоенный период. Причём решающим звеном в юридическом образовании должны были стать высшие учебные заведения - юридические факультеты университетов, а также специальные юридические институты. Учитывая, что

юридическое образование в нашей стране исторически сложилось как отрасль университетского образования, было решено восстановить юридические факультеты в ряде университетов страны, где их не было или они были закрыты в начале 1920-х гт.

В числе шести таких университетов страны, в которых согласно постановлению ЦК партии должны быть в течение 1947-1949 гг. открыты юридические факультеты, был назван и Томский университет. Уже тогда, в 1946 г. издается соответствующий приказ Министерства высшего образования СССР, в котором было указано, что юридический факультет в Томском университете должен быть открыт, и ректорату университета было предложено провести все необходимые полготовительные мероприятия 4.

Подготовительная работа по открытию юридического факультета заняла, по неизвестным нам причинам, два года, и вот 1 сентября 1948 г. юридический факультет в Томском университете был открыт, вернее восстановлен ⁵.

В первое время после своего восстановления юридический факультет Томского университета, как и факультеты, открытые одновременно с ним в нескольких университетах страны, испытывал огромные трудности уже потому, что воссоздавать факультет приходилось фактически на голом месте. Данное обстоятельство потребовало от ректората, партийной, комсомольской и профсоюзной организаций Томского университета больших усилий по материальному и организационно-кадровому обеспечению нового факультета. "Надо окружить вниманием и заботой вновь открываемый юридический факультет, — говорилось в передовой статье университетской газеты 30 июля 1948 г., - оказать ему всевозможную помощь и поддержку" 6.

Новый факультет надо было обеспечить учебными площадями, учебной литературой, оборудованием, а принимаемых на первый курс студентов - общежитием. Большую работу на новом факультете предстояло проделать партийной и комсомольской организациям университета с тем, чтобы (как это было принято в то время) с первых дней занятий организационно оформить членов партии и комсомольцев в самостоятельные партийные и комсомольские группы факультета. "Товарищескую помощь" в этом и в организации полноценной общественно-политической работы на молодом факультете призывались оказать парторганизации всех факультетов университета, но особенно историко-филологического, "стоящего по характеру своей работы наиболее близко к юридическому факультету".

И, пожалуй, самая большая трудность в организации нового факультета заключалась в том, чтобы обеспечить новый факультет кадрами преподавателей. Вель тогда, во второй половине 40-х гг., не только в университете, но и в городе было крайне мало преподавателей правоведческих дисциплин, а уж о специалистах-юристах с учёными степенями и учёными званиями и говорить не проходилось. Всё надо было начинать с нуля, приглашать на преподавательские ставки из других учреждений и других городов.

В первое время на факультете не было ни одного кандидата юридических наук, а некоторые совместители даже не имели высшего образования. Факультет вначале не имел даже и своего декана, и его обязанности временно исполнял по совместительству С.С. Проконьев (по одним сведениям - лаборант кафедры истории ИФФ, по другим - преподаватель кафедры философии)7. Он же исполнял обязанности заведующего единственной тогда на факультете кафедрой теории и истории государства и права СССР. Вскоре деканом и заведующим кафедрой стал тоже не юрист, а историк - канд. ист. наук, доцент И.В. Кузнецов. И только с нового 1949/50 уч. г. деканом и заведующим кафедрой стал канд. юрид. наук, доцент Х.И. Шварц. Кроме них, для проведения занятий были привлечены совместители: по судопроизводству - председатель коллегии адвокатов В.Н. Кротов, по истории государства и права СССР - преподаватель с ИФФ А.П. Бородавкин. Затем на факультете появились три новых штатных преподавателя-юриста - канд. юрид. наук, доцент М.М. Мороз и старшие преподаватели М.Н. Журавлёв и Б.И. Суховейко.

Что касается набора на новый факультет, то он был провелён в соответствии с постановлением ЦК - в первый учебный год на первый курс были приняты 101чел., подавляющие большинство из которых составляли члены и кандидаты в члены партии и комсомольцы. Следует особо отметить: интерес к новому факультету со стороны молодёжи, оканчивавшей среднюю школу, был весьма высок.

Обучение студентов-юристов начало осуществляться на основе учебного плана МВО СССР, специально разработанного для юридических факультетов и принятого как раз в 1948 г. Не вдаваясь в сколько-нибудь подробный анализ плана, отметим,

что он предусматривал подготовку юристов широкого профиля, которые могли бы работать в органах государственного управления, суда, прокуратуры, а также вести преподавательскую работу в высших учебных заведениях и юридических школах. Срок обучения устанавливался в 5 лет.

Юридический факультет проделал большую работу, чтобы построить в соответствии с новым учебным планом весь учебный процесс. Задача эта была трудной, так как на первых порах юридический факультет действовал в составе единственной кафедры - теории и истории государства и права. Этой по необходимости универсальной кафедре приходилось обнимать все юридические дисциплины на первых курсах факультета, однако несмотря на это на факультете каких-либо серьёзных отклонений от плана и графика его выполнения, судя по отчётам за 1948/49 уч. г., не было в.

Вполне естественно, что по причине молодости юридического факультета и того, что он в первые годы имел немногочисленный преподавательский состав, к тому же почти не "остепенённый", на факультете в первые годы, можно сказать, не велась научно-исследовательская работа, о чём косвенно свидетельствуют семестровые и годовые отчёты о работе юридического факультета, в которых до 1952 г. даже отсутствовал раздел о научно-исследовательской работе ⁹.

В то же время буквально с первых дней после восстановления факультета на нём стала активно проводиться самая разнообразная политико-воспитательная работа: лекции преподавателей для студентов во внеучебное время, политчасы и политзанятия, теоретические конференции, посвященные знаменательным датам, агитработа в студенческом общежитии и в городе, выпуск стенгазеты, партийные и комсомольские собрания и т. д.

Такова краткая история восстановления в Томском университете юридического факультета. Значение этого события для Томского университета несомненно. Прежде всего, открытие юридического факультета решало такую важную и актуальную задачу, как восстановление в университете подготовки высококвалифицированных специалистов в области юриспруденции. Но не менее важным для университета было и то, что восстановление в его составе такого традиционного университетского факультета имело существенное значение для самого университета, поскольку оно ещё более сближало его структуру с клас-

сической. При всём этом надо также иметь в виду и то, что в это время, как и в 1898 г., юридический факультет в Томском государственном университете оставался единственным на огромных просторах Сибири и Дальнего Востока, который был призван готовить кадры юристов высшей квалификации, что, естественно, накладывало на Томский университет особую ответственность.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Т.А. Быкова

Развитие России по капиталистическому пути, особенно после отмены крепостного права, остро поставило вопрос о повышении грамотности населения. Новый экономический курс требовал квалифицированных кадров по различным специальностям. Успешному решению этого вопроса мешала отсталость и безграмотность большинства населения Российской империи.

Однако в середине XIX в. наметились реальные сдвиги в просвещении России. В 60-е гг. в империи действовало 6 университетов, при которых открывались педагогические институты и пансионы для подготовки в вузы. Значительно расширя-

¹ Самые общие и отрывочные сведения об этом содержатся в сводных работах о Томском университете: Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск, 1960. С. 415-417, 457; Томский университет. 1880-1980. Томск, 1980. С. 239, 256. Кроме того, отдельные фрагменты этой истории солержатся в газетных и журнальных публикациях 1948-1988 гг.

² Томский университет... С. 140.

³ Социалистическая законность. 1946. № 11-12. С. 13-14.

⁴ Зайченко П.А. Указ. соч. С. 415.

⁵ Архив ТГУ. Ф. Р 815. Оп. 1. Д. 983. Л. 33.

Успешно подготовиться к новому учебному году (Передовая) // За советскую науку. 1948. 30 июля.

⁷ Ким А.И. Наш юридический // За советскую науку. 1968. 28 мая.

^в ГАТО. Ф. Р 815. On. 1. Д. 983, 3487, 3488.

⁹ Там жс.

лась сеть специальных высших учебных заведений: кадетских корпусов, военных академий. В 1860 г. насчитывалось 84 гимпазии, где обучалось 24,5 тыс. учащихся, а в 70-е гг. их численность выросла до 118, с количеством учащихся 36,6 тыс. человек¹.

Тем не менее несмотря на рост числа обучающихся образование женщин оставалось очень низким. Если в европейской части России число образованных женщин медленно, но все же росло, то в сибирском регионе, кроме немногих частных школ, не существовало никаких других учебных заведений для девочек. Так, в 1856 г. в округах Томской губернии не обучалась ни одна девочка, а в городах на 10 тыс. жителей обучалось 3,9 женщин².

Император Александр II в 1856 г. обратил свое внимание на то, что принятые меры по образованию девочек не удовлетворяют потребности как по объему курса наук, так и по ограничению приема в них только дочерей дворян и чиновников. Липа среднего сословия были лишены возможности дать дочерям необходимое образование. Император признавал, что от образования женщины зависит улучшение нравов и развитие гражданственности, поэтому необходимо открыть школы для девушек разного происхождения. Таким образом, в конце 50-х гг. было предписано открывать в губернских городах женские школы с курсом, приближенным к гимназии. Правда, женские гимназии в первую очередь должны были готовить девушек к роли будущей матери и супруги.

Однако еще в 1836 г., задолго до принятия названного распоряжения, директор училищ Томской губернии Попов пожертвовал 85 тыс. рублей на устройство в Томске Сибирского общественного банка. По 32 параграфу устава этого банка следовало отчислять из процентов с этого капитала 2 тыс. рублей серебром на содержание в г. Иркутске в девичьем институте 20 девушекпансионерок. На доход с остального капитала, когда он достигнет размеров, необходимых на содержание 40 воспитанниц, следует открыть в Томске институт для девушек. Несмотря на то, что к началу 50-х гг. необходимые средства уже имелись, вопрос об открытии школы так и оставался нерешенным.

С программою высших наук, с пансионом только для 20 девушек благородного звания. Данный пример подтверждает, как медленно и сложно решались вопросы открытия новых учебных заведений, даже в тех случаях, когда находились меценаты и имелись достаточные средства.

Между тем мысль о необходимости женского образования стала находить поддержку по всей губернии. В 1859 г. чиновники г. Каинска приняли решение о ежегодном пожертвовании 0,5% с содержания и 1% с наградных на женское училище. Было собрано 205 рублей пожертвований горожанами. Главное управление Западной Сибири отпустило единовременно на училище 105 рублей. Учителя Каинского уездного училища изъявили готовность преподавать в женской школе бесплатно. Генерал-губернатор предложил мещанам и купцам тоже оказать поддержку этой школе. Купечество готово было ежегодно жертвовать по 3 рубля каждый, а вот мещане отказались помочь. Только в 1862 г., когда купцы увеличили взносы до 5 рублей, мещане решили вносить с годового дохода по 40 коп. Школа открылась в 1860 г., однако желающих обучать своих дочерей оказалось немного. В первый год в ней училось 15 девушек, в основном дочерей чиновников и духовенства. Качество получаемого образования в школе было пизким, акцент делался на обучение девочек башмачному ремеслу. Это подрывало авторитет школы и сокращало число обучающихся. К 1869 г. учебное заведение находилось на грани закрытия, остро стояла проблема обеспечения учителями и не хватало средств на се содержание. Только благодаря 42 чиновникам, которые ежегодно стали вносить 1% с получаемого жалованья, школе удалось выжить3.

В эти же годы женские училища были открыты в Томске (в 1860 г.), в г. Бийске (в 1861 г.), в Нарыме (в 1869 г.). Эти учебные заведения представляли собой приходские училища для девушек беднейшего состояния. Значительную роль в поддержке таких училищ играло сибирское купечество. Так, дом под школу в Нарыме пожертвовал купец Кайдалов, а классные принадлежности — староста Новосельнев. Купеческий сын Гилев выстроил дом для женского училища в г. Бийске, а 12 дам «благородного общества» согласились ежегодно отдавать для училища по 10 рублей каждая.

Однако не везде оказывалась такая поддержка женским учебным заведением. Можно привести примеры, где медленно и сложно решалась проблема женского образования. Полиция г. Кузнецка доносила, что никто из жителей не пожелал обучать своих дочерей в училище, поэтому открывать школу не имеет смысла. Того же мнения было и мещанское общество, отмечая, что не имеет средств на содержание школы для девушек. Толь-

ко 16 купцов (из 25) постановили ежегодно жертвовать по 3 рубля каждый для поддержки училища.

Мещанское общество вынуждено было под давлением купечества и просьб губернатора, ежегодно выделять по 50 рублей, но свое обещание так и не выполнило.

Тем не менее это единичный случай — общество по мере своих сил отзывалось на нужды школы, а администрация всячески поощряла упрочение женского образования. Министерство народного просвещения выделяло незначительные средства на открытие и содержание женских учебных заведений, в большей части такие средства предлагали сами жители городов, прежде всего купечество, вносились единовременные добровольные пожертвования. Естественно, этих средств на содержание школ едва хватало. Острым оставался вопрос о жалованье преподавателей. Например в Кузнецком приходском училище учительница рукоделия и чтения Калмакова получала жалованье 7 рублей в месяц, а учитель Иванов — 1 рубль 50 копеек, классная дама Попова — 8 рублей. Скудное вознаграждение сказывалось на качестве преподавания. Осложнялся процесс обучения и нехваткой школьных принадлежностей.

В 1870 г. вышло Положение о преобразовании женских училищ 1 и 2-го разряда в женские гимназии и прогимназии. Предполагалось 7-классное обучение, а при возможности открытие и 8 класса для подготовки девушек к педагогической деятельности. Учебный план женских гимназий, по сравнению с мужскими, отличался облегченностью: преподавались лишь основы общеобразовательных дисциплин. Однако значительное количество часов отводилось рукоделию, получению сведений о домашнем хозяйстве и гигиене. Обучение иностранным языкам, музыке, танцам, рисованию, относилось к необязательным предметам и оплачивалось отдельно. Тем не менее этим Положением закладывался фундамент более успешного развития среднего женского образования в губерниях

Самой популярной в Томской губернии являлась Мариинская женская гимназия. Число учениц колебалось в разные годы от 70 до 100 человек, а к 1894 г. в гимназии обучалось 349 учениц. При данном учебном заведении был открыт пансион для 25 девушек, с оплатой 150 рублей в год. Плата же за обучение в 1-7-классах за обязательные предметы составляла 40 рублей в год, а за изучение иностранных языков дополнительно платили 15 рублей в год.

Подобная женская гимназия была в Омске, в 1894 г. в ней насчитывалось 355 учениц. В 1879 г. открылась Верненская женская гимназия, в которой получали образование 116 учениц. Таким образом, в конце XIX в. в Западно-Сибирском учебном округе имелось 3 женские гимназии, в которых обучалось 820 девочек, 12 женских прогимназий, где училось 1530 учениц. Кроме этого, действовало 176 городских и сельских начальных училищ разных ведомств, где получали знания 1470 девочек и 4809 мальчиков⁴.

Значительная разница в числе обучающихся мальчиков и девочек объясняется теми льготами по воинской повинности, которыми они пользовались по окончании курса в учебном заведении, а также спросом на образованных лиц мужского пола в государственных и частных учреждениях.

Если рассмотреть состав учениц женских гимназий по сословному признаку на примере Мариинской женской гимназии, то картина выглядит таким образом. В начале 60-х гг. дети городского сословия (мещане, купечество) преобладали в процентном соотношении над дворянским — 44 и 40%, в начале 70-х, наоборот, дети дворян составляли 51%, дети городского сословия — 34%. Что касается детей крестьян и духовенства, то они составляли незначительный процент, который постоянно менялся, с тою разницей, что процент духовенства в 1872 г. повысился с 5,5 до 8, а крестьянства — снизился с 7 до 5,9. Подобную картину можно наблюдать и в других женских гимназиях.

В 1868 г. были обнародованы новые правила открытия частных учебных заведений. Школы лелились на три разряда. Указывались обязательные предметы для изучения в этих школах: Закон Божий, русский язык, математика. Учебные планы по истории и географии подлежали обязательному утверждению попечителем учебного округа. В правилах отмечалось, что открывать частные школы имели право только лица благонадежные и получившие специальное педагогическое образование. Такие меры позволили поставить дело народного обучения под контроль и способствовали повышению качества получаемых знаний.

Следует отметить, что в 80-е гг. в Томске было два частных начальных училища, где обучалось 36 учеников. Самыми многочисленными частными школами были: школа В.И. Шешуковой, с числом учащихся 112 человек (в том числе 54 мальчика и 58 девочек), Е.Л. Черепановой, где училось 52 ученика. Полу-

чили известность частные учебные заведения А.И. Кокшаровой, А.Х. Киселевой, Ю.Г. Никольской. Акцент в преподавании в этих учебных заведениях также был сделан на такие предметы, как музыка, танцы, изучение иностранных языков⁵.

Таким образом, во 11 половине XIX в. в Сибири и, в частности, в Томской губернии наметились реальные сдвиги в расширении сети учебных заведений для девочек. Тем не менее по переписи 1897 г. процент грамотных людей в Российском государстве составлял в среднем 22,9%. Весьма существенной оставалась разница в грамотности между мужчинами и женшинами, соответственно 32,6 и 13,7%. Для Сибири эти показатели были значительно ниже.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЛАСТИ

Л.Г. Шамонина

Читинская область граничит с Иркутской и Амурской областями, Республиками Бурятия и Саха (Якутия), а также с Монголией и Китаем. В данном регионе она является самой южной областью РФ, пограничной и транзитной. Большая протяженность ее границ создает проблемы коммуникации, вывоза сырьевых ресурсов за границу не только через государственные структуры, но и через частные фирмы и неконтролируемой миграции из КНР. Китай прочно занимает второе место во всем внешнем российском товарообороте.

Величина территории и плотность населения влияют и на темпы развития региона. В области проживает 1.281 тысяч человек, т.е. 0,9% населения России на огромной территории 431,5 тыс. кв. км (2,5% территории России). Соответственно плот-

¹ Россия и мир. М., 1994. Ч. 1. С. 347.

² Памятная книга Томской губернии. Томск, 1885. С. 48.

³Там же. С. 55.

⁴ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1895. С. 54.

⁵ Там же. С. 61.

ность населения 3 чел. на 1 кв. км. По России-8,7 чел. Около 3% жителей проживают на севере области - это 35% территории, приравненной к районам Крайнего Севера. Здесь плотность населения 0,2 чел. на кв. км.

Читинская область находится в числе последних из 13 сибирских регионов по объему производства и уровню жизни населения. Если до 1991 г. остро ощущалась нехватка рабочих рук (85 тыс. чел.), то на начало 1997 г. не имели работы 180 тысяч человек. По международным методикам подсчета — это более 20 % экономически активного населения. 140 тысяч человек занимались личным подсобным хозяйством. Сложилось критическое положение. По области на одну вакансию приходится 44 зарегистрированных безработных, тогда как в среднем по России - 8, а в Западной Сибири - 6.

Средний возраст безработных в Забайкалье около 32 лет. Среди них люди с высшим образованием составляют более 12%, со средним специальным и средним образованием - 60%, ниже среднего - около 28%. До 1995 г. среди безработных было равное соотношение мужчин и женщин. В последние годы увеличение происходит за счет женщин и молодежи. Более 39 тысяч молодых людей ежегодно ищут работу. На учете в отделе занятости стоят профессионалы и не зарегистрирован ни один бомж. Учитывая, что в области 5-6 тысяч человек не учатся в школе, можно предположить, что скоро появятся неграмотные безработные. Люди хотят работать, но не могут реализовать права на труд, гарантированное Конституцией. В условиях дальнейшего спада производства и инфляции это может быть серьезной социальной опасностью и привести к маргинализации общества, росту преступности, психическим расстройствам и суицидам. Таким образом, налицо снижение жизненного уровня населения и ухудшение его здоровья.

Читинская область обладает устаревшей экономической структурой и является экономически депрессивным регионом подобно Республике Бурятия, Курганской и Амурской областям. Моноотраслевая, горнодобывающая структура хозяйства ее доля составляет 41% продукции области - и резкий спад промышленного производства обусловили ухудшение всех показателей ее экономической деятельности.

Забайкалье не может быть постоянно депрессионным регионом. Необходимо искать возможности для возрождения, вывода экономики региона из глубокого кризиса.

Развитие образования, науки и культуры также может сыграть важную роль в возрождении Читинской области. Известно, что за счет повышения уровня образования населения развитые страны получают почти половину валового национального продукта. За последние 6 лет в стране более чем на 50% сократилась численность научных кадров, на 30% - число студентов. В России приходится 220 студентов на 10000 населения (из этого количества за счет федерального бюджета обучается 170 человек), по области этот показатель в два с лишним раза ниже. В 1996 г. на 10 тысяч приходилось 97 студентов, а всего в области их около 16 тысяч.

По числу студентов на душу населения Россия далеко отстает от ведущих стран мира, и этот разрыв увеличивается с каждым годом. Весь цивнлизованный мир давно понял, что без науки и хорошего образования у страны не может быть будушего. Однако расходы на науку в нашей стране существенно меньше расходов на многочисленные избирательные кампании, войну и послевоенное восстановление Чечни и т. п. В бюджете 1996 г. наука финансировалась на уровне менее 1% от национального дохода - на уровне слабых развивающихся стран. Это одна из причин падения качества подготовки специалистов.

В современных условиях триединство "школа-вуз-регион" приобрело исключительное значение. Неравномерное распределение потенциала науки и высшей школы в соответствующий период привело к дисбалансу в обеспечении регионов специалистами. Более половины вузов находится в европейской части страны. Молодые специалисты плохо закреплялись в районах Сибири и Дальнего Востока. Поэтому 95% инженеров, учителей, врачей вузы Забайкалья должны были готовить сами. Местные власти мало что могли сделать из-за отсутствия у них соответствующих прав, финансовых и других средств. Сложилось твердое убеждение, что забота о вузах лежит на центральных органах управления. В 1992 г. Госкомвуз принял решение о разграничении полномочий по управлению вузами и оказании им помощи из средств местного бюджета. Возникла необходимость разработки региональной политики в области образования. планов перспективной потребности территорий в специалистах, перехода на контрактную систему. Региональная ориентация вузов становится приоритетной, а Законом об образовании вводятся национально-региональные компоненты государственных образовательных стандартов. Определенная стандартом структура и система дисциплин позволяет преодолеть технократические тенденции в подготовке специалистов и оторванность гуманитарного образования от естественнонаучных и технических вопросов современной культуры.

Государственный Комитет по высшему образованию в соответствии с постановлением Правительства РФ от 10 августа 1993 г. вместо четырех гуманитарных дисциплин утвердил 11 базовых курсов, предоставил преподавателям возможность разработки авторских лекционных курсов. Были сокращены аудиторные занятия и увеличено время на самостоятельную работу студентов. Для этого необходимо было создание нового поколения учебно-методической литературы. Проведенный конкурс "Гуманитарное образование в высшей школе" позволил подготовить около 130 наименований учебников и методической литературы нового поколения, пробные издания которой бесплатно рассылались вузам.

Жизненный опыт учит: нет обучения без воспитания, нет технического прогресса без этического прогресса, нет экономического развития без развития нравственного. Не секрет, что в вузах, особенно технических, преобладала узкопрофессиональная подготовка специалистов в ущерб их общей гуманитарной культуре.

Исключительная возможность проблемы гуманизации уже давно понималась лучшими умами России. Н.А. Бердяев считал, что "вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры". Философ Г.П. Федотов писал в 1939 г.: "Есть перспектива индустриальной, могущественной, но бездушной и бездуховной России... Голая бездушная мощь - это самое последовательное выражение Каиновой, проклятой Богом цивилизации".

Прошли десятки лет, и мир сильно изменился. Возникла жизненная необходимость гуманизировать деятельность профессионалов, преодолеть технократический подход в экономике. Перед сложными испытаниями XXI в. именно гуманизация отношений становится глобальной проблемой, от решения которой зависит само существование Земли и человечества. Только инженер, получивший гуманистическое воспитание, способен ясно оценивать возможные последствия своих конструкторскотехнологических решений для окружающей среды. Инженеру необходимо экологическое сознание. Инженеры всегда будут

превалировать над гуманитариями. Ключ к экономическому успеху лежит в освоении промышленных технологий. В странах Восточной Азии наблюдается стремительный рост числа студентов в технических вузах. При этом большую роль в "экономическом чуде" Южной Кореи и других стран Восточной Азии сыграла активная гуманизация процесса образования. Еще раньше подобная реформа прошла в США и ведущих европейских странах.

Гуманитаризация образования осуществляется через формирование системы научных знаний о человеке и обществе, истории культуры и цивилизации. Разрабатывается концепция гуманитаризации инженерного образования. В центре и на местах проделана большая работа. Утверждены перечни 23 направлений и 73 специальностей высшего гуманитарного образования. Среди них менеджмент, коммерция, политология, культурология, социальная психология, антропология, концепция современного естествознания и др. В четырех вузах Читы (не считая филиалов и 21 среднее специальное учебное заведение) ведутся эти дисциплины. В Читинском государственном техническом университете осуществляется подготовка специалистов по экологии, экономике, информационным системам в экономике, метрологии, менеджменту; открыт юридический и гуманитарный факультет (специальности социальная работа и регионоведение, где изучается китайский язык и экономика Китая). В программах учебных курсов гуманитарные, социально-политические и экономические дисциплины составляют 25%. Кафедрами разработаны и читаются десятки элективных курсов социогуманитарных дисциплин. Среди них такие, как "культура речи", "деловой английский", "личность и история", "историческое краеведение", "аграрный вопрос в истории России", "интеллигенция и власть", "социология семьи и брака" и т.д.

В спецкурсе по истории науки и техники подчеркивается роль личности выдающихся ученых, их духовно-нравственные поиски. Это требует определенной связи между специалистами гуманитарных, естественнонаучных и технических кафедр. Решаются вопросы соответствующей подготовки и персподготовки педагогических кадров для вузов, формирование их гуманитарной культуры, введение педагогических и психологических циклов лекций.

В 1995/96 уч. г. в области появились первые негосударственные учебные заведения, осуществляющие платное обучение по

гуманитарным специальностям. Платное образование осуществляется и в государственных вузах: 11% от общей численности студентов обучалось в 1996/97 уч. г. на условиях полного возмещения затрат. Из них 50% отсеялись в процессе обучения по разным причинам.

Среди вузов возникла конкуренция, дробление сил, проблема дублирования и качества полготовки кадров юристов, экономистов, менеджеров (Читинский государственный технический университет, Забайкальский государственный педагогический университет, филиал Иркутской экономической академии, институт предпринимательства, Читинское представительство современного гуманитарного университета (СГИ).

В этих условиях необходима интеграция государственных вузов. В настоящее время администрация области, департамент образования и руководство вузов разрабатывают и обсуждают концепцию создания классического университета в Забайкалье.

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ОМСКОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В.А. Шелковский

В 1998 г. Омский государственный аграрный университет отмечает свое 80-летие. Но "предыстория" старейшего высшего сельскохозяйственного учебного заведения за Уралом не получила достаточного отражения в работах историков.

Вопрос об открытии в Сибири института сельскохозяйственного профиля впервые был поставлен ещё в 70-е гг. XIX в. Западно-Сибирским генерал-губернатором А.Г. Казнаковым. Однако тогда дело ограничилось открытием в Омске ветеринарной школы. Впоследствии к этой теме возвращалась сибирская печать В 1903 г. в Петербурге состоялся первый съезд ветеринарных врачей, на котором говорилось о необходимости открытия ветеринарного института в Сибири. Томская городская дума во главе с П. Макушиным приняла решение об отводе места под институт, а университет выразил готовность содействовать этому. В конце XIX в. на открытие института все более решительно начал претендовать Омск, расположенный в центре ско-

товодческого района. События русско-японской войны временно отсрочили решение вопроса.

После завершения строительства железной дороги и появления возможности выхода сибирской сельскохозяйственной продукции на российский и мировой рынки потребность в квалифицированных специалистах для края становитея все более очевидной. Площаль пахотных земель увеличилось с 1901 по 1913 гг. почти в 2 раза, а по числу голов скота на душу населения край вышел на одно из ведущих мест в мире². Однако специалистов-ветеринаров в крае явно не хватало. Так, на одного ветеринара приходилось 125000 голов скота всех видов 3.

В январе 1909 г. газета "Омское слово" вновь поставила проблему открытия сельскохозяйственного вуза именно в Омске, который, по се мнению, "самим географическим положением предназначен для такого типа учебного заведения". В начале 1909 г. Омская городская дума приняла решение ходатайствовать перед правительством об открытии в Омске ветеринарного института с сельскохозяйственным отделением.

В начале 1910 г. состоялся второй Всероссийский съезд ветеринарных врачей, на котором дебатировался вопрос об открытии сельскохозяйственного высшего учебного заведения, одновременно обсуждался доклад московского ветеринарного общества об открытии института в Москве. В Государственную думу было внесено законодательное предложение 33 депутатов об учреждении при физико-математических факультетах Харьковского, Казанского, Киевского и Новороссийского университетов особых агрономических отделений. Томская газета "Сибирская жизнь" расценила это как традиционное пренебрежение к нуждам края. Между тем в Томске разрабатывался план создания в Томском технологическом институте агрономического отделения 6.

В омской печати также начинается активное обсуждение проблемы устройства сельскохозяйственного вуза в Сибири. Примечательна статья омского врача П. Емельянова "Где должен быть сибирский ветеринарный институт" в "Омском вестнике" от 31 января 1910 г. По мнению автора, "сама жизнь подсказывает, что ветеринарный институт должен быть открыт не в Томске, а в каком-нибудь из центров степной Сибири". Наиболее выгодным для этой цели, полагал он, являлся Омск - центр скотоводческого района, город со 130-тысячным населением 7.

В заключительной части статьи П. Емельянов сожалел, что в Омске не было таких серьезных общественных сил, которые взялись бы за это дело. Городская дума, писал он, елишком инертна, отцы города слишком мало делают для своего детища.

Естественно, что если Омск рассматривался, как перспективный в экономическом плане город, то в борьбе за институт должна была сказать свое слово местная буржуазия. "Омский вестник" 2 мая 1910 г. поместил открытое письмо того же П. Емельянова к председателю омского биржевого комитета Ф.Ф. Штумпфу, в котором омский врач изложил аргументы в пользу открытия института в этом городе ⁸.

Сибиряки не без основания рассчитывали на то, что решение вопроса об открытии института будет зависеть от П.А. Столыпина, совершавшего в конце лета - начале осени 1910 г. поездку по Сибири. Во время посещения Омска от биржевого комитета ему была вручена докладная записка, в которой содержалась просьба о помощи в учреждении в городе политехнического института с сельскохозяйственным, гидротехническим и ветеринарным отделениями⁹.

Однако во время посещения Томска премьер-министр склонялся к поддержке томичей, разрабатывавших план организации сельскохозяйственного отделения при одном из томских вузов.

Уже после поездки П.А. Стольнина Омская городская дума при поддержке местных общественных организаций на заседании 24 октября постановила: ходатайствовать об открытии института в Омске, подкрепив ходатайство данными о развитии сельского хозяйства в Западной Сибири. Однако в ноябре был опубликован доклад о поездке П.А. Стольпина в Сибирь и Поволжье, в котором указывалось, что высшее сельскохозяйственное учебное заведение более пелесообразно открыть в Томске. Первоначально в виде отделения при одном из томских вузов, а позднее реорганизовать его в самостоятельный институт¹⁰.

Такое решение подверглось критике в сибирской печати. Новониколаевская "Обская жизнь" в одной из статей, перепечатанных "Омским телеграфом", отмечала, что в Омске институт лучше справится с задачами и обслуживания местного сельского хозяйства, и выработки рациональных методов хозяйствования для всей Сибири, так как город расположен в центре соединения различных климатических и почвенных зон. В Томске же институт, по мнению газеты, будет вынужден переложить

неследовательские функции на поля, находящиеся за сотни и тысячи верст от института. Агрономия будет сведена на роль придатка к программе технологического института¹¹.

Более чем на год тема открытия сельскохозяйственного вуза исчезает со страниц сибирских газет, что было явно вызвано неурожаем 1911 г. Но уже в начале 1912 г. в появившихся публикациях целесообразность открытия института в Томске не поддерживалась общественностью, в том числе и томской профессурой. Летом 1912 г. правительство приняло решение открыть ветеринарный институт в Омске. Омичи же начинают вести борьбу за открытие у них сельскохозяйственного института с ветеринарным отделением при нем. С августа 1912 г. в омской печати возобновилось интенсивное обсуждение проблемы открытия сельскохозяйственного института в Омске. В сентябре 1912 г. делегация от Омска, в которой были Ф.Ф. Штумпф и член городской думы С. Яздовский, посетила главноуправляющего земледелием и землеустройством Н.В. Кривошенна, который заявил: "Кто много хочет, тот мало получает. Вы должны в ногах валяться за ветеринарный институт"12. "Омский Вестник" в этой связи заметил, что если судить с точки зрения министра, то институт должен получить Сахалин, который и не помышлял ни о каком институте. Омск же много хочет, так как его жизнь развивается быстрыми темпами. Омск также много жертвует, идя на огромные затраты.

В конце ноября 1912 г. стало известно, что институт будет открыт в Омске или Барнауле. В статье "К открытию сельскохозяйственного института" отмечалось, что в Барнауле вуз будет обслуживать только Алтай и западную часть Енисейской губернии, а Степной край и Тобольская губернии окажутся вне поля деятельности института. Между тем в Омске институт будет уделять меньше внимания плотно заселенной Томской губернии, зато может быть выработан рациональный план колонизации степей, земельный фонд которых составляет десятки миллионов десятин. В Омске институт вполне сможет обслуживать и хлебородный Алтай, а в Барнауле он будет иметь узкоместное значение!3.

В январе 1913 г. в главном управлении земледелия и землеустройства состоялся ряд совещаний по вопросу о выборе места для первого в Сибири высшего сельскохозяйственного учебного заведения в Сибири. В совещании принимали участие представители Томска, Новониколаевска, Красноярска, Барнаула, Омска, Иркутска, Тобольска и других городов, а также министерств народного просвещения, финансов, торговли и промышленности, внутренних дел, военного, государственных имуществ. В результате наиболее подходящим местом для открытия института был признан Омск. Первоначально предполагалось открыть в 1916 г. два отделения — агрономическое и ветеринарное, а в 1918 г. — гидротехническое и лесотехническое. В 1918 г. институт должен был начать работать по полной программе. В июле 1914 г. ведомство земледелия собиралось внести проект на рассмотрение законодательных учреждений. Однако сельско-хозяйственный институт в Омске был открыт лишь в феврале 1918 г., в ноябре того же года при нем был открыт ветеринарный факультет, преобразованный в декабре 1920 г. в Сибирский ветеринарно-зоотехнический институт.

Таким образом, материалы периодической печати дают интересный фактический материал о том, как в Сибири появилась идея открытия высшего сельскохозяйственного учебного заведения, как сибирская общественность практически претворяла эту идею в жизнь.

¹ О необходимости открытия в Омске ветеринарного института // Омский Телеграф. 1910. 11 июля.

² См.: История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 313, 316.

³ См.: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 162, 186.

⁴ К вопросу об открытии высшего учебного заведения в городе Омске // Омское Слово. 1909. 26 сентября.

⁵ Червоненко В. Очерки истории омского сельскохозяйственного института. Омск, 1994. С. 5.

⁶ К вопросу о сельскохозяйственном образовании в Сибири // Сибирская жизнь. 1910. 6 февраля.

⁷ Емельянов П. Где должен быть сибирский ветеринарный институт // Омский Вестник. 1910. 31 января.

⁸ Письмо к Ф.Ф. Штумпфу доктора П. Емельянова // Там же. 26 октября.

⁹ Доклад омского биржевого комитета // Там же. 28 августа.

¹⁰ Доклад о поездке в Сибирь и Поволжье. СПб., 1910. С. 63.

¹¹ Сибирская печать о сельскохозяйственном институте // Омский Телеграф. 1910. 26 ноября.

¹² Принципы // Омский Вестник. 1912. 11 ноября.

¹¹ К открытию сельскохозяйственного института // Там же. 30 ноября.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ БАНКА ДАННЫХ ПАСПОРТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Е.М. Брагина

Историческая наука лишь недавно выдвинула на повестку дня задачу системного анализа образовательной практики. Поэтому представляется актуальным рассмотрение с этих позиций отдельных этапов ее развития, в том числе и на региональном материале.

Анализ историографии показывает, что малоизученной темой является история школы Западной Сибири в послевоенный период. Учеными было уделено внимание только некоторым аспектам деятельности учебных заведений. Наиболее исследованными оказались вопросы государственной политики, осуществления всеобуча, подготовки педагогических кадров, отдельные стороны учебно-воспитательного процесса, что позволило выявить общие тенденции развития, региональные особенности в русле конкретной проблематики.

Характеристика образования на микроуровне, анализ взаимосвязей между системообразующими элементами и окружающей средой далуг возможность получить более детальное знание о состоянии и эффективности функционирования данного социального института, оправданности и последствиях его реформирования.

Необходимым условием работы в этом направлении является создание соответствующей источниковой базы, способной обеспечить реализацию системного подхода в изучении школы. Ее основу составляют массовые источники, практика, использование которых в данной отрасли познания пока невелико. Среди них важное место занимают паспорта учебных заведений.

Объектом нашего изучения стали паспорта общеобразовательных школ и педучилищ Тюменской области послевоенного десятилетия. Рассмотрение их информационной стриктуры позволило сделать вывод о чрезвычайной насыщенности первичных материалов паспортизации многообразными уникальными сведениями. Сравнительный анализ содержания паспортов учебный заведений

разных типов свидетельствует о том, что программы обследованных школ и педучилиц имели единую логическую структуру. Кроме того, можно констатировать полную сопоставимость большинства данных внутри одного типа учреждения на разных этапах паспортизации. Все это открывает возможности для комплексного изучения и использования имеющейся информационной базы.

Анализ методики составления паспортов, системы контроля за их заполнением и представлением в вышестоящие органы. сравнение паспортных сведений с другими источниками позволили считать включенные в них данные вполне достоверными. Сравнение материалов паспортизации со статистическими и текстовыми отчетами, планами, делопроизводственной документацией, личными делами и другими видами массовых источников по истории школы характеризует их как документальный массив, обладающий наибольшим информационным потенциалом, дающий возможность раскрытия целого ряда исторических проблем. Среди таковых в качестве самостоятельных сюжетов могут быть выделены организация образовательного пространства, реформирование школьной сети и его последствия, подготовка учителей, социальный облик педагогических кадров, материальнотехническая база. Выявленный комплекс массовых источников способен расширить тематику исследований, дополнив паспорта более подробными сведениями о социальном облике школьного коллектива, микрорайона, взаимоотношениях школы и семьи и т.д. Это создает условия для формирования комплексной базы данных по истории просвещения.

Массовый характер рассматриваемого источника диктует применение специальных методик, обеспечивающих извлечение большого объема информации, экономию временных и трудовых затрат. Для получения результатов в доступном для исторической интерпретации виде необходима дополнительная систематизация исходного материала. Решение этой задачи проводилось на основе метода контент-анализа. Созданная унифицированная исследовательская анкета вобрала в себя основной информационый объем источника. Массив однородных анкет, заполненных относительно каждого паспорта, лег в основу базы данных, в которой выделяется несколько уровней информации. Первый представлен сведениями паспортов о конкретном учебном заведении, второй содержит результаты их машинной обработки в виде группировочных анкетных признаков.

Методика изучения паспортов включает в себя обоснование необходимости привлечения математико-статистических методов для преобразования первичных данных. Их использование дает возможность извлечь из источника максимальный объем сведений, в том числе и "скрытой" информации, которую невозможно получить при традиционных способах исследования. Для обработки данных паспортов применялись методы группировок, вычисления средних показателей, графические методы, которые позволили изучить взаимосвязи между составляющими системы образования, структурные закономерности ее функционирования.

Неполная сохранность привлекаемого источника, а также большое количество единиц наблюдения привели к необходимости создания выборочной совокупности. Для определения ее объема были использованы таблицы достаточно больших чисел. Способом комплектования массива для наблюдения стала типическая выборка, которая в некоторых группах дополнялась направленным отбором. Решение задачи обоснования репрезентативности выборки проводилось в основном путем сопоставления данных, полученных в результате разработки базы данных, с информацией из других источников, характеризующих всю генеральную совокупность. Кроме традиционных, были применены и математические методы, выявляющие ошибки выборки. Проведенные расчеты убеждают, что относительно большинства признаков сведения выборочной совокупности репрезентативны, что позволяет распространить полученные выводы на всю образовательную систему Тюменской области.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А.В. Литвинов

120-летний юбилей Томского университета актуализирует интерес к его истории, тем более, что указанный в заголовке аспект не получил до настоящего времени какого-либо освеще-

¹ Подробнее об этом см.: Брагина Е.М. Народное образование во второй половине 40-х - 50-е годы (Опыт создания базы данных по материалам Западной Сибири). Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

ния. Остановимся лишь на одном периоде из его истории, хронологические рамки которого определяются двумя событиями: открытием университета в 1888 г. и учреждением историко-филологического факультета летом 1917 г.

Поначалу историческими исследованиями занимались профессора и вспомогательный персонал медицинского факультета - единственного в составе открывшегося университета. Позднее, в 1898 г. в связи с распространением на Сибирь юрисдикции Судебных уставов 1864 г. был открыт юридический факультет. В рамках, последнего стали проводиться систематические исследования в области гуманитарных, в том числе исторических дисциплин. Именно профессорам юридического факультета принадлежит большинство исторических исследований в дореволюционный период существования унчверситета.

Обращение медиков и юристов к разработке исторической тематики, на наш взгляд, может объясняться несколькими причинами. Прежде всего, необходимо отметить междисциплинарный характер проблематики, ставшей объектом научных интересов ученых, а также тех предметов, преподавание которых предусматривалось учебными программами. К числу таких дисциплин, например, относятся энциклопедия и история философии права, политэкономия, история русского права и др., носивших, как правило, историко-правовой, либо историкоэкономическим характер. Кроме того, обозначенный нами период является временем глубокой социально-экономической и политической трансформации общества, сопровождавшейся многочисленными кризисами, что актуализировало обществоведческую, в том числе историческую проблематику. Обращение к изучению прошлого также объясняется и личными интересами ученых к истории страны. Ниже мы отметим лишь наиболее их наиболее заметные работы.

Начала сбору, накоплению, систематизации и изучению материалов для гуманитарных исследований было положено еще в 1882 г. основанием музея археологии и этнографии попечителем Западно-Сибирского учебного округа, профессором В.М. Флоринским. Перу последнего также принадлежит исследование, посвященное археологии во сточных славян.

Одними из первых исторических изысканий стали исследования по археологии, антропологии и этнографии, проводившиеся в окрестностях Томска и в Томской губернии профессо-

ром по кафедре анатомии Н.М. Малиевым, прозектором при той же кафедре С.М. Чугуновым и университетским библиотекарем С.К. Кузненовым. Результаты этой работы были обобщены в "Материалах для антропологии Сибири" (Известия Томского университета /ИТУ/. 1895. Кн. 7; 1896. Кн. 10; 1898. Кн. 14.).

Представляют интерес и труды профессора богословия Д.Н. Беликова. В работах, основанных на обширных и уже утерянных архивных материалах сибирских городов, Барнаульского и Семипалатинского духовных правлений, Колывано-Воскресенского горного начальства и переписных книгах Томского и Кузнецкого монастырей, Беликов внес некоторые уточнения в картину заселения и освоения Западной Сибири в XVII -XVIII вв., описал быт первых русских переселенцев. Ему также принадлежат работы, посвященные истории старинных монастырей Томского края и истории томского раскола².

В блоке историко-правовых исследований следует отметить монографию профессора по кафедре государственного права П.М. Богаевского "Красный Крест в развитии международного права" (Ч. 1. Национальные общества Красного Креста и Женевская конвенция 22 августа 1864 года. М., 1906; Ч. 2. Международный союз Красного Креста. М., 1913). Эта работа создавалась в течение ряд а лет и базировалась на огромном массиве архивного и литературного материала, собранного за рубежом, и была посвящена деятельности этой организации на протяжении всего периода ее существования. После выхода этой работы Богаевский приобрел широкую известность не только в России, но и за ее пределами.

К числу исторических исследований можно отнести и многочисленные работы профессора по кафедре истории русского права И.А. Малиновского. В монографии "Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России" (Ч. 1. Боярская дума древней Руси // Известия Томского университета. Томск, 1904. Кн. 23; Ч. 2. Рада Великого княжества Литовского. Томск, 1912.) на основе обширного фактического материала он проследил эволюцию литовско-русской государственности. Изучая историю русской государственного изучая историю русской государственного строя "древней России" лежали три начала: монархическое, олицетворением которого являлись князья; аристократическое, воплощавшееся в боярской думе; и демократическое,

выразителем которого было вече. Руковолящую же роль в общественной жизни древнерусских земель, по его мнению, играла светская и духовная аристократия.

Помимо истории древнерусской государственности, в сферу научных интересов Малиновского входила сибирская проблематика. Он, в частности, исследовал проблему происхождения "классов крестьян, казаков и инородцев" в Сибири, пытаясь определить его исходя из обязанностей этих групп населения по отношению к государству. Малиновский занимался также историей сибирской ссылки, активно выступал за введение земств в Сибири. Задачу земств он видел в выполнении "важных просветительских и культурных функций", поскольку главный, по его мнению, недостаток в колонизации Сибири заключался в "слабом развитии культурных начинаний".

Монография профессора по кафедре полицейского права Н.Я. Новомбергского "Слово и дело государевы до издания Уложения Алексея Михайловича" (Томск, 1909) была посвящена истории политического суда в России XVII в. Эта работа содержит записи допросов, проводившихся в Тайной канцелярии и Преображенском приказе. По признанию А. Толстого, это сочинение дало ему возможность при работе над романом "Петр Первый" познакомиться с настоящим языком петровской эпохи. "Прочтя труд Новомбергского, - писал он, - я увидел, почувствовал, осязал русский язык... В судебных актах язык дела, там не гнушались "подлой" речью, там рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь. Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства". В не меньшей степени Новомбергский проявил себя как историк отечественной медицины. Среди его работ, посвященных этой теме, следует остановиться на исследованиях "Врачебное строение в до-Петровской Руси" (Томск, 1907.) и "Материалы по истории медицины в России" (Т. 1 - 3. СПб, 1905 - 1906; Т. 4- 5. Томск, 1907 -1910.). Последняя работа повествует о зарождении в России государственной ветеринарной службы. Изучая архивные материалы, Новомбергский пришел к заключению о том, что первоначально ветеринарная служба возникла и действовала в интересах придворного хозяйства, затем дня удовлетворения военно-государственных потребностей и только с XIX в. она стала обслуживать интересы народного хозяйства.

Из исследований в области социально-экономической истории России и Сибири следует отметить монографию профессоров М.И. Боголенова и М.Н. Соболева "Очерки русско-монгольской торговли" (Томск, 1911.), а так же работу М.Н. Соболева "Таможенная политика России во второй половине XIX в." (ИТУ. 1910. Кн. 41.).

Несмотря на запоздалое открытие последнего, исторические исследования в области истории, археологии, антропологии и этнографии начались фактически со времени о снования университета и носили междиспиплинарный, главным образам историко-правовой характер. Многие из них не потеряли своей научной значимости до настоящего времени и в сипу этого обстоятельства представляют дня нас интерес. Эти исследования, как правило, основанные на обширном, прежде всего архивном материале, были выполнены на высоком качественном уровне и затрагивали широкий спектр проблем социально-экономического и политического развития общества, были тесно связаны с историей становления и развития Томского университета как центра науки и высшего образования Сибири конца XIX - начала XX вв.

¹ Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 1 // Известия Томского университета (ИТУ). 1895. Кн. 7. Ч. 2; Опыт славянской археологии. Вып. 1 // ИТУ. 1896. Кн. 9; 1897. Кн. 11; Вып. 2. 1898. Кн. 13 и др.

² Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: общий очерк за XVII и XVIII столетия (Томск, 1898); Старообрядческий раскол в Томской губернии // ИТУ, 1895. Кн. 7; Старинные монастыри Томского края // Там же. 1895. Кн. 13; Томский раскол: Исторический очерк от 1835 по 1880-е годы // Там же. 1900. Кн. 16; Старинный Свято-Троицкий Собор в г. Томске. Томск, 1900.

³ Ссылка в Сибирь. Томск, 1900; Об изучения истории Сибири // Сибирские вопросы. 1910; Накануне земства в Сибири // Вестник Европы. 1910. № 12 и др.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПАТОФИЗИОЛОГОВ В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Т.Н. Владимирова

Сведения о состоянии уже существующих научных школ являются важным элементом информационного обеспечения процессов управления в высших учебных заведениях. Это одно из условий прогресса науки и успешного формирования творческих научных кадров. Но для описания особенностей и уникальности любой научной школы чрезвычайно важно изучение исторических истоков и опыта.

Открытие в 1888 г. Императорского Томского университета в составе медицинского факультета явилось крупным событием в культурной жизни Сибири. Немало усилий к его созданию приложили видные ученые, писатели и передовая часть интеллигенции России.

На момент его учреждения от прогрессивных слоев населения были внесены немалые ассигнования, используемые в дальнейшем на нужды создаваемых кафедр, лабораторий, экспедиций и т. д.

В 1890 г. в Императорском Томском университете начала свою работу кафедра общей патологии. Чтение курса лекций по общей патологии для студентов-медиков начиналось с пятого семестра, этим и объясняется более позднее создание кафедры. Создание самостоятельных кафедр по общей патологии (впоследствии кафедры патофизиологии) и развитие их в экспериментально- физиологическом направлении позволили реорганизовать старую общую патологию в России. Из науки умозрительной она становится наукой экспериментальной, изучающей динамику болезненных процессов.

Основателем патологической физиологии в России как самостоятельной научной дисциплины и создателем первой школы патофизиологов, считается Виктор Васильевич Пашутин, ученик величайшего физиолога - экспериментатора 19-го столетия И.М. Сеченова.

Томская школа патофизиологов стала прямым ответвлением школы Пашутина. Кафедру общей патологии с момента организации и в период ее формирования в стенах Императорского Томского университета возглавляли ученики и последо-

ватели Пашутина. Первым руководителем и организатором кафедры общей патологии (1890 - 11.08.1891) был прозектор ВМА Петр Михайлович Альбицкий. На его долю выпала нелегкая задача обустройства большой пустой комнаты, предназначенной одновременно для кафедры и лаборатории. Комната была расположена на первом этаже главного корпуса университета в северной части здания. При отсутствии лаборанта (должность оставалась вакантной 4 года), Альбицкому нужно было снабдить помещение необходимой мебелью, закупить химические реактивы, инструменты, аппараты и другие приспособления, дабы придать курсу лекций экспериментальный и демонстративный характер. Для этих целей из средств Государственного казначейства были предусмотрены ежегодные ассигнования в размере 750 рублей.

Но чтобы выполнить стоявшую пред Альбицким задачу, данных средств было явно недостаточно. Единовременное и довольно значительное ассигнование в размере 6 тыс. рублей из капитала Сибирякова (потомственный почетный гражданин, пожертвовавший университету сумму в размере 100000 рублей) дало возможность Альбицкому оснастить лабораторию всем существенно необходимым уже к началу 1890/91 уч. г. Кроме лекций и практических занятий со студентами, Альбицкий большое внимание уделял организации научной работы. На основе своих научных изысканий, которые касались главным образом вопросов дыхания, питания и обмена веществ, он сообщал своим слушателям много ценных и новых сведений.

Деятельность Альбицкого на кафедре была непродолжительной. В августе 1891 г. его переводят на кафедру общей патологии ВМА ординарным профессором. Преемником Альбицкого стал Александр Васильевич Репрев. В момент своего назначения на кафедру общей патологии в Императорский Томский университет (1891) он находился в научной заграничной командировке. По приезде в Томск в мас 1892 г., Репрева утверждают ординарным профессором. Период деятельности Репрева в стенах Томского университета был использован, по его словам, "на выработку из себя преподавателя". Недостаточная приспособленность кафедры и лаборатории, отсутствме вивария создавали значительные затруднения для лекционных опытов и демонстраций, а также для самостоятельных студенческих исследований. Репрев обратился в совет университета, однако его

ходатайство не было удовлетворено. Особое внимание уделялось Репревым совершенствованию учебного процесса. Курс его лекший в Томском университете послужил исходным материалом для создания обширного "Руководства по общей патологии", увидевшего свет в 1897 г. в Харькове, куда был переведен Репрев в июле 1895 г.

За год до отъезда Репрева на вакантную должность лаборанта кафедры общей патологии был принят лекарь А.А. Смородинцев, из числа первых выпускников врачей Императорского Томского университета. Оклад лаборанта 800 руб. в год считался очень скудным. И проработав на кафедре всего 7 месяцев, Смородинцев перешел на работу участковым врачом. В ноябре 1894 г. лаборантом на кафедру был принят Константин Федорович Дмитриевский, который в октябре этого же года получил диплом лекаря с отличием. В приложении к диплому говорилось, что "лекарь К.Ф. Дмитриевский за полученную им Западно-Сибирскую казенную стипендию в Императорском Томском университете обязан прослужить в Сибири 6 лет по назначению Правительства".

В сентябре 1895 г. кафедру общей патологии возглавил единомышленник и последователь П.М. Альбицкого профессор Дмитрий Иванович Тимофеевский. Его научная и педагогическая деятельность на кафедре продолжалась около восьми лет. Для студентов-медиков программа обучения не предусматривала обязательных практических занятий. При желании студенты могли заниматься практикой по интересующим их вопросам в лаборатории кафедры в свободное время, но под руководством профессора. Рабочий день Тимофеевского длился порою до тринадцати часов. Интенсивную преподавательскую деятельность он сочетал с напряженной научной работой. В Императорском Томском университете им были выполнены ценные экспериментальные исследования в области физиологии и патологии кровообращения, проведен цикл работ по изучению регенерации эритроцитов и белкового состава крови и лимфы под влиянием лимфогонных средств. На протяжении всего периода заведования Тимофеевским кафедрой его ближайшим помощником был лаборант Дмитриевский. Увлеченность Д.И. Тимофеевского и его огромная работоспособность в изучении вопросов патофизиологии помогли Дмитриевскому сделать свой выбор в науке. Под руководством Л.И. Тимофеевского в 1902 г. Дмитриевский представил к защите диссертацию на соискание степени доктора медицины и после ее защиты уехал в Париж в научную командировку. По возвращении из Парижа, в феврале 1903 г., Дмитриевский продолжил свою деятельность в Томском университете уже в качестве приват-доцента. Ввиду тяжелой болезни профессора Тимофеевского (эндотелиома плевры) Дмитриевскому поручили чтение курса лекций по общей патологии.

16 июля 1903 г. профессор Д.И. Тимофеевский умер. В некрологе, помещенном в "Известиях Томского университета", дана краткая, но выразительная характеристика преподавателя Тимофеевского: "... лекции его отличались оригинальностью, сильной логикой, глубиной мысли и полнотой содержания". На вакантное место заведующего кафедрой был объявлен конкурс по университетам России Из пяти предложенных кандидатур на должность заведующего кафедрой общей патологии Томского университета совет медицинского факультета избрал приват-доцента физиологии Харьковского университета И.А. Чуевского. Однако на заседании правления Гомского университета на эту должность был избран прозектор ВМА Павел Петрович Авроров, который и был утвержден профессором с 24 мая 1904 г.

Авроров в 1895 г. окончил медицинский факультет Томского университета и получил диплом лекаря с отличием. Для научно-практического усовершенствования он был зачислен на кафедру общей патологии ВМА. Один из наиболее одаренных учеников П.М. Альбицкого, П.П. Авроров в 1900 г. защитил докторскую диссертацию по теме: "Обмен веществ и развитие энергии в организме при помощи голодания". Павел Петрович стал первым профессором из числа выпускников Императорского Томского университета.

С момента утверждения Дмитриевского приват-доцентом должность лаборанта на кафедре общей патологии вновь становится вакантной т.е. с 1903 г. штатным расписанием по кафедре общей патологии предусматривалось три должности: профессор, приват-доцент, лаборант. В 1907 г. кафедра общей патологии была переведена из главного корпуса университета в здание старого анатомического корпуса. В этом здании, переименованном в институт общей патологии и фармакологии, кафедра находилась очень длительное время. Первый этаж здания занимали кабинеты, лабораторные комнаты и зал для демонстраций

кафедры общей патологии. Лекционная аудитория была общей для обеих кафедр, находящихся в здании. Сумма имущества кафедры на конец 1912 г. составляла уже около 17200 руб. Наличие теперь уже достаточно оснащенной даборатории позволило Авророву добиться единства учебной и научной работы среди студентов. Авроров в совершенстве владел экспериментальными методами исследования, имел обширные познания не только по общей патологии, но и прекрасно разбирался в смежных с ней науках. В 1908 г. на кафедру был принят лаборантом выпускник медицинского факультета Томского университета лекарь М.А. Аменицкий. Но в 1909 г. из штата университета уволился приват-доцент кафедры общей патологии, доктор медицины К.Ф. Дмитриевский, проработавший на кафедре почти пятнадцать лет. Беспредельная преданность науке, пытливый ум, высокая научная эрудиция, а также уверенность в своих силах позволили Авророву взяться за разрешение крупной научной проблемы. В 1911 г. он совместно со своим учеником студентом А.Д. Тимофеевским приступил к фундаментальным исследованиям в области культивирования тканей вне организма. Начало научной деятельности в студенчестве под руководством Авророва определило дальнейшую судьбу Александра Тимофеевского. По окончании в 1912 г. медицинского факультета Томского университета, получив диплом лекаря с отличием, он остается работать на кафедре общей патологии в должности лаборанта. А в 1919 году А.Д. Тимофеевский защитил диссертацию "Значение костного мозга как кроветворного органа при нейрофильном лейкоцитозе" и получил степень доктора медицины.

Как отметил в конце 19-го столетия датский критик Г. Брандес: "Идея никогда не рождается в толне; она зарождается, обыкновенно, в уме одного человека; если этот человек выделяется из толпы и увлекает ее с собой, то он вскоре находит других людей, которые имеют с ним родственность, и тогда составляется научная школа".

Профессорам П.М. Альбицкому, А.В. Репреву, Д.И. Тимофеевскому и П.П. Авророву своей плодотворной деятельностью удалось добиться взаимосвязи университетского образования и фундаментальной науки, передав своим ученикам и последователям в наследие запас профессиональных знаний, навыков исследовательской работы. К 1920 г. на кафедре патофизиоло-

гии Томского университета было подготовлено уже три доктора медицины из числа своих же выпускников: П.П. Авроров, К.Ф. Дмитриевский, А.Д. Тимофеевский. Формирование Томской научной школы патофизиологов состоялось и были заложены прочные основы для ее дальнейшего развития.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СИБИРСКОЙ ШКОЛЫ ТЕРАПЕВТОВ

А.И. Карзилов

Создание отечественной терапевтической школы является продолжением развития западноевропейской школы клинической медицины. Огромную роль в становлением клинической медицины в России сыграли ученики Германа Бургаве (Воегhaave Hermann, 1668-1738), профессора Лейденского университета, создателя клинической школы в современном понимании. Это были его племянник Герман Каау-Бургаве (Kaau-Boerhaave Hermann, 1705-1750), Николай Ламбертович Бидлоо (Bidloo N.L., 1670-1735), Петр Захарьевич Кондоиди (Kondoidi P.Z., 1710-1760) и Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (Blumentrost L.L., 1692-1755).

Н.Л. Бидлоо является родоначальником русской медицины (Скороходов Л.Я., 1926). В 1707 г. он возглавил первую в России госпитальную школу, открытую в Москве по инициативе Петра I, слушавшего лекции Бургаве. В этой школе преподавание внутренней медицины было практическим и велось у постели больного. Бидлоо написал ряд книг учебного характера. П.З. Кондоиди — архиатр (глава медицинской службы России) и президент Медицинской канцелярии. Усовершенствовал сис-

¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12. Л. 11-12.

² Там же. Д. 262. Л. 75, 90.

³ Там же. Л. 458. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 960. Д. 3-4.

⁵ Там же. Ф. 561. Оп. Ia. Л. 314. Л. 1-2.

⁶ Новицкий В.В., Лаврова В.С., Бова П.А. Томская школа патофизиологов. Томск: Изд-во ТГУ, 1988.

⁷ Краткий исторический очерк Томского ун-та за первые 25 дет существования. Томск: Изд-во ТГУ, 1917.

тему медицинского образования в России, создал первую в России медицинскую библиотеку. Л.Л. Блюментрост был лейб-медиком Петра I, первым президентом Академии наук. Г. Каау-Бургаве был лейб-медиком и архиатром, его брат Абрахам Каау-Бургаве (Кааи-Воегнааve, Abraham, 1715-1758) — профессор анатомии и физиологии госпиталя Адмиралтейства, привез в Россию личный архив Г. Бургаве, хранящийся в настоящее время в фундаментальной библиотеке Военно-медицинской академии (С.-Петербург).

В последующем история отечественной медицины пополнилась именами выдающихся русских врачей, таких как Семен Герасимович Зыбелин (1735-1802), Данила Самойлович Самойлович (1744-1805), Матвей Яковлевич Мудров (1776-1831), продолживших традиции русской клинической медицины в преподавании медицинских наук и лечении больных.

Вторая половина XIX в. стала временем расцвета российских научных медицинских школ. В области терапии особое место занимали две научные клинические школы: школа С.П. Боткина, положившая начало экспериментальному направлению в отечественной клинической медицине (в Военно-медицинской академии), и школа Григория Антоновича Захарьина (1829-1897), олицетворявшая искусство клинической практики (в Московском университете).

Сергей Петрович Боткин (1832-1889) — крупнейший русский ученый, основоположник Петербургской терапевтической школы, основатель клиники внутренних болезней как научной дисциплины в России. С.П. Боткин организовал физиологическую лабораторию и предложил возглавить её своему ученику И.П. Павлову, автору оригинальных методов исследования в физиологии, создавшему позднее учение о высшей первной деятельности — одно из величайших достижений естествознания XX века -- и основавшему крупнейшую физиологическую школу современности. С.П. Боткин создал принципиально новое направление в российской клинической медицине — экспериментальную терапию и клиническую фармакологию. Становление С.П. Боткина как врача-клинициста, педагога, ученого проходило под руководством Н.И. Пирогова (во время Крымской войны), Р. Вирхова и Л. Траубе (Германия), К. Людвига (Австрия), К. Бернара и А. Труссо (Франция). С.П. Боткин окончил медицинский факультет Московского университета, преподавание медицины на котором велось последователями учеников основателя мировой школы клинической медицины Г. Бургаве.

Преемником и продолжателем дела С.П. Боткина стал его ученик — Вячеслав Авксентьевич Манассеин (1841-1901). В.А. Манассеин был талантливым, разносторонним клиницистом и передовым общественным деятелем, придерживавшимся физиологического направления и внедрявшим боткинские идеи в отечественную медицину. Он основал еженедельную газету "Врач".

22 июля 1888 г. в Томске был открыт первый на Востоке России университет (заложен 26 августа 1880 г.) в составе одного медицинского факультета, в выпускниках которого Сибирь особенно нуждалась. В течение многих лет он был единственным центром развития науки и кузницей врачебных кадров Сибири.

До основания Томского университета в Сибири существовала следующая система медицинских учреждений и видов лечебной деятельности (Н.П. Федотов, 1950): а) монастырская медицина (первый госпиталь открыт в Алексеевском монастыре в 1643 г.), б) медслужба на горных заводах (первый госпиталь открыт в 1730 г. в Минусинском округе), в) меделужба на золотых принсках (развита была слабо), г) войсковые госпитали и лазарсты (первый госпиталь открыт в Тобольске в 1735 г.), д) приказы общественного призрения (первый приказ открыт в Тобольске в 1775 г.), е) медслужба сибирской ссылки (первые этапные лазареты открыты в 1852 г), ж)медслужба по борьбе с социально опасными болезнями: оспой, сифилисом, проказой...(первые "оспенные дома" открыты в 1763 г., 4 сифилитические больницы — в 1816-1817 гг.), з) благотворительные и частные учреждения здравоохранения: "дома нищей братии", "казенные убежища", "работные дома", приюты, богадельни (первый "работный дом" с детским приютом открыт в 1767 г. в Тобольске), и) аптеки (первые аптеки открыты: военно-полевая в 1716 г., гражданская — в Барнауле, в 1736 г.).

Кроме этого, медицинскую помощь оказывали повивальные бабки (появились в Сибири в конце XVIII в.), а также представители других видов медицины: народной (знахари — профессиональные лекари-самоучки), тибетской (ламы — появились в Сибири в начале XVIII в.) и шаманизма (шаманы).

Первым медицинским учебным заведением в Сибири была Колывано-Воскресенская госпитальная школа, открытая в 1758 г.

и готовившая лекарей для алтайских рудных заводов и других мест Сибири. Инициатором открытия школы явился ученик Л.Л. Блюментроста — Никита Григорьевич Кожевников — главный лекарь Колывано-Воскресенских (демидовских) заводов.

В Томском университете берет свое начало сибирская школа терапевтов, основателем которой по праву считается ученик В.А. Манассеина, выдающийся представитель отечественной медицины профессор Михаил Георгиевич Курлов (1859-1932). М.Г. Курлов прибыл из Петербурга в Томск экстраординарным профессором на кафедру врачебной диагностики в 1890 г. Он впервые был назван основоположником сибирской школы терапевтов крупным клиницистом отечественной медицины академиком Д.Д. Яблоковым в 1959 г.

За свою 40-летнюю педагогическую деятельность М.Г. Курлов воспитал свыше 4000 врачей, из его клиники вышло более 20 профессоров, продолживших его традиции (Д.Д. Яблоков, П.А. Ломовицкий, Н.Д. Либеров, Г.Н. Удинцев, Я.В. Плавинский, А.В. Рязанов, З.Н. Несмелова-Завадовская, А.А. Ковалевский, В.П. Степанов и др.). Особенностью школы М.Г. Курлова в период её становления была разработка наиболее актуальных разделов медицины: фтизиатрии, курортологии, гематологии, гельминтологии, клинической антропометрии, явился одним из организаторов общественной медицины Сибири.

Следует отметить, что в 1890 г. вместе с М.Г. Курловым Высочайшим повелением был назначен экстраординарным профессором в Императорский Томский университет еще один ученик В.А. Манассеина — Александр Павлович Коркунов (1856-1913). Однако жизнь их сложилась по-разному. Путь М.Г. Курлова — активная, беспокойная жизнь, плодотворная научная работа на благо развития медицины в Сибири, воспитание учеников, организация общественной медицины Сибири, строительство лечебных учреждений, борьба с эпидемиями заразных болезней. Путь А.П. Коркунова — размеренная жизнь, исполнение только своих служебных обязанностей.

Преемниками М.Г. Курлова по кафедре и продолжателями становления сибирской школы терапевтов стали: его ученик — академик Дмитрий Дмитриевич Яблоков (1896-1992) и ученик Д.Д. Яблокова — академик Ростислав Сергеевич Карпов (1937).

Д.Д. Яблоков — врач по призванию, академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной пре-

мии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный граждании Томска. Круг его научных интересов широк: это проблемы фтизиатрии, пульмонологии, бальнеологии, гельминтологии, профессиональных заболеваний, изучения и внедрения в практику лекарственных растений. Многолетний клинический опыт Д.Д. Яблоков обобщил в фундаментальных трудах. Под его руководством подготовлено более 50 докторов и кандидатов медицинских наук.

Р.С. Карпов — академик РАМН, член Европейского и Международного общества кардиологов, лауреат Государственной премии, председатель Президиума ТНЦ СО РАМН, директор НИИ кардиологии ТНЦ СО РАМН, заведующий кафедрой факультетской терапии Сибирского медицинского университета. Р.С. Карпов — крупный клиницист. Основное направление его научной деятельности — разработка проблем диагностики и лечения атеросклероза, ишемической болезни сердца, некоронарогенной патологии миокарда, разработка новой модели кардиологического диспансера для Сибири. Является членом редакционных советов ряда отечественных журналов, главным редактором возрожденного "Сибирского медицинского журнала".

Выдающийся русский ученый академик А.Л. Мясников (1951) выделил следующие основные черты, характеризующие "отечественную терапию" (в том числе и сибирскую школу терапевтов): а) социальная направленность — русские клиницисты всегда были связаны в своей работе с общественной жизнью страны, б) выработка единого принципа в патологии — ведущее значение в патогенезе внутренних заболеваний принадлежит нервной системе (нервизм), о роли при этом нервно-гуморальной регуляции, о патологическом процессе, охватывающем организм как целое, в) изучение связей между внутренними и внешними факторами в происхождении болезней, г) принцип индивидуальности в диагностике и терапии.

Таким образом, с большим удовлетворением можно отметить, что истоки сибирской школы терапевтов связаны с культурой и жизнью не только Российского государства, но и с одной из самых развитых цивилизаций мира — европейской.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

А.А. Костюков

Система высшего образования России в настоящее время находится в исключительно трудном положении, поскольку продолжает снижаться относительный уровень ее бюджетного финансирования, морально и физически стареет материальнотехническая и учебно-лабораторная база вузов, снижается качественный уровень их профессорско-преподавательского состава, в тяжелом материальном положении находится большинство студентов, аспирантов, преподавателей, научных сотрудников, работающих в системе высшего образования.

В 1997 г. число студентов, обучавшихся в 57 государственных вузах Западной Сибири, составило 272,2 тыс. человек. При этом, как показали социологические исследования, в возрастной категории до 25 лет 15% населения нигде не учатся и не работают. Наметилась тенденция ограничения желающих поступать учиться в бузы соседних областей и за пределы Западной Сибири. Молодежь все больше предпочитает получить специальность в своем регионе.

Продолжает уменьшаться число студентов из рабочих (в 2 раза по сравнению с 1990 г.). В то же время растет доля студентов из семей предпринимателей (10%) и военнослужащих (7%). Сохраняется тенденция феминизации высшей школы.

Однако в то же самое время неуклонно растет конкурс в вузы. Если в 1993 г. он увеличился на 4%, то в 1997 г. на 4,8% Эти цифры говорят о том, что среди молодежи престиж высшего образования возрастает. Социологические исследования показывают, что молодежь идет в вуз, чтобы получить образование, которое, по ее мнению, служит одним из условий жизненного успеха. Тем не менее пока трудно судить о том, тенденция ли это или временный подъем, а также не идет ли этот процесс за счет снижения требовательности качеству набора студентов.

Сравнительный анализ конкурса в вузы по отраслевым группам в 1994 г. и предыдущих годах свидетельствует о тенденции увеличения числа поданных заявлений почти по всем отраслевым группам, кроме специальностей "сельское хозяйство", "экономика" и "право", что может означать либо падение престижа данных отраслей, либо наличие трудностей с последующим трудоустройством.

Так, в 1994 г. по отношению к 1993 г. вырос конкурс в вузы Западной Сибири. По отраслевым группам: в промышленности и строительстве — на 2%; транспорте и связи — на 5,3%; здравоохранении на — 6,7%; физической культуре и спорте — на 6,9%; просвещении — на 8,2%.

Негосударственное образование стало частью системы высшего образования Западной Сибири. Количество негосударственных вузов на конец 1996 г. составило — 15. В негосударственных вузах среди студентов больше всего детей представителей гуманитарной и научной интеллигенции (35%), предпринимателей (24%), госслужащих (10%). Эти вузы привлекали молодежь тесной связью подготовки с требованиями рынка труда, возможностью получить "рыночные" и престижные в настоящее время специальности. Однако даже вузы, прошедшие лицензионную экспертизу, в абсолютном большинстве не прошли ни аттестации, ни аккредитации, и в целом уровень безработицы у выпускников негосударственных вузов была выше на 2 — 5%, чем у выпускников государственных.

Данные социологических исследований, проведенных кафедрой социологии СибГИУ в трех вузах Новокузнецка, свидетельствуют о том, что из обучающихся в вузах Западной Сибири свое материальное положение оценивают как хорошее 10% опрошенных, как удовлетворительное — 38%, как плохое — 52%.

Учитывая, что стипендию получают 67,5% студентов и прожить на нее невозможно, студенты используют дополнительные источники материальной поддержки: 86% студентов помогают родители, 40% постоянно работают, ищут работу 12%.

Неумеренная коммерциализация, проводимая руководством большинства вузов (сдача в аренду коммерческим структурам общежитий, столовых, буфетов, домов культуры), привела к деформации социальной сферы вузов. Вследствие этого усугубилась криминальная обстановка, ухудшилось хозяйственное обслуживание, условия учебы и жизни в целом. Все это создает реальную угрозу того, что вузовская социальная инфраструктура перейдет в руки коммерческих, муниципальных или иных структур и перестанет быть принадлежностью студенчества как коллективного субъекта пользования.

Рынок труда требует изменения как структуры подготовки и специализации специалистов с высшим образованием, так и системы взаимоотношений в соответствующей сфере между различными субъектами: студентами, вузами, предприятиями, обществом, государством. Студент должен иметь возможность получения качественного, отвечающего сегодняшним требованиям образования, делающего его конкурентно способным нарынке труда. Что касается качества образования, то менее половины (43%) опрошенных студентов полагают, что оно в основном соответствует требованиям времени.

Социологические исследования показали, что 16% опрошенных считают высшее образование надежным гарантом будущего благосостояния, 68% респондентов не воспринимают его как стопроцентную гарантию будущего благосостояния, но считают, что оно дает больше шансов для успеха, чем какое-либо другое образование; 16% опрошенных определили статус высшего образования как очень низкий, так как оно, по их мнению, не дает никаких гарантий в будущем.

Решение проблемы подготовки и трудоустройства осложияется тем, что только еще складывающийся у нас в стране новый рынок труда пока еще не может воздействовать на трансформацию высшей школы в новых тенденциях развития ее самой и общества. Поэтому формирующаяся новая структура экономики страны и медленно меняющаяся структура специальностей и подготовки специалистов "вообще" для страны, а не с учетом потребностей региона ведут к противоречиям, в частности, в трудоустройстве выпускников, к невостребованности, снижению конкурентоспособности. С развитием предпринимательства перед вузами встали новые задачи. Если и раныне в той или иной степени они осуществляли формирование интеллектуальных элит и частично элит для управления делами общества, то сегодня они должны обеспечить формирование новой элитной группы — предпринимателей, в первую очередь промышленников.

Трудности в подготовке и трудоустройстве усугубляются отсутствием государственного распределения молодых специалистов, что, с одной стороны, увеличивает угрозу безработицы, с другой, порождает "утечку умов".

Одной из причин "утечки умов" является невостребованность новыми общественными структурами традиционно подготовленных специалистов, а также такими более общими причинами, как экономический кризис, переживаемый страной, низкий уровень доходов лиц интеллектуального труда.

Одно из проявлений "утечки умов" в высшей школе — переход студентов, выпускников вузов в сферы деятельности, не связанные с получаемой профессией, но высокооплачиваемые. Так, результаты социологических исследований показывают, что после окончания вуза по специальности твердо решили работать только 19%, не пойдут работать по специальности 30%, остальные 50% опрошенных склоняются к варианту — как получится.

Трансформирующаяся высшая школа должна учитывать такие новые тенденции в данной сфере, как элитарность, много-уровневость, региональность, расширение сферы платного обучения и т.д., которые, в свою очередь, рождают спектр новых социальных проблем: образование утрачивает свою доступность для всех слоев населения, всех регионов, оно становится привилегией преимущественно городских жителей.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ

М.И. Агибалова

Современный период обновления общества связан с трудной работой по переоценке событий прошлых лет. В этих условиях резко возрастает роль фактора нравственности, формирование которого непосредственно связано с умением извлекать из истории уроки. Очищенная от цензурных запретов история освобождает сознание, принужденное прежде ходить по кругу официальной идеологии, не приводя в движение саму мысль.

Будущее исторического образования и исторической науки — в ориентации на изучение человека как целостности, какой он является в повседневной жизни, с его тревогами и надеждами, интересами и стремлениями, заблуждениями и прозрениями. И сам смысл исторического сознания — увидеть историю как возрастание человеческого в человеке (В.С. Соловьев). Это возрастание — сложнейший, противоречивый процесс, который включает в себя не только понимание основных закономерностей и противоречий исторического процесса, но и спо-

собность, умение опереться на опыт прежних поколений. Поэтому необходимо помочь студенту понять свою историю на любом уровне обобщения. Историческое сознание существует и как историческая память, и как эмоциональное, оценочное отношение к прошлому. И задача воздействия на историческое сознание исключительно сложна. На сегодняшний день эту задачу кафедра истории Кемеровской государственной медицинской академии решает, используя форму написания студентами рефератов по результатам бесед с людьми преклонного возраста, т.е. со своими бабушками и дедушками. Восстановление преемственности исторического сознания как на уровне общества, так и на уровне каждой семьи, воссоздание истории своего рода, уважение к "отеческим гробам" — это путь воссоздания исторического сознания на уровне менталитета.

Студенты-первокурсники Кемеровской медицинской академии на протяжении последних четырех лет выполняют практическое задание — опрашивают своих бабушек и делушек по теме "Социализм глазами современника". Студентам предлагается примерный перечень вопросов (25-30), отвечая на которые их родные, не ограничивались бы общей оценкой жизни в прошлом и настоящем, а смогли бы сообщить конкретные сведения о своей реальной жизни, материальном положении, быте 30-х гг., когда "жить стало лучше, жить стало веселее". Также им предлагается оценить и послевоенное время, брежневский застой и сегодняшние реформы. Показ эпохи и событий сквозь призму судеб, причем судеб близких студенту людей, имеет не просто значительный познавательный интерес, но и огромный нравственный, интеллектуальный потенциал. Такая самостоятельная работа формирует у студентов историзм мышления, помогает осмысливать действительность в диалектике развития. Студенты признаются, что это одно из интереснейших заданий, которое им приходилось выполнять.

О чем свидетельствуют рассказы кузбассовцев, тех, кто непосредственно строил социализм и жил в нем?

1. Сам процесс строительства социализма воспринимается как тяжелая необходимость и все тяготы, связанные с этим (раскулачивание, переселение, бытовое неустройство), констатируются ими без обиды и ненависти к той власти, которая это допустила. С другой стороны, это была их молодость и многое сегодня воспринимается с ностальгической окраской и житей-

ской мудростью. Долготерпение всегда было основой менталитета русского человека.

- 2. Уровень жизни, бытовые зарисовки (как были одеты, что ели, какова была зарплата и сколько стоили продукты и вещи, какая мебель была в доме, когда появились первые бытовые предметы длительного пользования) свидетельствуют не только о непритязательности и житейском аскетизме кузбассовцев 30-40-х гг., но практически о нищенском уровне жизни целого ноколения, привыкшего и не представляющего свою жизнь без хронических дефицитов, очередей, нормированного распределения, личного полсобного хозяйства. Счастье советского человека было в том, что он не знал, как он плохо живет, не имел представления о цивилизованной, достойной жизни.
- 3. Говоря о сегоднянней своей пенсионной жизни, кузбассовцы старшего поколения испытывают чувство недоумения, досады, а порой злости за свою нищенскую старость, считают, что сейчас они живут хуже, чем раньше. Страна виновата перед этим поколением россиян, но истоки их сегоднянней жизни лежат в прошлом, а нереализованное в свое время недовольство многими сторонами жизни сегодня трансформировалось в протест против существующей власти. Внушаемое в прошлом обществу ощущение массового оптимизма вылилось в глубокую социальную безнадежность.

В 1996 г. по итогам самостоятельной работы студентов издана брошюра "Социализм глазами современника» (Кемерово), в которую вошли фрагменты лучших студенческих работ. Сейчас готовится вторая. Поколение людей, создавших кузбасский экономический потенциал, героически трудившихся в кузбасском тылу в годы войны и потом возрождавших мирную экономику, постепенно уходит из жизни. И надо успеть собрать их воспоминания, их боль и радость прожитой жизни, причем сделать это необходимо силами студентов, дать им возможность объективно осмыслить прошлое страны на уровне ментальности.

Знания, полученные студентами в результате собственной деятельности, критического осмысления и самостоятельного размышления над собранным материалом, позволяют выработать собственную позицию в сложных, спорных вопросах, развить мыслительную активность. И самостоятельную работу над воспоминаниями кузбассовцев старшего поколения можно рассматривать как одно из средств формирования исторического сознания студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	3
	Власть и общество в 1920-1930-е гг.	
	Красильников С.А. Сибирь в планах и практике государственных	
	репрессий в первой половине 1930-х гг.	4
	Говорков А.А. К вопросу об оценке творчесства и личности	
	академика М.Н. Покровского в современной отечественной	
	историографии	12
i.e	Грик Н.А. Большевики и финансы в 20-е годы: в поисках идеала	18
	Воробьев Н.В. Участие рабочей кооперации Счбири в	
	товарообменной кампании 1921 г.	. 24
	К. адова П.В. Опыт психоанализа исторического источника	
	(по материалам следственных дел репрессированных	
	в период коллективизации)	. 29
٠,	Демешкин В.А. Спецпереселенцы комендатур ОГПУ	
	в Нарыме (1930 г.)	. 33
	Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной	
	Сибири в 1930-е годы: опыт создания базы данных	
	по материалам периодической печати	. 38
	Шевляков А.С. Чрезвычайные органы управления в сельском	
	хозяйстве Западной Сибири	. 43
	Андреева Л.С. Чрезвычайные меры в лесозаготовительной	
	кампании в Сибири 1928 г. в отражении документов	. 47
•	Азаров А.В. Эволюция массового сознания сибирского крестьян-	
	ства в условиях коллективизации начала 30-х годов	. 54
	Соколов В.Ю. «История заводов и фабрик» в контекстах	
	разных периодов	. 60
	Луценко А.В. «Военный коммунизм»: теория А.А. Богданова	
	и реальная жизнь	. 67
	Ким О.В. Роль Коминтерна в вопросе формационной	_
	характеристики докапиталистического Китая (1920-1931)	. 76

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	85
Актуальные проблемы послевоенной отечественной истор	ин
Томилов В.Г. К вопросу об особенностях советской	
историографии	86
Томилов В.Г. К вопросу о борьбе с философией в СССР	9 1
Барский В.В. Проблемы исторнографии этнополитического	
кризиса в России (1991-1997 гг.)	97
Гаврилова Н.П. Легкая промышленность Западной Сибири	
(1971-1975 гг.) в зеркале исторических исследований	101
Андреев В.П., Соболевский С.В. Поведение масс и	
хозяйственной элиты Кузбасса на фоне общероссийских	
перемен рубежа 80-90-х годов	105
Луценко П.Б. Прошлое и настоящее сибирского регионализма:	
создание межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение»	112
Лопатин Л.Н. Некоторые тенденции развития	
кузбасской исторической науки	116
Лопатина Н.Л. О некоторых исторических причинах	
эмоциональных проявлений россиян в	
постсоциалистические годы	121
Папушев И.А. Проблема достоверности источников при изучения	
избирательных кампаний в России (90-е годы XX в.)	125
Сосковец Л.И. Отражение религиозной жизни Западной	
Сибири на страницах газет	129
Зыкова В.Г. Особенности источниковой базы изучения истории	
закрытых городов (на примере г. Северска)	137
Бузанова В.А. Делопроизводственная документация	
государственных предприятий как исторический источник	
(по материалам дорожного отдела Томского облисполкома	
1944-1965 гг.)	142
Шмыглева А.В. Экологическая политика России: проблемы и	
перспективы	147
Шималева А.В. Формирование экологической политики СССР	

Сизов С.Г. История с «ошибочными рецензиями»	
(«Омская правда», обком КПСС и «порочные» литиратурные	
произведения 1956 года)	5 4
Чулнов И.А. Частное предпринимательство в СССР	
в послевоенный период	8
Кондратенко А.Н. История нефтегазового комплекса	
Томской области (1991-1997 гг.)16	52
Чебыкина Т.В. Личные дела спецпоселенцев	
как источник по истории	
насильственных этномиграций в сталинский период	6
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	
В СИБИРИ 17	71
Некрылов С.А. Источники по истории формирования	
прифессорско-преподавательского корпуса	
Томского университета (1888-1917 гг.)	12
$\mathcal{L}_{epyyh} \mathcal{A}.\mathcal{A}.$ Первые труды ученых Томского университета,	
изданные в типографии П.И. Макушина17	15
Голишева Л.А. Научно-педагогическая деятельность	
профессора И.М. Разгона в Томском университете	19
Найбороденко Л.М. У истоков гуманитарного образования и	
науки в Томском государственном педагогическом университете18	37
Боженко Л.И. К истории восстановления юридического	
факультета Томского университета	0
Быкова Т.А. Женское образование в Томской губернии	
во второй половине XIX в	15
Шамонина Л.Г. Гуманитарное образование в вузах	
Забайкалья и региональная характеристика области	Ю
Шелковский В.А. Из истории открытия Омского аграрного	
университета	15
Брагина Е.М. Источниковедческий анализ и методика создания	
банка данных паспортизации образовательных учреждений	
Западной Сибири послевоенного десятилетия21	0
Литвинов А.В. Исторические исследования в дореволюционном	
Томском университете	2

Владимирова Т.Н. Становление научной школы патофизиологов	
в Томском университете	. 217
Карзилов А.И. Исторические корни сибирской школы	
терапевтов	222
Костюков А.А. Высшая школа Западной Сибири в условиях	
перехода к рыночной экономике	227
Агибалова М.И. К вопросу формирования исторического	
сознания студентов	230

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 120-летию Томского государственного университета

Том III

Редактор *В.С. Сумарокова* Обложка *Г.А. Федоренко, А.А. Васильев* Компьютерный набор и верстка *Д.М. Кижнер*

Лицензия 040749 от 18.03.96 г. Формат 60х84 1/16. Бумага офестная. Подписано к печати 21.06.99 г. Гарнитура «Таймс». Печать офестная. Усл. печ. л. 13,8; уч.-изд. л. 14,1.

Тираж 500. Заказ № 1455.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Асиновское полиграфическое объединение, г. Асино, ул. Проектная, 22.

1-899969

То мский госуниверситет 1878

Научная библиотека 0040642